

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 4 (102)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2023

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республи-

ки Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталья Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного

права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующий кафедрой криминологии Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры ан-

глийского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Овсеян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 17.11.2023. Дата выхода в свет: 29.11.2023.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 23,25. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 86. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the

Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Natalya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work).

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ivakivicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisoovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Kovtunenکو Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of

the Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of Nizhny Novgorod Branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 17.11.2023. Release date: 29.11.2023.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 23,25. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 86. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Алексеева Л. А., Майорова С. А.</i> Исключение юридической ответственности: теоретические и практические аспекты	12
<i>Афзалетдинова Г. Х.</i> К вопросу о юридической конструкции принципа и ценности справедливости в механизме нормирования	19
<i>Даллакян К. А.</i> Трансформация терроризма в информационно-цифровом обществе	25
<i>Ельчанинова О. Ю.</i> Доктринальные источники русского права в контексте политико-режимного многообразия XVII века	31
<i>Олейник Р. Р.</i> Дети блокадного Ленинграда в Башкирии: историко-правовой аспект	37
<i>Шиханов К. У.</i> Русский консерватизм на рубеже XIX–XX веков: ключевые этапы формирования и основные идейные установки	43

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Попов А. И.</i> Вопросы соотношения частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях	50
<i>Чумакова О. В., Пашин В. М.</i> К вопросу о правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе	58

Частно-правовые (цивилистические) науки

<i>Белецкий Д. А.</i> Институт авторского надзора в советский период: историко-правовой анализ	64
<i>Галиуллина Р. Х., Улимаев Р. Ю.</i> Гражданские правоотношения, возникающие в связи с находкой	72
<i>Рахимов Э. Х., Исламгулов С. Ф.</i> Проблемные вопросы подтверждения опыта участников государственных закупок	80

Уголовно-правовые науки

<i>Абазов А. Б., Файрушин Т. А.</i> К вопросу об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ)	86
<i>Гамзина А. В.</i> Идеология «колумбайн» и влияние информационно-телекоммуникационных сетей на ее распространение	93
<i>Гараева Д. М.</i> Характеристика норм зарубежного законодательства об ответственности за воспрепятствование оказанию экстренной помощи	102
<i>Кулешова А. В.</i> Методологические принципы формирования базовой методики расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства ..	108
<i>Малахова А. Е.</i> О некоторых аспектах нормативного регулирования обвинительной деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных зарубежных государств постсоветского пространства	114
<i>Нагорный В. А.</i> Постановление прокурора об уголовном преследовании как форма прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина	122

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

<i>Башиева З. В.</i> Обучение студентов – будущих юристов публичному выступлению	130
<i>Гузикова В. В., Нестерова В. Е.</i> Формирование навыков чтения текстов по специальности с учетом принципа проблемного обучения	137
<i>Ефимова О. С.</i> Словообразовательные средства создания комической окраски существительных в современном разговорном немецком языке	145
<i>Овчинникова Л. И.</i> Особенности интерпретации перевода в юридических текстах	152

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

<i>Васильченко А. В., Самородов А. В.</i> Организационно-методические аспекты обучения навыкам оказания первой помощи сотрудников полиции, направляемых для несения службы в особых условиях.....	157
<i>Иващенко Ю. В., Кузьменко Д. В., Ким В. О.</i> Критерии и проблемы кадрового обеспечения образовательных организаций МВД России в сфере профессионально-прикладной физической подготовки	163
<i>Илакавичус М. Р.</i> Академическое письмо как актуальное направление подготовки в адъюнкту-ре образовательных организаций МВД России	170
<i>Ковтуненко Л. В., Гузеев М. С.</i> Инновационные императивы в отечественном образовании ..	177
Памятка	184

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

<i>Alekseeva L. A., Mayorova S. A.</i> Exclusion of legal liability: theoretical and practical aspects.....	12
<i>Afzaletdinova G. Kh.</i> On the issue of the legal structure of the principle and value of justice in the rationing mechanism	19
<i>Dallakyan K. A.</i> The transformation of terrorism in the information and digital society.....	25
<i>Elchaninova O. Yu.</i> Doctrinal sources of Russian law in the context of political and regime diversity of the 17 th century.....	31
<i>Oleynik R. R.</i> Children of blockade Leningrad in Bashkiria: historical and legal aspect.....	37
<i>Shishkhanov K. U.</i> Russian conservatism at the turn of the 19 th – 20 th centuries: key stages of formation and basic ideological attitudes	43

Public law (state law) sciences

<i>Popov A. I.</i> Issues of correlation of private and public interests in administrative and contractual legal relations.....	50
<i>Chumakova O. V., Pashin V. M.</i> On the issue of legal uncertainty in the system of restrictions and prohibitions in the public service.....	58

Private law (civil law) sciences

<i>Beletsky D. A.</i> The institution of architectural supervision in the Soviet period: historical and legal analysis.....	64
<i>Galiullina R. Kh., Ulimaev R. Yu.</i> Civil legal relations arising in connection with the finding.....	72
<i>Rakhimov E. Kh., Islamgulov S. F.</i> Problem issues of confirming the experience of participants in public procurement	80

Criminal law sciences

<i>Abazov A. B., Fayrushin T. A.</i> On the issue of criminal liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	86
<i>Gamzina A. V.</i> Columbine ideology and the influence of information and telecommunication networks on its spread.....	93
<i>Garayeva D. M.</i> Characteristics of the norms of foreign legislation on liability for obstruction of emergency assistance	102
<i>Kuleshova A. V.</i> Methodological principles of the formation of the basic methodology for the investigation of crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons.....	108
<i>Malakhova A. E.</i> About some aspects of normative regulation of prosecutorial activity in the criminal procedural legislation of some foreign states of the post-soviet space	114
<i>Nagorny V. A.</i> Prosecutor's resolution on criminal prosecution as a form of prosecutor's response in supervision over the observance of human and civil rights and freedoms	122

General issues of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

<i>Baishева Z. V.</i> Public speech training of students – future lawyers.....	130
<i>Guzikova V. V., Nesterova V. E.</i> Formation of reading skills in the specialty taking into account the principle of problem-based learning	137
<i>Efimova O. S.</i> World-building of modern German colloquial nouns as means for a comic effect acquiring	145
<i>Ovchinnikova L. I.</i> Features of interpretation of translation in legal texts.....	152

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

<i>Vasilchenko A. V., Samorodov A. V.</i> Organizational and methodological aspects of teaching first aid skills to police officers sent to service in special conditions.....	157
--	-----

<i>Ivashchenko Yu. V., Kuzmenko D. V., Kim V. O.</i> Criteria and problems of staffing educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of vocational and applied physical training	163
<i>Ilakavicius M. R.</i> Academic writing as a current direction of training at the postgraduate courses of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	170
<i>Kovtunen L. V., Guzeev M. S.</i> Innovative imperatives in domestic education	177
Instruction	184

Научная статья
УДК 340.114.6.03

**ИСКЛЮЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Лилия Алексеевна Алексеева¹, Светлана Анатольевна Майорова²

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

² Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу действующего отечественного административного, уголовного и гражданского законодательства, регулирующего вопросы индивидуализации юридической ответственности, а также обстоятельствам, исключающим и освобождающим от юридической ответственности.

Ключевые слова: преступление, правонарушение, юридическая ответственность, исключение юридической ответственности.

Для цитирования: Алексеева Л. А., Майорова С. А. Исключение юридической ответственности: теоретические и практические аспекты // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 12–18.

Original article

**EXCLUSION OF LEGAL LIABILITY:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Liliya A. Alekseeva¹, Svetlana A. Mayorova²

¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia

² Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ Lillilia@mail.ru, ² Plavalaguna@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current domestic administrative, criminal and civil legislation regulating the issues of individualization of legal liability, as well as circumstances excluding and exonerating from legal liability.

Keywords: crime, offense, legal liability, exclusion of legal liability.

For citation: Alekseeva L. A., Mayorova S. A. Exclusion of legal liability: theoretical and practical aspects // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 12–18.

Реализовать на практике действие принципов законности, справедливости, целесообразности, индивидуализации юридической ответственности во многом позволяют обстоятельства, исключающие и освобождающие от юридической ответственности.

Исключение юридической ответственности происходит в случаях, когда нет состава

ва правонарушения, элементами которого являются объект и субъект правонарушения, его объективная и субъективная стороны. Если один из элементов состава правонарушения отсутствует, то юридическая ответственность не наступает.

Обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, содержатся в различ-

ных нормативных правовых актах, относящихся к разным отраслям права. Например, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит в себе основания, при которых не наступает уголовная ответственность, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) – основания исключения административной ответственности и так далее. Трудовой кодекс Российской Федерации в ст. 239 закрепляет обстоятельства, исключающие материальную ответственность работника. При этом само трудовое законодательство, помимо материальной ответственности, предусматривает ответственность дисциплинарную. В гражданском праве в качестве универсального обстоятельства, исключающего ответственность, указана непреодолимая сила.

В административном и уголовном праве существуют сходные обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, поскольку взаимодействие административного и уголовного закона позволяет наиболее полно использовать арсенал существующих мер правового регулирования [1, с. 111].

Первым обстоятельством, исключающим юридическую ответственность, является невменяемость лица, совершившего правонарушение. Под невменяемостью лица принято понимать неспособность лица отдавать отчет в своих действиях, руководить ими в момент совершения правонарушения, вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Данное основание исключения юридической ответственности определено в УК РФ (ст. 21) и КоАП РФ (ст. 2.8).

Вместе с тем даже при наличии психического расстройства, временного или хронического, слабоумия или иного болезненного состояния психики лицо не обязательно является невменяемым, более того, невменяемость вообще отсутствует [2, с. 44]. Невменяемость устанавливается в каждом конкретном случае на момент совершения общественно опасного деяния.

Невменяемость раскрывается через совокупность трех юридических значимых критериев – медицинского, юридического, временного. Первый из названных предполагает наличие у лица психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Вторым свидетельствует о том, что имеющееся заболевание полностью лишает лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо альтернативно руководить ими.

Временной или, как по иному он трактуется в юридической литературе, темпоральный критерий обусловлен моментом совершения деяния [2, с. 44]. Лицо, совершившее деяние в состоянии невменяемости, не является субъектом правонарушения, следовательно, отсутствует его состав, а значит, не имеется основания привлечения к юридической ответственности.

Не будет состава правонарушения, а, следовательно, и юридической ответственности при недостижении субъектом правонарушения установленного законом возраста ответственности. Так, уголовная ответственность по общему правилу наступает с 16 лет, однако за ряд преступных деяний, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, возраст ответственности снижен до 14 лет. Возраст административно-правовой ответственности, в соответствии со ст. 2.3 КоАП РФ, также наступает с 16 лет. Таким образом, совершение лицом, не достигшим шестнадцатилетия, действия, содержащего признаки административного правонарушения, исключает его привлечение к данному виду ответственности.

В соответствии с законодательством Российской Федерации возрастом, с которого лицо может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности, является достижение четырнадцатилетия. Вместе с тем ч. 2 ст. 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) допускает возможность «переложить» обязанность возместить причиненный несовершеннолетним вред на родителей.

Таким образом, каждый вид юридической ответственности предусматривает наступление определенного возраста, по достижению которого лицо может быть привлечено к несению санкций за нарушение норм конкретной отрасли права.

Уголовный закон предусматривает также присущее только уголовной ответственности обстоятельство, исключаящее юридическую ответственность, – малозначительность. При малозначительности правонарушения, которое не представляет общественную опасность, уголовная ответственность не наступает, так как данное действие не является преступлением, но содержит формально признаки такового.

Существование подобного обстоятельства исключения уголовной ответственности обусловлено тем, что одним из признаков преступления выступает общественная опасность, которая при совершении малозначительного деяния отсутствует. В литературе неоднократно обращалось внимание на абстрактность термина «малозначительность» [3, с. 124], размывающего границы усмотрения правоприменителя.

В административном праве не предусмотрено такого обстоятельства исключения юридической ответственности, однако следует признать справедливой точку зрения В. Н. Винокурова, полагающего, что законодатель в ч. 2 ст. 14 УК РФ имел в виду как раз полное отсутствие общественной опасности: «...являясь непреступным, малозначительное деяние не влечет правовой ответственности (административной и гражданско-правовой) в силу абсолютно не общественно опасного характера малозначительного деяния...» [4, с. 76].

Аналогичную позицию высказывал С. М. Даровских, полагающий, что «данным понятием малозначительности преступления охватываются такие деяния, которые не являются ни преступлением, ни административным правонарушением» [5, с. 96].

Однако КоАП РФ в ст. 2.9 определяет малозначительное деяние как обстоятельство, которое служит основанием только для освобождения лица от административной

ответственности. Подобного рода несогласованность норм различных отраслей права свидетельствует о несовершенстве действующего законодательства и требует отдельного рассмотрения.

Обязательным признаком субъективной стороны выступает вина. Невинное причинение вреда происходит, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть, а также не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Деяние, совершенное без вины, получило в юридической доктрине название «казус». Данное обстоятельство признается обстоятельством, исключаящим ответственность.

Еще одним обстоятельством исключения юридической ответственности является необходимая оборона. Необходимой обороной признается правомерная защита личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, если данное посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, в том числе путем причинения вреда посягающему лицу. Данное обстоятельство присутствует и в гражданском праве и заключено в ст. 1066 ГК РФ.

Необходимая оборона представляет собой обстоятельство, исключаящее преступность и наказуемость деяния, поскольку не предполагает противоправности и общественной опасности деяния. С внешней стороны действия, образующие необходимую оборону, могут совпадать с объективной стороной ряда преступлений, например, убийства или причинения тяжкого вреда здоровью. Однако такие действия преступными не могут быть признаны, поскольку не

обладают такими качествами преступлений, как общественная опасность и противоправность. Напротив, такие действия направлены на пресечение преступлений, а, следовательно, являются общественно полезными [6, с. 108]. Стоит указать, что необходимая оборона возможна и в отношении действий лиц, не являющихся субъектами преступлений (невменяемых, не достигших возраста ответственности), но создающих реальную угрозу причинения вреда.

Условия правомерности необходимой обороны неоднократно становились предметом исследования в юридической литературе. В официальных актах толкования указывается, что необходимая оборона будет правомерной при условии наличия, действительности и общественной опасности посягательства. Однако в реальной действительности оценить соответствие нападения указанным условиям бывает достаточно сложно, что в правоприменительной деятельности порождает большое количество ошибок.

Единого определения понятия «вред» не существует, хотя оно и упоминается в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актах. Н. С. Малеин отмечал, что вред – неотъемлемый признак любого правонарушения, совокупность отрицательных последствий правонарушения [7, с. 89–90], а за любое правонарушение должно быть понесено наказание. Однако в уголовном праве есть обстоятельство, исключаящее юридическую ответственность, связанную с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, если эта опасность не могла быть устранена другими средствами.

В этой связи не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответ-

ственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

Причинение вреда под воздействием психического или физического принуждения, в результате которого лицо не могло руководить своими действиями, также не несет за собой уголовной ответственности. Применение данного обстоятельства освобождения сопровождается наличием определенных требований, предъявляемых к такого рода принуждению.

Физическое воздействие в виде пыток, побоев, гипноза и т. д. должно быть непреодолимым, лишаящим лицо свободы воли, фактически делающим его живым орудием преступления. Что касается психического принуждения, то правоприменитель чаще всего исходит из того, что психическое принуждение не обладает признаком непреодолимости, а, следовательно, деяния, совершенные под воздействием такого рода принуждения, будут квалифицироваться в соответствии с правилами крайней необходимости.

При обоснованном риске юридическая ответственность не наступает. При этом риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием), и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Обоснованный риск в юридической литературе также может именоваться как оправданный профессиональный риск или хозяйственный риск, преследующий достижение общественно полезной цели. Подобные термины, как представляется, гораздо лучше отражают сущность рассматриваемого обстоятельства.

Обоснованность риска предопределяется необходимостью достижения социально полезной цели и отсутствием других путей для ее достижения, а также действиями лица, направленными на предотвращение

негативных последствий. Обоснованный риск представляет собой вынужденную меру, весьма схожую, но не тождественную крайней необходимости.

Кроме обстоятельств, исключающих юридическую ответственность в уголовном и административном праве, также существуют обстоятельства, исключающие международно-правовую ответственность. Международно-правовая ответственность основывается на различных актах – договорах, обычаях, решениях международных судов, актах международных организаций в виде резолюций, постановлений и т. д.

В Уставе Организации Объединенных Наций (далее – ООН) закреплены основания, формы и виды ответственности государств, также некоторые основания международно-правовой ответственности закреплены в Конвенции по морскому праву ООН и в принятой в 1927 году резолюции «Международная ответственность государств за ущерб, причиненный на их территории личности или имуществу иностранцев».

В 2001 году во время ежегодного доклада Комиссии международного права Генеральной Ассамблее ООН был представлен проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Данный проект был принят Комиссией на ее пятьдесят третьей сессии. В документе указаны обстоятельства, исключающие юридическую ответственность государств. Перечень таких обстоятельств достаточно мал и имеет сходства с обстоятельствами, исключающими юридическую ответственность в отношении международных организаций.

Так, соглашение одного государства в лице компетентного органа или должностного лица данного государства на совершение конкретного деяния другим государством исключает юридическую ответственность. Данное обстоятельство действует и в отношении международных организаций.

Устав ООН закрепляет право каждого государства на самооборону, но для того, чтобы данные действия не влекли за собой юридическую ответственность, о них необ-

ходимо немедленно сообщить Совету Безопасности. Схожим основанием с самообороной являются контрмеры – деяния, которые представляются противоправными, но лишаются такого статуса в связи с тем, что считаются ответными действиями на противоправные деяния другого государства. Отличие заключается в том, что контрмеры осуществляет третье государство, которое не является участником данных действий изначально.

Непреодолимая сила (форс-мажор) – обстоятельство, исключающее гражданско-правовую ответственность лица, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, что предусмотрено ч. 3 ст. 401 ГК РФ. Данное обстоятельство присутствует не только в гражданском, но и в международном праве. В ситуации, когда субъект вынужден совершать действия, противоречащие международно-правовому обязательству, в силу неподдающегося контролю события, сделавшего невозможным выполнение данного обязательства, международно-правовая ответственность не наступает.

Вместе с тем события не всегда могут быть признанными форс-мажором. Если государство приняло на себя риск возникновения такой ситуации либо данное событие обусловлено полностью или частично действиями государства, исключение ответственности не последует.

Еще одним обстоятельством, исключающим международно-правовую ответственность, является состояние необходимости, которое является общим принципом права в целом. Однако есть четкий перечень, когда может применяться данное обстоятельство, исключающее международно-правовую ответственность. Так, государство может ссылаться на состояние необходимости, когда это является для него единственным путем защиты и когда данные действия не наносят существенного ущерба ему или международному сообществу, в отношении которого есть обязательства данного государства.

Пожалуй, одним из самых часто назначаемых видов ответственности является ответственность дисциплинарная. Субъекты, подпадающие под ее действие, обладают различным правовым статусом, что влечет за собой закрепление в многочисленных нормативных актах различных обстоятельств, освобождающих от дисциплинарной ответственности. Так, согласно Федеральному закону от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» дисциплинарным проступком не будет являться: деяние, совершенное военнослужащим во имя обязательного исполнения приказа или распоряжения командира; деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны; деяние, совершенное при обоснованном риске для достижения поставленной цели и в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, не мог руководить своими действиями.

Сходным обстоятельством, исключающим дисциплинарную ответственность военнослужащего, с другими видами юридической ответственности, в соответствии с классификацией по отраслям права, является деяние, совершенное без вины (казус). Для гражданского работника безвинное при-

чинение вреда также считается обстоятельством, которое исключает юридическую ответственность. Данное положение закреплено в Трудовом Кодексе Российской Федерации.

В ходе рассмотрения обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, можно прийти к выводу, что для разных отраслей права существуют как разные, так и сходные обстоятельства, но в любом случае исключение юридической ответственности лица происходит тогда, когда нет самого состава правонарушения вне зависимости от вида юридической ответственности. В целом можно констатировать, что институт обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, получил наиболее системное закрепление в уголовном законодательстве. Вместе с тем в каждом конкретном случае исключение юридической ответственности представляет собой воплощенный в жизнь принцип законности.

Особым спектром отличий обладают обстоятельства, исключающие международно-правовую ответственность, что вызвано ее специфическим характером, выражающимся не только в несвойственном для других отраслей права составом субъектов, привлекаемых к несению мер государственного принуждения за нарушение норм права, но и в самих этих мерах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трофимов В. Е. Особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 111–117.
2. Морозов В. И. Галкин В. В. Характеристика темпорального признака юридического критерия невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019 № 3 (49). С. 44–54.
3. Левадная М. В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Закон и право. 2018. № 9. С. 124–126.
4. Винокуров В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 74–83.
5. Даровских С. М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7. С. 96–98.
6. Гусейнов И. Г. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). Право. Вып. 45. С. 108–114.
7. Малейн Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 89–90.

REFERENCES

1. Trofimov V. E. Features of bringing to criminal responsibility persons managing means of individual mobility // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. No. 4 (93). P. 111–117. (In Russ.)
2. Morozov V. I. Galkin V. V. Characteristics of the temporal sign of the legal criterion of insanity // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 3 (49). P. 44–54. (In Russ.)
3. Levadnaya M. V. Insignificance of an act in criminal law // Law and Legislation. 2018. No. 9. P. 124–126. (In Russ.)
4. Vinokurov V. N. Insignificance of an act in criminal law: signs and forms // Journal of the Russian Law. 2014. No. 4. P. 74–83. (In Russ.)
5. Darovskikh S. M. On the question of the insignificance of an administrative offense // Bulletin of the South Ural State University. 2012. No. 7. P. 96–98. (In Russ.)
6. Huseynov I. G. Necessary defense as a circumstance excluding the criminality of the act // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 25 (380). Right. Issue 45. P. 108–114. (In Russ.)
7. Malein N. S. Property liability in economic relations. M., 1968. P. 89–90. (In Russ.)

Информация об авторах:

Л. А. Алексеева, кандидат юридических наук, доцент;
С. А. Майорова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

L. A. Alekseeva, Candidate of Law, Associate Professor;
S. A. Mayorova, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 340.13

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРИНЦИПА И ЦЕННОСТИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В МЕХАНИЗМЕ НОРМИРОВАНИЯ

Гульнара Хасановна Афзалетдинова

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
Московская область, Россия, a.gulnara1303@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается юридическая справедливость, основу которой составляет аналогичная категория – морально-нравственное явление. Важность исследования обусловлена тем, что в законодательстве можно обнаружить нормы, не только способствующие ее достижению, но и создающие условия для ее антипода, что в последующем влияет на оценку законодательных и правоприменительных актов, справедливых либо несправедливых.

Автор приходит к выводу о том, что принцип справедливости имеет различное проявление и выражение в отраслях законодательства, в которых можно установить воздающую, распределяющую и уравнительную справедливость, что необходимо учитывать в механизме нормирования. Следование рассматриваемому принципу, безусловно, повысит качественную составляющую принимаемых нормативных актов, снизит напряженность в обществе, будет способствовать эффективности механизма действия права в целом и его структурных элементов.

Ключевые слова: принцип справедливости, правовая ценность, нравственная категория, механизм действия права, механизм нормирования.

Для цитирования: Афзалетдинова Г. Х. К вопросу о юридической конструкции принципа и ценности справедливости в механизме нормирования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 19–24.

Original article

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STRUCTURE OF THE PRINCIPLE AND VALUE OF JUSTICE IN THE RATIONING MECHANISM

Gulnara Kh. Afzaletdinova

Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Moscow region, Russia, a.gulnara1303@gmail.com

Abstract. The article examines legal justice, which is based on a similar category – a moral phenomenon. The importance of the study is due to the fact that in legislation one can find norms that not only contribute to its achievement, but also create conditions for its antipode, which subsequently affects the assessment of legislative and law enforcement acts, fair or unfair.

The author comes to the conclusion that the principle of justice has different manifestations and expressions in branches of legislation in which retributive, distributive and equalizing justice can be established, which must be taken into account in the rationing mechanism. Following the principle under consideration will certainly increase the quality of adopted regulations, reduce tension in society, and contribute to the effectiveness of the mechanism of law as a whole and its structural elements.

Keywords: the principle of justice, legal value, moral category, the mechanism of operation of law, rationing mechanism.

For citation: Afzaletdinova G. Kh. On the issue of the legal structure of the principle and value of justice in the rationing mechanism // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 19–24.

© Афзалетдинова Г. Х., 2023

На современном этапе развития российского законодательства к его тенденциям можно отнести: возрастание количества (вал) принимаемых нормативных актов; необходимость внедрения новых подходов к экспертизам проектов законов; искусственное появление «новых» отраслей российского законодательства, когда вопрос об отнесении регулируемых общественных отношений и необходимости их упорядочивания нормами отраслевого законодательства является спорным; появление новых видов общественных отношений, имеющих качественно иной характер и юридическую природу, связанных с процессами искусственного интеллекта и цифровизации и др. Обозначенный далеко не полный перечень тенденций развития российского законодательства актуализирует вопрос правовых принципов и ценностей в механизме действия права. Последние должны выступать своего рода базой, фундаментом в реформировании российского законодательства. Одна из задач теоретиков права на современном этапе его развития состоит в том, чтобы не допустить «размывание» общеправовых принципов, в первую очередь принципа справедливости, имеющего фундаментальное и «сквозное» значение для отраслевых принципов, законотворческой и правоприменительной деятельности в целом, не допустить того, чтобы семантическое значение общеправовых принципов искажалось и превращалось в свой антипод. «Справедливость в праве реализуется в виде правового принципа, который опосредует оформленные правовыми средствами представления общества о добре и зле, воздаянии за позитивные и негативные поступки и др.» [1, с. 78].

Справедливость выступает безусловной нравственной основой механизма нормиро-

вания, в котором находят отражение такие ее виды, как распределяющая, уравнительная, меновая, воздающая, в последующем опосредуемые в механизме действия права. Рассмотрим проявление указанных видов справедливости в нормах российского законодательства и взаимосвязь с природой регулируемых общественных отношений, логикой регулирующего воздействия норм.

В зависимости от преимущественного выражения в отрасли законодательства общесоциальных либо частных интересов общеправовой принцип справедливости получает конкретизацию в отраслях права, приобретает различную правовую «окраску» и природу. Так, исходя из юридической природы, функций уголовного права в его законодательных нормах, нашла отражение воздающая справедливость (ст. 6, ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации)¹. Уравнительная справедливость имеет «сквозной» характер и выражается в равенстве граждан перед законом и судом вне зависимости от имущественного и должностного положения (ст. 19 Конституции Российской Федерации с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ²). Уравнительную справедливость нельзя сводить к пониманию ее в узком значении. Согласно ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации провозглашены равные права и свободы и равные возможности их реализации мужчиной и женщиной, то есть в данной норме получила отражение уравнительная справедливость. Однако на практике в редких случаях наблюдается гендерное неравенство, что, безусловно, не способствует достижению социальной справедливости.

Распределяющая справедливость нашла отражение в предложениях Правительства Российской Федерации о внесении попра-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022 № 586-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

вок в нормативные акты, где предлагается расширить перечень социальных выплат, которые нельзя списывать за долги в рамках исполнительного производства. К таковым предлагают включить социальные пенсии детям-инвалидам и социальные доплаты к ним¹ в связи с введением с 1 января 2023 г. универсального пособия для семей с низкими доходами², что является проявлением политики социального государства. Распределяющая справедливость находит отражение также в трудовых отношениях, например, при начислении и выплате премий работникам. Вышеуказанный принцип получает конкретизацию и в нормах гражданского законодательства, используется для защиты прав лица при неисполнении другой стороной своих обязательств, вытекающих из договорных отношений (ч. 2 ст. 6, ч. 1 ст. 308.3, ч. 5 ст. 393, ч. 2 ст. 1101, ч. 3 ст. 1252 и др. Гражданского кодекса Российской Федерации)³.

Принцип справедливости, имея морально-нравственную природу, будучи правовым принципом и ценностью, пронизывает своим регулирующим значением все структурные элементы права, и его обеспечение достигается опосредованно, посредством действия таких принципов, как равенство, свобода, законность, гуманизм и др., а также отраслевых: презумпции невиновности в уголовном праве, свободы договора в гражданском праве и пр. При «перекосах» в механизме действия права принципов равенства, свободы, законности, гуманизма сложно достичь справедливости.

Необходимо отметить, что анализируемый принцип права можно рассматривать как минимум с естественно-правовых позиций и позитивизма. Так, при рассмотрении с точки зрения первого подхода справедливость является важной чертой нормативного акта и ее отсутствие позволяет сделать вывод о его

неправовом характере и иных умозаключениях, являющихся следствием. В данной позиции имеется сложность при оценке того, является ли нормативный акт справедливым или нет. Юридическая справедливость с позиций позитивизма должна выражаться в балансе закрепления в законодательстве прав, свобод, законных интересов, с одной стороны, и обязанностей и ответственности – с другой. Необходим баланс публичных и частных интересов, то есть интересов общества, государства и индивида в механизме действия права. В процессе осуществления механизма нормирования закладываются основы для формирования справедливых общественных отношений, что отражается в механизмах регулирования, принуждения и суда. На практике встречается и противоположное, когда правотворчество закрепляет несправедливость или способствует ее зарождению, что вызывает сильное негодование в обществе (в качестве примера можно вспомнить монетизацию льгот; новшества в сфере образования и др.).

Отсутствие планомерной законотворческой политики, вал законодательных инициатив, в которых «захлебываются» парламентарии, создают объективные препятствия планомерности в законотворческой деятельности на уровне Российской Федерации в целом и в регионах. Необходимы программы законотворчества на краткосрочную (от 1 до 5 лет) и долгосрочную перспективу (до 10–15 лет и более). Как представляется, переломить сложившуюся ситуацию поможет рассмотрение механизма нормирования с позиции системного подхода. В этом случае рассматриваемый механизм является подсистемой механизма действия права, испытывающая влияние прямых и обратных связей.

Представления общества и отдельной личности о справедливости конкретного нормативного акта обусловлены использо-

¹ Доходы с гарантией // Российская газета. 2022. 30 сентября. № 220 (8868). С. 2.

² Для семей с низкими доходами введут единое пособие // Российская газета. 2022. 30 сентября. № 214 (8862). С. 2.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть I) (ред. от 05.12.2022 № 503-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

ванием различных правовых средств в правовом регулировании для регламентации различных общественных отношений, а также ответом на вопросы о расширении свобод, обеспечении и реальной гарантированности прав и законных интересов. Качество законодательства и его эффективность будут зависеть от того, насколько справедливость нашла свое обеспечение в механизме нормирования. Последний в качестве первоочередных целей должен отражать и закреплять представления о добре и зле, справедливом и несправедливом и другие ценности, значимые для общества на определенном этапе его развития. При некачественном или несоответствующем отражении общественных идеалов общество пытается «донести» эти идеи с использованием насильственных методов, что свидетельствует о важности их отражения на любом этапе исторического развития, в том числе и в эпоху цифровых технологий и цифровой трансформации.

Одним из опосредованных показателей полноты отражения принципа справедливости в механизме нормирования является количество внесенных изменений в нормативный акт, срок действия последнего, качественная характеристика регулируемых отношений, степень обеспеченности прав и интересов субъектов. Справедливость, как и равенство, нельзя сводить к «уравниловке».

Вышеуказанное морально-нравственное явление, наряду с иными содержащимися в праве принципами и ценностями, выступает своего рода ориентиром и определяет соответствие используемых правовых средств, стремление к достижению баланса интересов. В качестве примера выражения справедливости в правовой жизни можно привести: соответствие совершенного действия либо бездействия – мерам наказания либо поощрения за его совершение; вовлеченность работника в деятельность предприятия, его «вклад» в общее дело, характер трудовых отношений – занимаемой им должности и премии либо привлечению к дисциплинарной ответственности по итогам определенного периода; характер международной ситуации, вводимых санкций против

Российской Федерации и принимаемыми международными актами.

Справедливость является принципом права посредством получения соответствующего закрепления в законодательстве и в то же время выступает правовой ценностью, способствующей формированию аксиологического измерения, а нравственные представления выступают ее основой. Оценка правовых явлений с позиций рассматриваемого нравственного идеала будет существовать всегда, поскольку в сферу правового регулирования попадают общественные отношения, регулируемые не только правовыми, но и иными социальными нормами. Справедливость используется для оценки в различных сферах общественной жизни.

Стоит затронуть вопрос соотношения принципов права и принципов правосознания. Если первые содержатся в нормах права и непосредственно влияют на действие права, то принципы правосознания оказывают опосредованное воздействие, преимущественно выражаясь в правоприменительной деятельности и в индивидуальной правовой жизни субъекта, используются для оценки действий и событий, нормативных и правоприменительных актов. Принципы правосознания не имеют непосредственного регулятивного механизма. Принципы права, содержанием которых выступают ценности, становятся основой принципов правосознания, которые в дальнейшем «незримо» проявляют себя в правовой жизни.

Справедливость, находя отражение в механизме нормирования в форме принципа права, ввиду отсутствия в таких нормах стандартной трехчленной структуры, не снабжена непосредственным механизмом его осуществления, в отличие от права в целом. Особенность отражения справедливости в механизме нормирования выражается в том, что для своей реализации рассматриваемому принципу и ценности права необходимы дополнительные процедурные и правовые средства, юридические механизмы. Последнее обуславливает то, что данный принцип в праве выступает также целью и идеалом.

Осуществляя анализ степени выраженности принципа справедливости в механизме нормирования, следует сопоставлять характер регулируемых общественных отношений и первостепенность обеспечения общесоциального интереса, общего блага, обеспечения публичных и частных интересов. Данный анализ производится как гражданами, так и профессиональными юристами и приобретает различное внешнее выражение.

Затрагивая вопрос подготовки законопроектов и внесения предложений об изменении действующих нормативных актов, отметим, что необходимо в обязательном порядке опираться на рекомендации по итогам парламентских слушаний в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Справедливость, будучи выраженной в законодательстве в качестве отраслевого принципа, позволяет оценивать действия лица на предмет их противоправности и соответствия мер и вида наказания (например, совершенного убийства с особой жестокостью и назначенного лицу наказания с указанием определенного количества лет и месяцев лишения свободы). Осуществляется невольное соотнесение прав и обязанностей, природы и характера регулируемых общественных отношений и предусмотренных мер воздействия на потенциального нарушителя, угрозы общесоциальным интересам и интересам отдельной личности, соответствия сущего – должному и пр. Необходимо отметить, что в отраслях законодательства анализируемый принцип получает различную степень конкретизации: в нормах административного права этот принцип отсутствует и прописан в уголовном, гражданском и процессуальных отраслях.

Существует опасность нарушения и уменьшения принципа справедливости в процессе правоприменительной деятельности при использовании оценочных понятий, существенной разнице в установленном верхнем и нижнем пороге санкции за правонарушение и выбранном виде и размере наказания за конкретное противоправное действие. В

ходе правоприменительной деятельности, осуществляемой на основе принятых ранее норм права, могут создаваться условия для усмотрения в праве и принятия юридического решения, справедливость которого либо отдельных его положений могут вызывать сомнения.

Механизм нормирования, основанный на принципе справедливости, детерминирует действенность механизма регуляции, механизма суда и принуждения. Принцип справедливости в механизме нормирования выступает обстоятельством, обеспечивающим его ценность, способствует достижению социальной справедливости в обществе, минимизации конфликтов между различными социальными группами. Прав профессор О. В. Мартышин, отмечая, что «на высшую ступень в иерархии между ценностями может претендовать лишь всеобъемлющий принцип справедливости, тесно связанный с общим благом. Все другие ценности соизмеряются с ним ...» [2, с. 9].

Принцип справедливости имеет различное проявление и выражение в отраслях законодательства, в нормах которого можно установить воздающую, распределяющую, меновую и уравнительную справедливость, что следует учитывать в механизме нормирования. Соответствие рассматриваемому принципу принимаемых нормативных актов, безусловно, повысит их качественную составляющую, снизит напряженность в обществе.

Важность исследования обусловлена тем, что в законодательстве можно обнаружить нормы, не только способствующие ее достижению, но и создающие условия для ее антипода, что в последующем влияет на оценку законодательных и правоприменительных актов (справедливых либо несправедливых) и влияет на их эффективность.

Анализируемое нравственно-правовое явление в механизме нормирования является многоликим и его можно рассматривать в следующих аспектах:

– как принцип, идею, цель и идеал, получающие опосредование в праве вообще и законодательстве;

– как элемент правосознания, на основе которого происходит оценка явлений и нормативных актов;

– как нравственную ценность, которая при закреплении в законодательстве становится нравственно-правовой;

– с позиций справедливости как нравственно-правового императива (сфера должного) общество оценивает действующие и утратившие юридическую силу правовые нормы, правоприменительные акты, меры принуждения (сфера сущего);

– правовая справедливость вместе с другими принципами и ценностями обеспечивают ценность права, регулирующее воздействие принципов и ценностей присутствует незримо и ощущается при их ущемлении;

– изменение нравственных ценностей в обществе, получая отчасти опосредование в нормах права (примером может служить разрешение регистрации однополых браков и усыновления детей в таких семьях в странах Западной Европы; легализация упо-

ребления марихуаны в ряде штатов США и привлечение к ответственности в других штатах), детерминирует понимание справедливости в праве как специфической юридической конструкции, что значительно сужает семантическое и регулятивное значение рассматриваемого явления;

– выступает своего рода ориентиром и определяет соответствие используемых правовых средств, стремление к достижению баланса публичных и частных интересов в обществе;

– особенность отражения справедливости в механизме нормирования выражается в том, что для своей реализации рассматриваемому принципу и ценности права необходимы дополнительные процедурные и правовые средства, юридические механизмы;

– принцип справедливости, имея общеправовую природу, получает различную степень конкретизации в отраслевых принципах, определяя эффективность норм отрасли права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чечельницкий И. В. Справедливость и правотворчество: монография. М.: Проспект, 2021. 176 с.
2. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.

REFERENCES

1. Chechelnitzky I. V. Justice and lawmaking: monograph. M.: Prospekt, 2021. 176 p. (In Russ.)
2. Martyshin O. V. The problem of values in the theory of state and law // State and law. 2004. No. 10. P. 5–14. (In Russ.)

Информация об авторе:

Г. Х. Афзалетдинова, кандидат юридических наук.

Information about the author:

G. Kh. Afzaletdinova, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 340.114.101.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА В ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Карлен Ашотович Даллакян

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, dak58@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей изменения феномена терроризма в современном информационно-цифровом обществе. Четвертая научно-технологическая революция изменила не только современные технологии, она виртуализовала пространственно-временные характеристики мира, создав общество цифрового глобализма, главный ресурс которого – информация – превратился в симулякр, практически не поддающийся верификации. В современных условиях все более виртуализирующейся реальности и беспрецедентного усиления ее влияния на сознание социальных субъектов, вплоть до их программирования, актуализируется необходимость особого изучения информационно-цифрового манипулирования людьми с целью противодействия этому. Особенно важно защитить от разрушения неискушенное сознание молодежи и подростков, наименее защищенное от информационных фейков. Терроризм, трансформируясь, использует современные маркетинговые технологии подталкивания молодых людей к необходимому манипуляторам поведению уже не столько посредством внушения страха, сколько убеждения их в выгоды подобных действий. Особенно трудно молодежи справиться с подобным соблазном в виртуальном киберпространстве. В статье раскрываются проблемы и пути противодействия этому.

Ключевые слова: терроризм, цифровой глобализм, информация, виртуальность, киберпространство, симулякр, манипуляция, конsumerизм, противодействие, сознание.

Для цитирования: Даллакян К. А. Трансформация терроризма в информационно-цифровом обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 25–30.

Original article

THE TRANSFORMATION OF TERRORISM IN THE INFORMATION AND DIGITAL SOCIETY

Karlen A. Dallakyan

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, dak58@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of changing the phenomenon of terrorism in the modern information and digital society. The fourth scientific and technological revolution has changed not only modern technologies, it has virtualized the spatial and temporal characteristics of the world, creating a society of digital globalism, whose main resource - information - has turned into a simulacrum, practically not subject to verification. In modern conditions of increasingly virtualizing reality and unprecedented strengthening of its influence on the consciousness of social subjects, up to their programming, the need for special study of information and digital manipulation of people in order to counteract this is actualized. It is especially important to protect from destruction the inexperienced consciousness of young people and adolescents, the least protected from information fakes. Terrorism, transforming itself, uses modern marketing technologies to push young people to the behavior necessary for manipulators, not so much by instilling fear, as by convincing them of the benefits of such actions. It is especially difficult for young people to cope with such a temptation in virtual cyberspace. The article reveals the problems and the ways to counteract them.

Keywords: terrorism, digital globalism, information, virtuality, cyberspace, simulacrum, manipulation, consumerism, counteraction, consciousness.

© Даллакян К. А., 2023

For citation: Dallakyan K. A. The transformation of terrorism in the information and digital society // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 25–30.

Методологически важным представляется интеграция, на первый взгляд, противоположных концепций социальной эволюции и революционной теории К. Маркса, переосмысленных в постмодернистской парадигме «глобального шоу». Знаменитое гераклитовское изречение «Все течет, все изменяется», положенное в основу понимания современных теорий эволюционных изменений мира, сегодня так же актуально, как и двадцать семь веков назад. Все меняется, модифицируется, порой даже трансформируется в зависимости от природных и социо-культурных условий существования. Марксизм, развивая идеи технологического детерминизма, предложил в качестве основополагающих детерминантов социальной эволюции рассматривать развитие производительных сил общества, прежде всего, орудий труда и технологий. Сегодня мы наблюдаем очередную трансформацию глобального социального бытия вследствие развития четвертой научно-технологической революции. Меняется не только мир, меняются и люди. «Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами постепенно становимся ими», – замечает Жан Бодрийяр [1, с. 108].

В условиях современной экономической и социально-политической турбулентности общества цифрового глобализма активизируются различные механизмы перестройки мировой системы. Одним из таких деструктивных средств являются симулякры информационного терроризма современных глобально-экономических и политических акторов. Информационные атаки на оппонентов существовали всегда, однако в современных условиях все более виртуализируемой реальности и беспрецедентного усиления ее анонимного влияния на сознание социальных субъектов, вплоть до их программирования, актуализируется необходимость особого изучения информационно-цифрового манипулирования людьми с целью противодействия этому. Особенно

важно помочь сохранить неразрушенным неискушенное сознание молодежи и подростков, как известно, наименее защищенное от информационных фейков.

В своей работе «Прозрачность зла» Жан Бодрийяр отмечал, что современная цивилизация подобно пластическим хирургам трансформирует действительность, сознательно обеляет зло, делая его прозрачным. «Нашим обществом, – пишет он, – овладела какая-то разновидность белокровия, нечто подобное разложению негативного в заливной эйфории <...> Мы словно освещены со всех сторон техникой, образами, информацией и, не имея возможности преломить этот свет, тем самым обречены на белую деятельность <...> на побеление наших тел, как и денег, мозга, памяти, на общую антисептику. Мы обеляем насилие, историю, осуществляя гигантский маневр эстетической хирургии» [2, с. 52].

Развитие новейших информационно-цифровых технологий повлияло и на эволюцию террора как способа достижения социальных субъектов своей цели. Если террор всегда понимался как воздействие на сознание и поведение оппонента посредством его устрашения [3, с. 6], то сегодня манипулирование поведением людей достигается посредством не только и даже не столько страха, сколько желания и удовольствия. Человека подталкивают к необходимому для манипулятора поведению посредством информационных атак на его психику. Манипулируемый считает, что действует согласно именно своему желанию, не подозревая, что находится под дистанционным управлением. Не случайно Бен Ладен говорил: «Для нас смерть желаннее, чем для вас жизнь», имея в виду, что многие представители современного западного мира потеряли смысл жизни, в то время как террористы видят его в уничтожении тех, кого они считают врагами, даже ценой собственной жизни.

Еще одной особенностью современного информационно-идеологического террора

является распыленность субъекта информации. В виртуальном информационном поле невозможно определить авторов и субъектов информации. Всевозможные идеологические и политические тексты и видеоролики в Интернете озвучивают, как правило, отнюдь не их авторы, создавая впечатление, что это мнение простых граждан. Поэтому террор сегодня следует понимать не просто как устрашение, а как угрозу действия этой информации на сознание и поведение широких слоев населения. Если человеку с целью манипуляции навязывается информация, способная нанести вред, зло окружающим, включая и самого действующего субъекта, то такое манипулирование, на наш взгляд, является терроризмом.

Самым сильным террористическим воздействием на психику современного человека обладают деньги. По сути, капиталистический консюмеризм и означает иными словами «деньгизм» – общество, практически обожевлившее денежный симулякр не только как средство достижения всех целей, но и как навязанный смысл жизни для большинства его граждан. Современные маркетинговые технологии уже создают у потребителей не просто необходимые производителю потребности, но и в целом определенный тип человека, подверженный их легкому манипулированию. Маркетинг, происшедший от слова «market» – рынок, изначально был ориентирован на изучение рынка с целью производства необходимого потребителю товара, которого не хватало на рынке. Эволюция капитализма, глобализация, развитие транснациональных корпораций привели к необходимости создания у потребителей потребностей именно в их товаре. Капитал уже не подстраивается под потребителя, а создает у него потребности в своем товаре. Более того, сегодня капитал уже трансформирует психику человека в целом, создавая не просто потребности, а определенный тип личности – консюмериста со свойственными ему экзистенциальными качествами.

Одними из важнейших для манипуляторов качеств современного человека являются страх, тревожность, желание и удоволь-

ствие, тщеславие, желание казаться, а не быть. Такая тотальная манипуляция людьми подводит их к черте, после которой возникает угроза потери уже самой человечности. Современный информационный терроризм решает вопрос «Быть или не быть?» человеку и человечности в пользу «не быть». Вместо человека порой остаются «отбросы», о которых предупреждал Ж. Бодрийяр.

Терроризм меняет не только масштабы, но и формы. Потребителем управляют в том числе посредством навязывания страха перед подорожанием товара, его возможной недоступностью, несоответствием необходимому статусу. Террор может заключаться в порождении зависимости от товара, в том числе и посредством роста удовольствия. Человеком манипулируют посредством подталкивания к необходимому манипуляторам поведению. Такого рода триггеры описаны в работе Нира Эяля и Райана Хувера «На крючке. Как создавать продукты, формирующие привычки» [4, с. 132]. То есть современный террор уже не просто пугает человека, он, подобно пластической хирургии, его трансформирует, превращая в некоего «постчеловека» или может даже «постнедочеловека».

Сегодня многие люди живут в экзистенциальной пустоте сфабрикованного информационно-фейкового потока, создающего иллюзию нормальной жизни. Жажда информации, зависимость от нее, включая фейковую, превращается в опасную патологию – информационный психоз. Одними из основных причин этого являются одиночество, ощущение собственной ненужности и никчемности. Спасительное «бегство в пустоту» присуще многим современным молодым людям, особенно подросткам, психофизиологическое состояние которых обусловлено нестабильностью их гормонального фона, характерной для этого возраста неуверенностью в себе, приводящей к избеганию общения с окружающими. Это приводит к росту числа так называемых «интернет-мигрантов» – людей, бегущих из реального мира в виртуальный.

Рост подобной миграции отражает статистика, согласно которой в 2010 году

Интернетом в нашей стране были увлечены 43,3 млн человек, в 2015 году – 78 млн человек, в 2018 году – уже более 90 млн человек, а сегодня эта цифра перевалила за 120 млн человек. Это практически все население России. Многие из этих «юзеров» страдают уже интернет-зависимостью, которую во всем мире, включая всемирную организацию здравоохранения, однозначно признают болезнью [5, с. 19–21].

Зависимость от информации виртуального мира особенно опасна для молодых людей, так как может угрожать их самоидентичности. Порой они настолько увлекаются, что могут отождествлять себя с виртуальным персонажем. Не секрет, что многие из них меняют свои имена, общаются в социальных сетях от имени своего виртуального персонажа, часто приписывая себе выдуманные качества, и со временем все больше сами верят в это. Очевидный пример нейролингвистического самопрограммирования. Да и виртуальная анонимность, создающая ложное чувство защищенности, становится все более заманчивой для молодежи. Человек видит своего визави, во всяком случае, так он думает, а тот его нет. Преподаватели в процессе онлайн-занятий все чаще убеждаются в этом, замечая, что становится все труднее убедить студентов включить при ответе камеру.

Постоянное пребывание растущего количества молодых людей в киберпространстве приводит не только к снижению их критического мышления, но и порой к не совсем адекватному поведению, излишней эмоциональности и агрессивности. Информационный террор приводит к росту попыток суицида. Печально известные виртуальные секты и сообщества вроде «Синий кит» – свидетельство этому.

Сегодня даже трех-четырёхлетние дети, предпочитая жизнь в виртуальном пространстве, подвергаются информационному террору. Причем их родители, как правило, не осознавая всех возможных последствий, часто сами способствуют этому. Социологические исследования показывают, что 90 % четырехлетних детей выходят в сеть вместе с родителями, в 8–9-летнем возрасте дети уже,

как правило, живут в виртуальном пространстве самостоятельно, а к 14 годам подростки полностью мигрируют в Матрицу. Более 83 % российских подростков имеют профиль в социальных сетях, причем у каждого шестого из них более сотни друзей. Почти половина российских подростков (в Европе всего 8 %), познакомившись в социальных сетях, встречаются и в реальности. Похоже, что наши ребята смелее, а может, просто доверчивее, что делает их более подверженными информационному манипулированию.

Следует подчеркнуть, что одним из важных способов противодействия виртуальному информационному терроризму является формирование интереса у молодых людей к какой-либо деятельности в реальной жизни, наличие хобби. Статистика свидетельствует, что среди подростков, независимых от виртуального мира, почти все имеют хобби, а среди зависимых лишь 28 %, причем связано оно, как правило, с деятельностью в Интернете. Кроме хобби, на степень интернет-зависимости влияет также наличие у молодых людей распорядка дня. Независимые всегда планируют свое время, среди слабовязисимых таких 40 %, среднезависимых – 30 %, а сильнозависимых – всего 3 %. Полностью зависимые вообще не имеют никакого распорядка дня и не планируют свое время.

Исследования ученых Чикагского института физиологии подтверждают такое негативное последствие интернет-зависимости молодых людей, как невозможность существования в реальном мире вне всяких виртуальных форумов, конференций и чатов. Это вызывает у них депрессию, которая может проявиться в самых разных ситуациях с соответствующими последствиями, бездеятельность, неуверенность в себе, застенчивость в реальном общении, социальную пассивность, что диаметрально противоположно их образу в виртуальном мире.

Отождествление виртуального и реального миров часто ведет к росту агрессивности, нарушению взаимной коммуникации, к апатии, нелюдимости, разным социальным фобиям. Такие молодые люди общаются, как правило, только с себе подобными и,

несмотря на самомнение, в реальной жизни часто выглядят жалкими и беспомощными. Психиатры такую зависимость называют запингом, представляющим собой синдром депрессии и нервного расстройства, который может перейти в еще более навязчивое состояние – грейзинг. Эти патологии могут проявляться в различных областях реальной жизни. Интересно, что такие люди, впрочем, как и многие психически больные, не признают свою зависимость. Исследования показывают, что только один из четырнадцати зависимых признает себя таковым, остальные уверены, что это манипуляции врачей.

Одним из новых видов терроризма является подсаживание молодых людей на иглу игромании, порождая у них сильную зависимость. Информационно-цифровая зависимость – очень опасное заболевание, ведь зависимый попадает в две ловушки – престижа, так как общеизвестно, что не каждому доступна «цифра», и в ловушку привыкания. Зависимый ради виртуального мира отказывается даже от еды, прогуливает учебу или работу, не спит по ночам, теряет интерес к реальной жизни. Этой зависимостью страдают уже свыше 10 % населения мира, включая детей.

Таких зависимых обычно делят на три типа. Первый – зависимые от чувства эйфории. Второй – бегущие от действительности в виртуальную реальность, желающие получить эндорфин – гормон радости. Третий тип – игроки, живущие идеей-фикс выиграть

столько денег, чтобы хватило на всю жизнь. Это самый опасный тип зависимых, привыкающих к виртуальной смерти и порой даже стремящихся к ней в реальности.

Бегство от реальной жизни в виртуальную часто бывает обусловлено перфекционизмом – желанием исключить из своего мира все несовершенное, включая порой и сам реальный мир. Нередко это может привести и к суицидальным мыслям и действиям. Иногда причиной такого поведения бывает желание исключить из своей жизни всякие сложности и случайности, ведь в жизни не все так идеально и предсказуемо, как в виртуальных грезах. Этим пользуются сетевые манипуляторы, подсаживающие информационно зависимых на свою виртуальную «удочку».

Немаловажную роль в формировании инфо-зависимости и желании постоянно находиться в виртуальном мире играет страх пропустить информацию о том, что произошло в мире, основанный на тотальной конкуренции: вдруг другие узнают то, чего не знаю я.

Важнейшим способом противодействия новым видам информационного терроризма является истинное образование, которое мы называем «нео-образованием» [5]. Оно способствует развитию у учащихся критического, творческого мышления, ориентированного, прежде всего, не на информацию, а на их личностные параметры, формирующие у них потребность оставаться самими собой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр Ж. Город и ненависть. Лекция во Французском Колледже при МГУ. Логос. М., 1997. С. 107–116.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2021. 260 с.
3. Даллакян К. А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа: УЮИ МВД России, 2016. 148 с.
4. Эяль Н., Хувер Р. На крючке. Как создавать продукты, формирующие привычки. М.: Ман, Иванов, Фербер, 2017. 272 с.
5. Даллакян К. А. Нео-образование в глобальной матрице медиакультуры информационно-цифрового общества. Воронеж, 2022. 146 с.

REFERENCES

1. Baudrillard J. The city and hate. Lecture at the French College at Moscow State University. Logos. M., 1997. P. 107–116. (In Russ.)

2. Baudrillard J. Transparency of evil. M.: Dobrosvet, 2021. 260 p. (In Russ.)
3. Dallakyan K. A. Terror as a form of social existence. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 148 p. (In Russ.)
4. Eyal N., Hoover R. On the hook. How to create products that form habits. M.: Mann, Ivanov, Ferber, 2017. 272 p. (In Russ.)
5. Dallakyan K. A. Neo-education in the global matrix of media culture of the information and digital society. Voronezh, 2022. 146 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

К. А. Даллакян, доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

K. A. Dallakyan, Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 340.12(470)"16"

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-РЕЖИМНОГО МНОГООБРАЗИЯ XVII ВЕКА

Ольга Юрьевна Ельчанинова

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-7667-9609, olga220169_69@mail.ru

Аннотация. В статье показано как историческое развитие России XVII в. повлияло на оформление правовой доктрины как источника русского права. При проведении исследования автор опирался на положения исторической школы права, представители которой обосновали важную роль «народного духа» в развитии права, актуализировали вопрос о соответствии законодательства этому «народному духу», в том числе складывающимся в процессе жизни обычаям и традициям. Наиболее явно эта тенденция стала просматриваться в связи с процессом централизации государства, при этом важную роль играло наличие единого общерусского законодательного акта. Автором отмечается, что развитие правовой доктрины в рассматриваемый период было связано с общей тенденцией тяготения к созданию формулы «лучшей формы правления», к упорядочиванию правового регулирования общественных отношений. Для национальной правовой системы XVII в. имеет особое значение, поскольку именно тогда, после преодоления кризиса государственности началось, с одной стороны, оформление сословной структуры общества, формирование класса собственников, повышение уровня его образованности, а с другой – появление новых тенденций в праве. Анализ доктринальных источников XVII в. позволил автору оценить разнообразие сложившихся к тому времени взглядов на государство и право, на формы правления, на соотношение государства и общества, права и закона.

Ключевые слова: источник права, правовая доктрина, правовая идеология, Юрий (Гурий) Крижанич, Иван Тимофеев, Симеон Полоцкий.

Для цитирования: Ельчанинова О. Ю. Доктринальные источники русского права в контексте политико-режимного многообразия XVII века // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 31–36.

Original article

DOCTRINAL SOURCES OF RUSSIAN LAW IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND REGIME DIVERSITY OF THE 17TH CENTURY

Olga Yu. Elchaninova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia, ORCID 0000-0002-7667-9609, olga220169_69@mail.ru

Abstract. The article shows how the historical development of Russia in the 17th century influenced the design of legal doctrine as a source of Russian law. When conducting the study, the author relied on the provisions of the historical school of law, whose representatives substantiated the important role of the “folk spirit” in the development of law, updated the issue of compliance of the adopted and current legislation with this “folk spirit”, including customs and traditions that develop in the process of life. Most clearly, this trend began to be seen in connection with the process of centralization of the state, while the existence of a single all-Russian legislative act played an important role. The author notes that the development of the legal doctrine in the period under review was associated with a general tendency towards the creation of a formula for the “best form of government”, to streamline the legal regulation of social relations. For the national legal system,

© Ельчанинова О. Ю., 2023

the 17th century is of particular importance, since it was then that after overcoming the crisis of statehood, the formation of the estate structure of society, the formation of a class of owners, an increase in the level of its education, the emergence of new trends began in the law. Analysis of doctrinal sources of the 17th century allowed the author to assess the diversity of views that had developed by that time on the state and law, on the forms of government, on the relationship between state and society, law and legislation.

Keywords: source of law, legal doctrine, legal ideology, Yuri (Gury) Krizhanich, Ivan Timofeev, Simeon Polotsky.

For citation: Elchaninova O. Yu. Doctrinal sources of Russian law in the context of political and regime diversity of the 17th century // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 31–36.

В юридической науке до сих пор не сложилось единого мнения о природе и значении правовой доктрины, ее месте в системе источников права и правовой системе. Как известно, в течение длительного времени доктрина была доминирующим источником права в романо-германской правовой семье, благодаря чему были выработаны основные принципы права.

Этимологически существует несколько версий происхождения термина «доктрина». Согласно первой это понятие произошло от латинского слова «*doktrina*», что означает учение, основное положение. Вторая версия объясняет значение этого понятия его русским происхождением от первичного слова «дока», что значит знаток, толковый человек. Еще одна версия – термин «доктрина» происходит от слова «дошлый», т. е. доходить своим умом до решения какой-либо задачи. По мнению профессора С. В. Бошно, для более точного понимания сущности доктринальных источников следует разграничивать понятия «доктрина», «доктрина-форма», «доктрина-персона». Доктрина – это применяемая в практике теория, это совокупность правовых идей установочного и поведенческого содержания. Под доктриной-формой следует понимать внешнюю оболочку, в которой объективируется доктрина, иными словами это учебники, монографии, статьи, научные доклады. Доктрина-персона – это ученый, внесший большой вклад в формирование правовой доктрины, чьи идеи были восприняты в правотворчестве и правоприменении [1, с. 5–6].

Автор статьи, солидаризируясь с этой позицией, исходит из того, что правовые идеи, которые приводятся в научных тру-

дах, постепенно переходят в общественное сознание, и то, что раньше представлялось отдаленным идеалом, со временем становится действительным фактом. Труды ученых являются одним из факторов, способствующих развитию права. И если подходить с точки зрения социологического направления правовой мысли, исходя из того, что задача юридической науки заключается в изучении права в связи со всеми другими явлениями общественной жизни, тогда становится вполне понятно, какую важную роль для правоведения играют доктринальные источники. Она состоит в том, что научные труды не только являются памятниками положительного права, но и дают оценку этого права, указывают его идеалы и таким образом способствуют прогрессивному развитию правовой жизни [2, с. 276].

В данной статье автор будет руководствоваться следующими соображениями относительно сущности данного понятия: 1) как учения; 2) как совокупности идей, сформулированных учеными. Под правовой доктриной XVII века считаем целесообразным определить идеи о государстве и праве и мыслителей, их высказавших и оформивших в своих трудах.

Доктринальные источники коррелируются материальными условиями жизни общества, а в классовом обществе выражают интересы конкурирующих социальных групп. В этой связи для национальной правовой системы XVII век имеет особое значение, поскольку именно тогда, после преодоления кризиса государственности, в начале первого десятилетия началось, с одной стороны, оформление сословной структуры общества, формирование класса собствен-

ников, повышение уровня его грамотности и образованности, а с другой – рост антифеодалных и антицерковных настроений, появление новых тенденций в культуре и праве [3, с. 102].

Именно на тот сложный период в истории российского государства приходится деятельность образованных и прозорливых мыслителей. К их числу следует отнести Ивана Тимофеева, Юрия (Гурия) Крижанича, Симеона Полоцкого (Самуила Гавриловича Петровского-Ситниановича) и др. В их работах отражены передовые для своего времени идеи о происхождении власти, формах правления, о проблемах войны и мира, преступления и наказания, которые в последующие периоды нашли реализацию в виде закрепления в правовых актах и принятия управленческих решений.

Остановимся на анализе взглядов вышеназванных мыслителей. Иван Тимофеев, будучи приказным дьяком, активно участвовал в государственно-правовых процессах российского государства как внутри, так и вне его в начале XVII в. Результатом его глубоких размышлений стал «Временник», дошедший до нас в единственной рукописи и посвященный описанию событий Смутного времени, очевидцем которых он являлся. В числе первых он задался вопросом о причинах русской Смуты и поднял проблему происхождения власти, ее сущности, выбора той или иной формы правления. Автор «Временника», оценивая роль в условиях государственного кризиса правящей тогда элиты – боярства, показывал его моральное разложение и считал повинным в допущении Смуты [4, с. 58].

В понимании мыслителя верховная власть имеет божественное происхождение, а потому призвана быть оплотом общественного порядка. Именно по причине отказа царей от соблюдения вековых традиций и обычаев на землю русскую пришла Смута. Но не только переход власти по наследству следует считать законным, другим вариантом передачи власти он признавал волеизъявление народа, который правомочен в выборе своего царя. Он делил правителей

на «истинных» и «неистинных». К первым он относил Ивана IV, Федора Иоанновича, поскольку они были венчаны по законам и обычаям предков, и Михаила Романова, избранного по народному волеизъявлению. Отказ же от поддержки народа всегда чреват для самозванцев расправой. Так и случилось в период Смуты с Б. Годуновым, В. Шуйским, Лжедмитрием, незаконно завладевшими российским престолом. Чтобы впредь не допустить подобное, он предлагал создать выборное учреждение верховной власти – Вселюдской собор и ввести «народное голосование».

И. Тимофеев считал, что благополучие государства и прочность верховной власти зависят от того, кто составляет окружение царя. Это должны быть «лучшие», знатные, образованные люди, которые занимают высокие должности в государстве по праву рождения. В дополнение к этому тезису, он отмечал, что одной из ошибок Ивана IV, Бориса Годунова и причин Смуты была их ставка на безродных, незнатных людей – дворян, что оттолкнуло от них боярство.

Мыслитель высказывал еще один интересный тезис. Он касается мысли о том, что, несмотря на божественное происхождение его власти, царь – не бог, а человек, поэтому в случае совершения им неправомερных поступков надо ограничивать его злые намерения. В чрезвычайных случаях царя-тирана можно убить, поскольку тирания и деспотизм противоречат божественному миропорядку.

В произведении И. Тимофеева нередко встречаются такие термины, как «естественный» закон, «уставной» закон. Под первым он понимал то справедливое и разумное начало, на котором должен строиться общественный и государственный порядок. А под вторым – все действующее позитивное право. В нем он выделил коренные законы, которыми должен регулироваться процесс избрания претендентов на российский престол. Можно предположить, что коренными законами мыслитель считал избирательные начала как главнейшие законоположения, полагая, что их принятие и соблюдение

должно стимулировать уважение ко всем нормативным актам государства. У И. Тимофеева право всегда нравственно, а все, что безнравственно, всегда противоправно.

И. Тимофеев впервые в правовой мысли России разграничил понятия «общество» и «государство». Под обществом он понимал «любовное вкупесложение» всего народа, возложив на него обязанность по участию в государственном строительстве и создании законов, потребовав от всех представителей социума, независимо от социального и правового статуса, безукоризненного служения Отечеству по защите его интересов [4, с. 163].

Схожие идеи можно увидеть и в трудах Юрия Крижанича, хорвата по происхождению, прожившего в России около двух десятилетий, но сумевшего описать специфику российской государственности и права. Среди его работ наибольший интерес для нас представляет «Политика», структурированная в 3 частях и 36 разделах. Часть 1 «О благе» включает в себя 4 раздела, содержащие размышления автора о торговле, ремесле, земледелии. Часть 2 «О силе» посвящена размышлениям о военном строительстве. В части 3 «О мудрости» в разделах 23, 32, 34, 36 он раскрывает сущность, цели государственной власти, пишет о границах верховной власти и процедуре избрания правителя, о сохранении государственной власти и др. [5].

Ю. Крижанич солидарен с мыслителями, признававшими божественное происхождение верховной власти. «Правитель – наместник и слуга Божий, и судья над злодеями. Да будете повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Когда правитель вершит суд, Бог руководит им, чтобы не ошибся» [5, с. 133].

Основной целью государства должно выступать достижение «всеобщего блага». Правитель обязан заботиться о подданных и обеспечивать им справедливое, благополучное существование. В свою очередь и подданные должны быть покорны правителю и молиться о его здравии [5, с. 134].

Ю. Крижанич так же, как и Аристотель, делил формы правления на правильные и

неправильные. Среди первых он выделял совершенное самовладство, боярское правление, общевладство (посадское правление или республика). Из этих форм он вывел их антиподы: самовладству противостоит тирания, боярскому правлению – олигархия, общевладству – анархия.

Из вышеперечисленных форм правления мыслителю импонирует самовладство. Полагая, что так он определял абсолютную монархию. Ю. Крижанич писал, что «самовладство – самое древнее на свете и самое крепкое правление». «Всякий истинный король является в своем королевстве вторым после Бога самовладцем и наместником» [5, с. 133].

Ю. Крижанич с почтением относился к правлению «нашего царя, государя и великого князя Алексея Михайловича всея Великой и Малой и Белой Руси самодержца», которое «потому безмерно уважаемо, удачливо и счастливо, что в нем имеется совершенное самовладство». Им впервые было сформулировано положение о просвещенном абсолютизме. В его представлении монарх должен быть просвещенным и благородным правителем, заботящимся о благе подданных.

Относительно сущности права в государстве он считал, что только на основе «хороших» и справедливых законов может быть построен порядок в государстве. Причиной тирании является наличие несправедливых законов и отсутствие контроля за действиями элиты и чиновников.

В отличие от И. Тимофеева, Ю. Крижанич считал, что правитель-тиран не подвластен обществу, его нельзя привлечь к ответственности за нарушения установленных норм, он может быть наказан только по божьему велению. Здесь усматривается явное противоречие, с одной стороны, он считает, что правитель должен править по закону и сам создавать правильные законы, а с другой стороны, он показывает, что «царь неподвластен людским законам, он сам «живой закон» и может быть наказан только по божественному закону.

Несмотря на то, что Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович (больше извест-

ный под именем Симеон Полоцкий) был богословом, политиком, поэтом, писателем, переводчиком, духовным наставником детей царя Алексея Михайловича, одним из основателей Славяно-греко-латинской академии, его взгляды на природу и организацию царской власти также заложили фундамент для построения сильного российского государства.

Идеальной формой правления для него выступала абсолютная монархия во главе с просвещенным монархом. Царь и государство в понимании С. Полоцкого сливались в одно, заменяя друг друга. Царь – символ Российской державы, живое воплощение ее славы, живая персонификация ее политического могущества. Идеальный правитель в представлении С. Полоцкого полон смирения, никогда не забывает о непрочности человеческого существа, являет собой достойный пример для подданных, страж законности и правопорядка. Подобно Т. Гоббсу он заявлял, что государство должно быть сильным, а правитель – умным и здоровым [6, с. 57].

Государственная власть, по его мнению, должна способствовать установлению в обществе «всеобщего благоденствия», «вечного мира», преодолевать любые попытки раскола общества, покровительствовать развитию национальной экономики, поддерживать российскую духовность, создавать условия для повышения уровня образованности населения. Для решения столь масштабных задач верховной власти следует опираться на «лучших» мужей, выдвинувшихся по своим способностям, а не по принципу родовитости.

Как и его предшественники, он отстаивает тезис о божественном происхождении царской власти. В его представлении правитель должен быть высокообразованной, духовно-нравственной личностью, заботящейся о благе и просвещении своих подданных [5, с. 58].

Монархия может считаться просвещенной, если она основана на законе, все без исключения должны подчиняться закону, который дается государству богом через царя [7,

с. 45]. Мыслитель разграничивал понятия «закон» и «право», наделяя первое морально-этической составляющей, основанной на божественном провиденциализме.

С. Полоцкий демонстрирует отход от классического противопоставления позитивного и естественного права, считая, что нет другого права, кроме как исходящего от бога. В его представлении норма права создается не в ответ на запрос общества урегулировать те или иные общественные отношения, а даруется социуму по воле божьей.

С. Полоцкий подвергал жесткой критике тиранию и деспотизм, но избегал негативных оценок существующего государственного строя [6, с. 59]. Наоборот, он выступал его апологетом, распространяя панегирики царю, убеждая его в законности и преимуществах неограниченной власти.

Таким образом, изучение доктринальных источников в ретроспективе позволяет выявлять закономерности исторической динамики правовой жизни и реконструировать ее. Анализ доктринальных источников XVII в. позволяет нам оценить разнообразие сложившихся к тому времени взглядов на государство и право, на формы правления, на соотношение государства и общества, права и закона и др. Для И. Тимофеева образцовой формой правления является сословно-представительная монархия. Но при этом он считал законным протест подданных против произвола властей, против тирании. По его убеждению, на престоле не должен находиться царь, который ненавидит и убивает своих подданных. В представлении Ю. Крижанича правитель обязан заботиться о подданных и обеспечивать им справедливое, благополучное существование. В свою очередь и подданные должны быть покорны правителю и молиться о его здравии. С. Полоцкий выдвигал тезис о неограниченной, но просвещенной монархии, основанной на принципе верховенства закона, который дается государству богом через царя. В дальнейшем распространение этих идей создавало возможности для верховной власти выбрать из них все то, что может улучшить правотворчество и правоприменение, обно-

вить правовую жизнь на пользу государства и общества. Признаки и специфика российского абсолютизма в целом и просвещенно-

го абсолютизма в частности, проявившиеся в петровское и екатерининское правление, являются тому лучшим подтверждением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бошно С. В. Доктринальные формы и источники права // Государство и право. 2018. № 9. С. 5–15.
2. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
3. Лимонцева В. А. Классификации законов в средневековой правовой мысли // Российское правосудие. 2008. № 2 (22). С. 100–104.
4. Временник Ивана Тимофеева / подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград: 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. 524 с.
5. Юрий Крижанич. Политика. М.: Новый свет, 1997. 237 с.
6. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.-Л.: ИАН СССР, 1953. 296 с.
7. Татарский И. А. Симеон Полоцкий. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. 343 с.

REFERENCES

1. Boshno S. V. Doctrinal forms and sources of law // State and law. 2018. No. 9. P. 5–15. (In Russ.)
2. Pukhta G. F. Encyclopedia of Law // German Historical School of Law. Chelyabinsk: Sotsium, 2010. 528 p. (In Russ.)
3. Limontseva V. A. Classifications of laws in medieval legal thought // Russian justice. 2008. No. 2 (22). P. 100–104. (In Russ.)
4. Temporary book by Ivan Timofeev / prepared for publication, translation and comments by O. A. Derzhavina; edited by V. P. Adrianova-Peretz. Moscow – Leningrad: 1st Printing House of the Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. 524 p. (In Russ.)
5. Yuri Krizhanich. Policy. M.: New World, 1997. 237 p. (In Russ.)
6. Simeon of Polotsk. Selected works. M.-L.: IAN USSR, 1953. 296 p. (In Russ.)
7. Tatarsky I. A. Simeon of Polotsk. M.: Printing House of M. G. Volchaninov, 1886. 343 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. Ю. Ельчанинова, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author:

O. Yu. Elchaninova, Candidate of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 355.244.211-053.4/5(470.57)"1941/1944"

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В БАШКИРИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Руфина Рушановна Олейник

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, timkaq1@mail.ru

Аннотация. В статье на основе законодательных актов, постановлений и справок различных государственных учреждений, а также воспоминаний современников освещается жизнь и быт детей блокадного Ленинграда в эвакуации. Автором отмечено, что в историко-правовой науке тема эвакуации детей блокадного Ленинграда и их повседневная жизнь в тылу рассматривается в контексте изучения общих вопросов эвакуации населения либо в контексте деятельности детских домов в годы Великой Отечественной войны. В работе использованы воспоминания бывших воспитанников дошкольных интернатов и детских домов, в том числе дочери ленинградского композитора М. А. Гладковской и профессора В. О. Скитневского. Приводятся малоизвестные факты о судьбе детей ленинградских политических заключенных, эвакуированных в Башкирскую АССР. Автор приходит к выводу о том, что в условиях военного времени детские учреждения обладали особым правовым статусом, обусловленным заботой государства о подрастающем поколении.

Ключевые слова: блокада, эвакуация, Ленинград, БАССР, интернат, детский дом, А. П. Гладковский.

Для цитирования: Олейник Р. Р. Дети блокадного Ленинграда в Башкирии: историко-правовой аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 37–42.

Original article

CHILDREN OF BLOCKADE LENINGRAD IN BASHKIRIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Rufina R. Oleynik

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, timkaq1@mail.ru

Abstract. Based on the legislative acts, decrees and certificates of various government agencies, as well as the memoirs of contemporaries, the article deals with the life of children evacuated from besieged Leningrad. The author notes that in historical and legal science, the topic of evacuation of the children of besieged Leningrad and their daily life in the rear is considered in the context of studying general issues of evacuation of the population, or in the context of the activities of orphanages during the Great Patriotic War. The article uses the memories of former pupils of preschool boarding schools and orphanages, including the reminiscences of M.A. Gladkovskaya, the daughter of Leningrad composer, and professor V. O. Skitnevsky. Little-known facts are given about the fate of the children of Leningrad political prisoners evacuated to the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. The author comes to the conclusion that in wartime conditions, children's institutions had a special legal status due to the state's concern for the younger generation.

Keywords: blockade, evacuation, Leningrad, BASSR, boarding school, orphanage, A.P. Gladkovsky

For citation: Oleynik R. R. Children of blockade Leningrad in Bashkiria: historical and legal aspect // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 37–42.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась тяжелейшим испытанием для советского государства, стоила жизней десятков миллионов людей и навсегда изме-

нила судьбы мирных граждан. Казалось бы, прошло столько лет, но наша страна помнит и чтит имена всех героев войны. Особенной страницей истории является жизнь детей в

© Олейник Р. Р., 2023

экстремальных условиях Великой Отечественной войны. Здесь, в глубоком тылу, на Южном Урале, пересеклись судьбы не одной тысячи ленинградских детей. Проблема военного детства является актуальной темой для многих исследователей. Однако на региональном уровне она не нашла должного освещения. Фокус внимания многих ученых-исследователей концентрируется на количественных показателях и лишь малая часть работ посвящена содержательному аспекту, вопросам защиты детства. Так, стоит отметить труды профессора Р. Н. Сулеймановой [1; 2; 3], которые раскрывают вопросы эвакуации в Башкирию жителей Ленинграда и Ленинградской области, деятельности детских домов и мер государственной политики по защите детства в годы Великой Отечественной войны.

Эвакуация ленинградского населения проходила в несколько этапов. Первыми город покинули дети. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при Совете Народных комиссаров СССР, состав которого был утвержден постановлением Государственного комитета обороны СССР № ГКО-173 от 16 июля 1941 г. 27 июня 1941 г. по решению бюро горкома и обкома ВКП(б) была организована Ленинградская городская эвакуационная комиссия [4]. 27 августа 1941 г. железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано. Осенью и зимой 1941 г. масштабы эвакуации резко снизились. С первых дней войны в Башкирскую АССР из прифронтовой полосы, в том числе из блокадного Ленинграда, были перемещены детские учреждения. По справке Народного комиссариата просвещения БАССР к сентябрю 1942 г. в республике находилось 17 дошкольных интернатов, 7 школьных интернатов и 12 детских домов [5, с. 173–176].

В тяжелое для советской страны время первостепенной задачей государства стала забота о подрастающем поколении. Необходимо было не только уберечь детей от военной угрозы, но и от тягот войны. Республика всецело заботилась о детях. Об этом свиде-

тельствуют многочисленные Постановления Совета Народных комиссаров БАССР, отчеты Наркомата просвещения БАССР и ряд других документов [5; 6; 7]. Реальную помощь оказывали созданные при детских домах и интернатах подсобные хозяйства: дети получали молоко, мясо, овощи. Из отчета дошкольного отдела Наркомата просвещения БАССР о работе с 1 января 1942 г. по 20 октября 1942 г. «О состоянии эвакуированных дошкольных интернатов» следует: «Подсобные хозяйства при интернатах дают возможность повысить качество детского питания (многие интернаты имеют лошадей, коров, свиней, кур и др.). Все интернаты имеют посеы и огороды...» [8].

Стоит отметить, что в период военной эвакуации в СССР была создана широкая сеть интернатов. В большинстве случаев у воспитанников интерната были живы родители, которые сражались на фронтах и в партизанских отрядах, несли трудовую вахту в тылу. Одним из таких интернатов являлся Детский интернат Ленинградского союза композиторов, располагавшийся в селе Никифарово Альшеевского района Башкирской АССР^{<?>}.

В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранились отрывочные сведения о единственном дошкольном интернате из Ленинграда. Интернат был предназначен для детей мобилизованных на фронт композиторов. Жены композиторов были приняты в штат интерната, работали обслуживающим и техническим персоналом. Директором интерната был назначен ленинградский композитор Арсений Павлович Гладковский. Первоначально интернат разместили в санатории Шафрановского курорта, затем решением исполкома райсовета в июне 1942 г. его перевели в помещения, предоставленные правлением колхоза «Правда», и он получил название Никифаровского детдома (интерната) смешанного типа. Новое название было дано по месту расположения колхоза «Правда», а именно с. Никифарово [1].

На сегодняшний день жива свидетельница тех событий Марина Арсеньевна

Гладковская, дочь руководителя интерната А. П. Гладковского, которой на момент эвакуации было чуть больше 2 лет. Из воспоминаний М. А. Гладковской: «3 июля 1941 г. мы уехали из Ленинграда. Вернулись из эвакуации в марте 1944 г. Вначале в Ленинград приехал отец, вызвал нас с мамой (в Ленинград в войну можно было попасть только по вызову). В эвакуацию вместе с А. П. Гладковским поехали моя мама, Галина Михайловна Гладковская, и я, дочь, мне было на тот момент почти три года»⁶⁷. Несмотря на юный возраст, Марина Арсеньевна хорошо запомнила события давно минувших лет.

Согласно архивным источникам в Детском интернате Ленинградского союза композиторов числилось 64 ребенка⁶⁸. Интернат располагался в здании Никифаровского сельсовета. За деревней была ковыльная степь, а за ней небольшая речка Карамала (Яик-Кузя), которую в простонародье называли Гусынка. Зимы были очень холодные. Вокруг летало много голубей, их отстреливали, возможно, для еды. Иногда на полдник детям выдавали стакан молока и американское печенье, которое называли «ленч». В интернате был радиорепродуктор – черная тарелка, передававшая сводки совинформбюро⁶⁹. Самые яркие воспоминания остались от встречи Нового года, когда по радио слушали бой курантов, и от вкуса белого хлеба, который ей привез отец, возвращаясь из поездки домой. Она хорошо запомнила этот вкус, потому что хлеб в интернате был горьковатый, так как в него добавляли лебеду. Возраст детей составлял от трех до шести лет. Они были очень дружны. Марина Арсеньевна и сейчас помнит имена многих: Ляля Витлина, Никита Шебалин, Милка Малаховская. Мать Марии Арсеньевны учила детей читать и писать, а отец не только заведовал интернатом, но и продолжал сочинять музыку. С момента прибытия в Башкирию, с июля 1941 г. до марта 1944 г., композитором было написано несколько фортепианных пьес на башкирские мотивы. Так,

для сборника «Башкирские композиторы – фронту» А. П. Гладковским была подготовлена «Башкирская сюита» [9].

Итак, благодаря воспоминаниям М. А. Гладковской мы можем дать оценку государственной политике в области защиты детей, а также в деталях рассмотреть их жизнь и быт. В целом в стране производилась мощная поддержка дошкольных интернатов со стороны государства. Так, из отчета дошкольного отдела Наркомата просвещения БАССР в Наркомпрос РСФСР о работе за 2-е полугодие 1941 г. следует: «В порядке эвакуации детей из г. Москвы, Ленинграда и Орджоникидзеграда Орловской области в Башкирию прибыли 20 детских садов (дошкольных интернатов) с количеством 1800 ч[еловек] детей. Прибывшие детсады размещены в районах Башкирии <...>. Финансирование дошкольных интернатов проводилось в 1941 году своевременно и бесперебойно <...>. Медицинская работа в интернатах поставлена хорошо <...>. Питание детей в интернатах хорошее» [10, с. 204–206].

22 января 1942 г. началась массовая эвакуация по льду Ладожского озера – «Дороге жизни». Вновь прибывшие дети страдали желудочно-кишечными, кожными заболеваниями и дистрофией. Почти все находились в угнетенном психологическом состоянии из-за пережитого. Для оказания помощи к каждому детскому дому был прикреплен медицинский персонал. Многие находились в тяжелом состоянии: были истощены, нуждались в отдыхе и хорошем питании [11]. Сильнее всего блокадный голод отразился на детях до 12 лет. Для лечения больных и ослабленных детей в республике были организованы здравницы. Большую помощь государству в этом важном деле оказывала общественность республики, сделавшая все возможное, чтобы окружить осиротевших детей вниманием и заботой. Так, «Башкирский обком [ВКП(б)] на средства, собранные комсомольцами, открыл здравницу для

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В БАШКИРИИ:

ленинградских детей. В первую смену лечилось 100 человек, вторую и последующие смены – 150» [12].

Подробнее о военном детстве и эвакуации ленинградских детей описывается в воспоминаниях профессора В. О. Скитневского. Нелегкая доля выпала на плечи Владислава Оскаровича. Родился он в «Крестах», его детство прошло по детдомам, спецприемникам: до войны в г. Гатчине, далее в г. Колпино на территории Ижорского завода. Родители были репрессированы в конце 1930-х гг. Отец служил фельдшером в ГПУ-НКВД СССР, мать являлась дочерью военного, который служил в армии адмирала А. В. Колчака, а ее родной дядя генерал-майор К. П. Линда был русским офицером разведчиком, ученым-топографом [13].

Детям «врагов народа» жилось непросто. По советскому праву осужденным по статье 58 (политическим заключенным) разрешалось по достижению 12 лет перевести для перевоспитания по месту заключения своего ребенка. В 1948 г., когда В. О. Скитневский достиг положенного возраста, он смог наконец увидеть свою мать, которая отбывала наказание в Кемеровской области, поселке Мыски (Кузбасский угольный бассейн). И лишь после смерти И. В. Сталина они были высланы в Южный Казахстан, в Кызыл-Кумский район (ст. Арысь) без права выезда на 10 лет.

Владислав Оскарович был шестилетним мальчиком, когда его вместе с остальными воспитанниками спецдетсада, предназначенного для детей репрессированных, эвакуировали в Башкирию. Зима 1942 г. выдалась суровой. Перед тем как вывести детей в тыл через ладожский лед, их завернули в одеяло и, перетянув веревкой, за пазуху положили по два пакета сухарей. Погрузили всех на заднем борту грузовика, каждому из них было велено не шуметь и не высовываться. Поджав ноги к животу, дети лежали под брезентовым тентом на холодной соломенной подстилке. Отморожение конечностей было обыденным явлени-

ем. «Помню только, как было страшно холодно, и мы скулили, как щенки, объевшись за один присест сухим пайком, не имея возможности справить естественную надобность, страдая от безысходности происходящего <...>. Позже мы вспоминали этот путь, как страшный сон, когда всем нам очень хотелось умереть. Нас все время клонило ко сну. Мы замерзали», – вспоминал В. О. Скитневский^{<?>}.

До конечного пункта назначения довели не всех. В Уфе данную группу ленинградских ребят называли Ижорской по месту их последней дислокации. Завернув изможденных детей в большие тулупы, на гужевом транспорте отвезли в д. Степановку и поселили в здании школы, расположенной на барской горе (Вишневы холм). Сейчас исторический район деревни Степановки вошел в состав города Уфы, и напоминает о ней так называемый Степановский поворот. До революции здание деревенской школы являлось имением помещика А. А. Степанова [14, с. 321]. Стоит отметить, что в Степановке был еще один детский дом, контингент которого состоял из местных ребят. В своих воспоминаниях Владислав Оскарович с горечью отмечает: «После войны почти всех разобрали вернувшиеся с фронта родители. Однако нас, «рожденных в Крестах», это не касалось. Что касается специфики нашей группы, отделявшей нас от других детей детского дома в Уфе, то она была понятна только работникам НКВД и нашей заведующей: мы принадлежали к контингенту репрессированных родителей, бывших работников НКВД Ленинграда»^{<?>}.

Ижорская группа детей была небольшая, возраст детей – до 12 лет. События прошлого и настоящего – репрессии и война – деформировали их детство. Безусловно, они на корню отличались от сирот обычного детдома, обладая своей собственной субкультурой. К сожалению, в Национальном архиве Республики Башкортостан и в архиве МВД по Республике Башкортостан не

удалось обнаружить список воспитанников данного спецдетсада. Однако в своих воспоминаниях В. О. Скитневский приводит имена и фамилии следующих детей: Александра Каткова, Николая Горячева, Михаила Кулагина, Эдуарда Линда, Полины Розенцвейг, Юрия Морозова, Николая Папанова. После окончания Великой Отечественной войны в деревне Степановке вспыхнул сильный пожар, который добрался и до детского дома, лишив части крыши здания. О дальнейшей судьбе воспитанников ижорской группы ничего не известно.

В 1944 г., после окончательного снятия блокады Ленинграда, началась реэвакуация граждан в Ленинградскую область. В соответствии с распоряжением ГКО «О выдаче пропусков на въезд в г. Ленинград детям, имеющим родителей в г. Ленинграде» от 22 мар-

та 1945 г. было принято решение о возвращении в Ленинград с детскими учреждениями и в индивидуальном порядке [15].

Таким образом, Башкирская АССР оказала существенную помощь детям блокадного Ленинграда, проявив заботу и всестороннюю поддержку. Во благо спасения детей немало усилий прилагали партийно-государственные органы республики и молодежно-общественные организации. Подтверждением этому являются не только сохранившиеся до наших дней архивные источники в виде различных нормативных актов, но и ряд воспоминаний участников тех суровых событий. Деятельность детских учреждений регулярно проверялась соответствующими государственными органами, факты нарушений выявлялись и жестко пресекались.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сулейманова Р. Н. Жизнь в эвакуации: Ленинградские жители в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 39–52.
2. Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н., Султангужина Г. Ю. Детские дома в Башкирии в годы Великой Отечественной войны. По материалам Национального архива Республики Башкортостан // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 566–577.
3. Сулейманова Р. Н. Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13. № 3. С. 46–60.
4. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: док. высш. органов парт. и гос. власти / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.
5. Документы мужества и героизма: сборник документов и материалов / сост.: Т. Х. Ахмадиев, Г. А. Валишина, Н. Г. Халтурин. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. 320 с.
6. Башкирия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. Уфа: Китап, 1995. С. 208–211, 211–213, 236–237.
7. Дети войны. Детский вопрос в политике СССР в годы Великой Отечественной войны. На примере Башкирской АССР: сборник. Российская академия наук, Уфимский научный центр, Институт истории, языка и литературы; научный руководитель: доктор исторических наук Р. Н. Сулейманова. Уфа: Диалог, 2016. 416 с.
8. О состоянии эвакуированных дошкольных интернатов [Из отчета дошкольного отдела Наркомата просвещения БАССР в Наркомпрос РСФСР о работе с 01.01.1942 по 20.10.1942] / Башкирия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. Уфа: Китап, 1995. С. 236–237.
9. Аганова Л. П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа: Йешлек, 1992. 190 с.
10. Из отчета дошкольного отдела Наркомата просвещения БАССР в Наркомпрос РСФСР о работе за 2-е полугодие 1941 г. // Башкирия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. Уфа: Китап, 1995. С. 204–206.
11. Крюкова Г. М. Борьба с детской заболеваемостью в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкирской АССР) // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 5. С. 48–55.
12. Страна Ленинграду. 1941–1945: сборник документов. СПб; Кишинев: Nestor-Historia, 2002. 404 с.
13. Обухов А. И. След в истории. Возвращая забытые имена: о географе-востоковеде Константине Павловиче Линде // Библиотечное дело. 2016. № 1 (259). С. 34–36.

14. Уфа. Страницы истории / сост. М. В. Агеева. Уфа, 2014. 386 с.

15. Газиева Л. Л. Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 годах // Вестник Пермского университета. Серия История. 2016. № 3 (34). С. 108–116.

REFERENCES

1. Suleymanova R. N. Life in evacuation: Leningrad residents in Bashkiria during the Great Patriotic War // Contemporary history of Russia. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 39–52. (In Russ.)

2. Suleymanova R. N., Isyangulov Sh. N., Sultanguzhina G. Yu. Orphanages in Bashkiria during the Great Patriotic War. Based on materials from the National Archives of the Republic of Bashkortostan // Bulletin of the Archivist. 2020. No. 2. P. 566–577. (In Russ.)

3. Suleymanova R. N. Measures to protect childhood during the Great Patriotic War: from regional history // Historical and social-educational thought. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 46–60. (In Russ.)

4. Stalin and the NKVD – NKGB – GUKR “Smersh”. 1939 – March 1946: doc. higher party organs and state authorities / compiled by V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. S. Plotnikova. M.: MFD; Mainland, 2006. 640 p. (In Russ.)

5. Documents of courage and heroism: a collection of documents and materials / compiled by: T. Kh. Akhmadiev, G. A. Valishina, N. G. Khalturin. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1980. 320 p. (In Russ.)

6. Bashkiria during the Great Patriotic War: collection. doc. Ufa: Kitap, 1995. P. 208–211, 211–213, 236–237. (In Russ.)

7. Children of war. The children’s issue in the politics of the USSR during the Great Patriotic War. Using the example of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: collection. Russian Academy of Sciences, Ufa Scientific Center, Institute of History, Language and Literature; scientific supervisor: Doctor of Historical Sciences R. N. Suleymanova. Ufa: Dialog, 2016. 416 p. (In Russ.)

8. On the state of evacuated preschool boarding schools [From the report of the preschool department of the People’s Commissariat of Education of the BASSR to the People’s Commissariat of Education of the RSFSR on work from 01/01/1942 to 10/20/1942] / Bashkiria during the Great Patriotic War: collection. doc. Ufa: Kitap, 1995. P. 236–237. (In Russ.)

9. Atanova L. P. Collectors and researchers of Bashkir musical folklore. Ufa: Yeshlek, 1992. 190 p. (In Russ.)

10. From the report of the preschool department of the People’s Commissariat of Education of the BASSR to the People’s Commissariat of Education of the RSFSR on the work for the 2nd half of 1941 // Bashkiria during the Great Patriotic War: collection. doc. Ufa: Kitap, 1995. P. 204–206. (In Russ.)

11. Kryukova G. M. The fight against childhood morbidity during the Great Patriotic War (based on materials from the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic) // Historical journal: scientific research. 2019. No. 5. P. 48–55. (In Russ.)

12. The country to Leningrad. 1941–1945: collection of documents. St. Petersburg; Chisinau: Nestor-Historia, 2002. 404 p. (In Russ.)

13. Obukhov A. I. Trace in history. Returning forgotten names: about the geographer-orientalist Konstantin Pavlovich Linda // Library Science. 2016. No. 1 (259). P. 34–36. (In Russ.)

14. Ufa. History pages / compiled by M. V. Ageeva. Ufa, 2014. 386 p. (In Russ.)

15. Gazieva L. L. Problems of organizing the re-evacuation of Leningrad children in 1944–1945 // Bulletin of Perm University. Series History. 2016. No. 3 (34). P. 108–116. (In Russ.)

Информация об авторе:

Р. Р. Олейник, кандидат исторических наук.

Information about the author:

R. R. Oleynik, Candidate of History.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 340.12(470)

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ

Камиль Умаралиевич Шишханов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, 89275240075@mail.ru

Аннотация. В статье представлены аналитические данные, касающиеся проблем возникновения и развития русского консерватизма конца XIX и начала XX в. Показано, что данный феномен обусловлен отчасти потребностью в замедлении распространения нежелательных революционных перемен. Отмечено, что явление в первую очередь было направлено на защиту русского мира от западных негативных тенденций. Многоаспектное изучение консерватизма можно рассматривать как актуальное направление в контексте правовой философии. Общественные деятели и политики России конца XIX и начала XX века часто обращались к теме идейно-теоретического осмысления проблем консерватизма. Представители русского консерватизма проводили многоаспектные исследования консерватизма в разных сценариях и вариациях, предлагали свои доводы и концепции, касающиеся сути и содержания феномена. Многие славянофилы того времени предпринимали попытки отграничить консервативное течение в социальном и политическом аспектах от радикализма и западничества. Соответствующая традиция была перенята в полной мере их наследниками. Идеино-теоретическое осмысление проблем консерватизма русская общественно-политическая мысль завершает к концу XIX века. Дополнительно автором обосновано, что отказ идеологов консерватизма от рассмотрения радикализма в качестве состоятельной концепции сделало консервативное течение в России преградой на пути качественной модернизации. Впоследствии это отбросило русский консерватизм в контексте развития на десятки лет назад.

Ключевые слова: государственная власть, социальная организация, русский консерватизм, охранительные идеи, монархия, религия, антиреволюционность, русский мир.

Для цитирования: Шишханов К. У. Русский консерватизм на рубеже XIX–XX веков: ключевые этапы формирования и основные идейные установки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 43–49.

Original article

RUSSIAN CONSERVATISM AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES: KEY STAGES OF FORMATION AND BASIC IDEOLOGICAL ATTITUDES

Kamil U. Shishkhanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, 89275240075@mail.ru

Abstract. The article presents analytical data concerning the problems of the emergence and development of Russian conservatism of the late 19th early 20th century. It is shown that this phenomenon is partly due to the need to slow down the spread of undesirable revolutionary changes. It is noted that the phenomenon was primarily aimed at protecting the Russian world from Western negative trends. The multidimensional study of conservatism can be considered as a current direction in the context of legal philosophy. Public figures and politicians of Russia at the end of the 19th and the beginning of the 20th century often turned to the topic of ideological and theoretical understanding of the problems of conservatism. Representatives of Russian con-

© Шишханов К. У., 2023

servatism conducted multidimensional studies of conservatism in different scenarios and variations, offered their arguments and concepts concerning the essence and content of the phenomenon. Many Slavophiles of that time made attempts to distinguish the conservative trend in social and political aspects from radicalism and Westernism. The corresponding tradition was adopted in full by their heirs. The Russian socio-political thought completes the ideological and theoretical understanding of the problems of conservatism by the end of the 19th century. Additionally, the author substantiates that the refusal of the ideologues of conservatism to consider radicalism as a sound concept made the conservative trend in Russia an obstacle to qualitative modernization. Subsequently, this set Russian conservatism in the context of development back decades.

Keywords: state power, social organization, Russian conservatism, protective ideas, monarchy, religion, antirevolutionism, the Russian world.

For citation: Shishkhanov K. U. Russian conservatism at the turn of the 19th–20th centuries: key stages of formation and basic ideological attitudes // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. (102). P. 43–49.

Парадоксально в некотором смысле, но понятие консерватизма пока еще не осмыслено концептуально в правовом, социальном и философском аспектах. Отдельные исследователи предлагают рассматривать феномен в качестве функциональной концепции, но при этом несамостоятельной. Они намекают на то, что всякий консерватор – это субъект, стремящийся защитить и сохранить нечто от изменений, то есть в виде, являющемся условно априорным [1, с. 60]. В рамках такого подхода консерватизм часто представляется как явление, характерное для всякой социальной или политической практики.

Целесообразнее на практике рассматривать консерватизм в качестве средства обозначения особого типа поведения в политическом, социальном и философском аспектах. Носители его при этом должны учитываться как субъекты, стремящиеся к сохранению традиций, «естественных» основ общественного уклада. Консерватизм как таковой можно рассматривать в качестве самостоятельной политической идеологии, направленной на защиту исторически сложившихся форм социальной жизни и государственного устройства. При этом всякий консерватор – личность, действия которой нацелены в первую очередь на сохранение моральных и нравственных основ, естественных для конкретной общности, в контекстах семьи, религии, брака и других институтов [2]. Консерватизм в рамках русской модели возник по причине двойственности процессов, протекающих в обществе и политике в XIX веке. Он был направлен

на преодоление последствий эволюции, способствовал при этом обеспечению прочной связи настоящего с прошлым и перенесению всего, что можно перенести, в будущее [3, с. 26].

Зарождение консерватизма как политико-правового учения принято привязывать к активизации развития буржуазной культуры. Первые его предпосылки можно обнаружить в XVIII веке, когда концепции прошлого стали постепенно разваливаться, разрушаться под воздействием стремительно меняющейся реальности. Традиционные консервативные течения являлись самостоятельными, они отличались друг от друга. Это выделяет их на фоне либерализма. В России преобладали и частично преобладают сегодня вариации консерватизма, основанные на незыблемости государственного контроля, чем русский консерватизм и отличается от западного [4].

Есть некоторые фундаментальные аспекты консервативной политико-правовой теории, пусть и условные. Они характерны и для классической модели консерватизма, и для современных вариантов. Это историчность, традиционная социальная иерархия, признание несовершенства природы материальных вещей и физической жизни, а также обязательность наличия церкви как субъекта усмирения. Также в рамках всякой консервативной концепции особое место принято отводить базовым институтам типа семьи и образования. В консервативных политико-правовых теориях анализируемого периода отрицались как таковые потребно-

сти в революциях и переворотах, в основу были положены идеи о поступательных и осторожных переменах. Чуждыми были понятия, схожие с современным понятием «экстремизм» и «терроризм», целостность государства и нации при этом определялась как высший приоритет [5].

В политико-правовых учениях принято выделять две идейные основы в контексте понимания консерватизма. Первая связана с понятиями и терминами поддержания стабильности социального устройства в неизменном виде. Консерватизм здесь – нечто вроде самостоятельной политической идеологии. Во втором случае дело касается стремления устранить противоборствующие политические силы на фоне восстановления условно устаревших институтов. В данном контексте консервативное течение – условная апелляция в отношении чего-то ценного, но утраченного.

Обостренной стала потребность в консерватизме в конце XVIII века. Данный тезис в полной мере характерен для России. В начале XIX века в стране консервативная мысль стала чем-то вроде реакции на распространение либерализма. При этом отдельные представители консервативной политико-правовой мысли стремились развивать консерватизм по причине нарастающей зависимости России от европейских государств. Тогда начали возникать концепции, противопоставленные либерализму, а также связанные с национализмом, но в его положительном плане [6].

Изначально русская модель консерватизма была тесно связана с культурными традициями морали, нравственности, религии. Примечательно, что консерваторы в России постоянно стремились к тому, чтобы отказаться от партийного устройства в рамках западного его понимания. Консерваторские концепции во многом были основаны на духовном аспекте жизни. Их увлеченно и целенаправленно развивали писатели, философы, общественные деятели и даже политики. Это привело к «буму», когда в 80–90-е годы XIX века русская модель консерватизма стала характеризоваться актив-

ным распространением среди дворян, членов земских собраний и др. Консерваторы стремились к обоснованию несостоятельности либерализма и демократизма, революционных идей. Они старались всеми силами защищать, сохранять все то, что было характерным для русского мира. Российские консерваторы отнюдь не стремились к тому, чтобы остановить развитие страны. Они желали России становления в качестве самостоятельного, независимого и сильного государства. Стремилась к поиску способов защиты традиционной системы власти и ценностей, к обоснованию необходимости усиления репрессивных методов правления. Расцвет охранительной идеологии связан с именами кн. В. П. Мещерского, М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова.

К концу XIX века русские консерваторы начали активно взаимодействовать с рядовыми гражданами страны. Распространялась практика издания книг и статей с консервативными материалами. Они публиковались изданиями «Русский вестник», «Московские ведомости» и др. Развивали консерваторские идеи Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский, П. Е. Астафьев и Л. А. Тихомиров. Многие деятели XIX–XX веков, представляющие разные области научного знания, творили во благо распространения консерватизма в России.

Российский консерватизм рубежа XIX–XX веков был основан преимущественно на принципах, противоречащих модернизации по западным образцам, а также капитализму. Европейские начала консерваторских концепций отвергались русскими деятелями. Для российского варианта была характерна так называемая реакционная составляющая, то есть преобладала практика, в рамках которой каждый новый виток развития консерватизма становился чем-то вроде ответа на западные вызовы, влияния, угрожающие русскому миру и его целостности.

Следует отметить, что российский консерватизм развивался неоднозначно. Наличие ряда разногласий в понимании русской государственности, социальной действи-

тельности, перспектив России как одного из влиятельнейших государств стало предпосылкой возникновения множества направлений консервативной идеологии в России [7, с. 109].

Консерваторы конца XIX и начала XX века уделяли особое внимание проблематике сохранения основ российской действительности. Они отстаивали дворянство и крепостничество, идеи мессианской значимости страны. Однако были и общие моменты. Это стремление консерваторов к тому, чтобы защитить национальные основы, сохранить принципы самодержавия и православия.

Русский консерватизм почти всегда основывался на идеалах самодержавия и монархии, на проявлении божественного в несовершенном материальном мире. Особое место отводилось монархизму, идейный смысл которого был несовместим с принципами ограничения самодержавия, разделения и выборности власти. Духовной опорой при этом считалось православие.

Философия просвещения (гражданского общества, идей всеобщего равенства, свободы, народного суверенитета) и идея рационализма отвергались русскими консерваторами, ими критиковались демократические принципы организации власти и социалистические идеи, они придерживались при этом точек зрения, согласно которым общество нужно рассматривать только с традиционной позиции и в таком плане, в каком каждый отдельный человек заслуживает только того, что ему предназначено. Всеобщее равенство считалось чем-то нежелательным. При этом свобода рассматривалась в качестве явления вне политики, но в рамках духовности, человеческая природа считалась несовершенной, а разум – ограниченным. На первый план выдвигались нормы морали и нравственности.

Не менее важными русские консерваторы считали институты семьи и православия. Религия для них была источником нравственности, представляла колоссальную общественную ценность. Русские интеллигенты, придерживающиеся в XIX–XX веках

консервативных идей, стремились в первую очередь укрепить религиозность российского социума в поощрении развития русской церкви.

Русские консерваторы в контексте философии истории придерживались скептицизма и часто отрицали позитивность будущего, основанного на западных моделях развития цивилизации. Характерным для них являлось провиденциальное понимание исторического процесса, где существенной является роль всего божественного [8]. Принято полагать, что особый вклад в развитие консерватизма в России внес Л. А. Тихомиров. Он одновременно придерживался идей, характерных для славянофилов, а вместе с тем стремился к тому, чтобы объединить рациональный способ познания с религиозным учением, с верой. Л. А. Тихомиров представил проект изменения политической системы, целью которого было объединение самодержавия как верховной власти с новыми тенденциями в государственном строительстве. После 1906 года он смирился с идеей представительства и считал, что народное представительство, основанное на принципах сословности, а не партийности, является наилучшей формой представительства в самодержавном государстве. Он предлагал сочетание монархии как верховной власти с таким народным представительством в качестве альтернативы двухпалатному парламентарному представительству, которое существовало в то время в России.

Следует отметить, что Л. А. Тихомиров, в отличие от большинства консерваторов, предложил более гибкий подход к политике монархического государства в социально-экономической сфере. В некоторых случаях его взгляды совпадали с традиционалистами в экономическом развитии (И. Н. Дурново, И. Л. Горемыкиным, П. А. Столыпиным), а в некоторых вопросах он приближался к сторонникам индустриальных реформ (С. Ю. Витте). Он также поддерживал развитие аграрной сферы и благосостояние крестьянского хозяйства, а также стремился создать сильную национальную промыш-

ленность и активно вмешиваться и контролировать экономическую жизнь государства, что приближало его к модернизаторам типа С. Ю. Витте. Среди консерваторов Л. А. Тихомиров был одним из немногих, кто настаивал на неотложном решении рабочего вопроса и поддерживал развитие политики государственного попечительства.

Многие русские консерваторы развивали идею самобытности России (М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров) [9; 10]. При этом они противопоставляли Россию европейским государствам. Русские консерваторы рубежа XIX–XX вв. чаще, чем их идейные предшественники, постулировали патриотизм как подчеркивание идеи важности одной государствообразующей нации, ее культуры, ее религии.

Русские консерваторы полагали, что важным является наличие «родительской» нации на фоне сохранения ее культуры, религии, моральных и нравственных ценностей. Л. А. Тихомиров по этому поводу отметил, что крайне важно и даже необходимо сохранение господствующей великорусской народности, а также русского языка. А. В. Посадский и С. В. Посадский считали, что Л. А. Тихомиров придерживался мысли о том, что без православной церкви Россия невозможна, а также считал, что целесообразно развивать монархическую политику, которая обеспечивала бы в определенной мере разные средства культурного единения народностей, проживающих в России [11].

К началу XX века в российской публицистике стало распространенным понятие «умеренный консерватизм». Спустя годы его начали называть русской моделью феномена, а также консервативной утопией [12, с. 8]. Вне зависимости от того, какие выбраны понятийные терминологические аппараты, задача российских консерваторов всегда сводилась к тому, чтобы сохранить основы русского мира в период активного инновационного развития. Государство, как предполагалось, должно было контролировать реформы и проводить их каждый раз в русле наименьшей болезненности для страны.

Типичный российский консерватор начала XX века стремился к поиску компромисса в контексте неотвратимых перемен на фоне сохранения традиционного социального уклада и исторически сложившегося государственного устройства. Приверженцы консерватизма в России полагали, что необходимы системные мероприятия, которые обеспечивали бы плавный переход государства с одной ступени развития на другую без скачков и потрясений, крайне нежелательных в плане риска народного возмущения.

В экономическом плане консерваторы придерживались позиции, согласно которой развитие государства должно протекать в рамках протекционизма. Они считали приоритетным аграрное совершенствование страны (М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров). При этом многие русские консерваторы XIX века пришли к пониманию того, что капитализм рано или поздно проникнет в Россию. М. Н. Катков и Л. А. Тихомиров и вовсе стали рассматривать его в качестве инструмента спасения страны от бедности [9; 10].

Постепенно в русскую модель консерватизма проникли представления о том, что сохранение традиционного строя невозможно без его преобразования путем отказа от морально устаревших принципов. При этом многие (М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров) призывали государство резко вмешиваться в социальную и экономическую сферы, что противоречило изначальным принципам и постулатам русской модели консерватизма [9; 10]. Попытки устранить предпосылки революционных настроений в любом из случаев были обречены на провал. Консерваторы разрабатывали утопичные и нереализуемые программы, где часто прослеживалась попытка объединить капиталистические догмы с сословной структурой общества.

Традиционные консервативные программные решения являлись абсолютно несостоятельными. Власть не рассматривала их как хотя бы минимально эффективные. На фоне отмеченного либеральные и революционные настроения распространялись все активнее. Это спровоцировало изменения существующей системы (создание Го-

сударственной думы). Все это привело в начале XX века к появлению монархических партий и союзов праворадикального толка. «Охранительное» движение начало сближаться с практикой, перерождаться в массовые объединения.

Идеологи консерватизма критиковали правительство, стремились при этом «подогнать» неотвратимую реформаторскую деятельность под эталоны традиционного развития государства. Действия властей осуждались, нередко критиковался и царизм. Однако неизменным являлось стремление каждого русского консерватора к тому, чтобы укрепить существующие и исторически обусловленные социальные и государственные устои [13, с. 207].

Консерватизм как таковой тесно связан с традиционализмом. Многие приверженцы традиционного консерватизма при этом по-разному смотрели на явление народности. Консерваторы считали ее эквивалентом отношения народа к самодержавным устоям, традиционалисты же полагали, что все граждане страны и есть народность, при этом державная, православная, основанная на принципах равенства. Традиционалисты обращались к чувствам, приверженцы же консерватизма – к разуму. Последние никогда за всю историю существования феномена не поддерживали агрессивные действия, считали приемлемыми только мирные.

Так, можно утверждать, что в начале XX века русский консерватизм во многом был представлен идеями и положениями соответствующих программ. Консерваторы стремились к тому, чтобы любыми способами объединить традиции с неотвратимыми изменениями. Это было почти нереализуемой, нерешаемой задачей, что привело к

возникновению идеологии крайне правых консерваторов, сочетающей консервативные идеи с жесткими, экстремистскими методами защиты существующего строя.

Программы консервативных деятелей XIX–XX веков не позволили прийти к идеологическому обоснованию монархии в контексте развития государства. Русские приверженцы консерватизма не смогли в полной мере защитить традиционную систему социального уклада и государственного устройства от либералов и революционеров. В результате оформились и начали распространяться ультраправые силы, предпочитающие жесткие методы действий. Все отмеченное спровоцировало перерождение консерватизма в рамках русской модели. Он целенаправленно упрощался. В целом консерваторы не смогли найти разумного сочетания традиционного начала и модернизации, выработать программу, способствовавшую преодолению всестороннего отставания России от стран Запада, разрешающую социальные конфликты в рамках традиционной политической системы. Негативный момент в контексте формирования и развития консервативной правовой мысли в России сводится к тому, что многие приверженцы идеологии консерватизма не учитывали трудности и проблемы, с которыми сталкивались крестьяне, рабочие, национальные меньшинства. Это одна из важных предпосылок превращения консервативной идеологии в политическую утопию. С потерей поддержки населения она теряла свою жизнеспособность и, как следствие, стала ненужной ни обществу, ни власти. Все это стало комплексной предпосылкой исчезновения консерваторов с политической арены страны после событий 1917 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 55–74.
2. Григоров С. Г. Размышления о консерватизме // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 31–39.
3. Лотарев К. А. Истоки и особенности российского консерватизма // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 25–30.

4. Леонтьев К. Н. Избранные сочинения в 3 т. Том 1. М.: Юрайт, 2023. 320 с.
5. Карипов Б. Н. Консерватизм: понятие, генезис, сущность и особенности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 1. С. 90–105.
6. Ермашов Д. В., Ширинянц А. А. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 239 с.
7. Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. 212 с.
8. Опутин И. Ю. Пути развития России в трудах русских консерваторов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 1 (12). С. 163–174.
9. Катков М. Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и ком. Ю. В. Климаков; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800с.
10. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905. С. 453.
11. Посадский А. В., Посадский С. В. Интерпретация русского культурного самосознания в публицистическом наследии Л. А. Тихомирова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2006. № 2. С. 217–234.
12. Суслов М. Д. Российская консервативная утопия на рубеже XIX–XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. 28 с.
13. Кирьянов Ю. И. Русское собрание, 1900–1917. М.: Росспэн, 2003. 350 с.

REFERENCES

1. Gadzhiev, K. S. Modern conservatism: experience of typology // *New and recent history*. 1991. No. 1. P. 55–74. (In Russ.)
2. Grigorov, S. G. Reflections on conservatism // *Polis. Political studies*. 2000. No. 3. P. 31–39. (In Russ.)
3. Lotarev, K. A. Origins and features of Russian conservatism // *Social and humanitarian knowledge*. 2000. No. 3. P. 25–30. (In Russ.)
4. Leontyev, K. N. Selected works in 3 volumes. Volume 1. M.: Yurayt, 2023. 320 p. (In Russ.)
5. Karipov, B.N. Conservatism: concept, genesis, essence and features // *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*. 2009. No. 1. P. 90–105. (In Russ.)
6. Ermashov, D. V., Shirinyants, A. A. At the origins of Russian conservatism: N. M. Karamzin. M.: Publishing House of Moscow University, 1999. 239 p. (In Russ.)
7. Lukyanov, M. N. Russian conservatism and reform, 1907–1914. Perm: Publishing House of Perm University, 2001. 212 p. (In Russ.)
8. Oputin, I. Yu. Paths of development of Russia in the works of Russian conservatives at the turn of the 19th-20th centuries // *Bulletin of the Association of Students and Postgraduate Students of the Faculty of History of Perm State Humanitarian Pedagogical University*. 2016. No. 1 (12). P. 163–174. (In Russ.)
9. See: Katkov, M. N. Ideology of protection / Compilation, preface and comments: Yu. V. Klimakov / Executive editor O. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization, 2009. 800 p. (In Russ.)
10. See: Tikhomirov, L. A. Monarchical statehood. M., 1905. P. 453. (In Russ.)
11. Posadsky, A. V., Posadsky, S. V. Interpretation of Russian cultural identity in the journalistic heritage of L. A. Tikhomirov // *Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture*. 2006. No. 2. P. 217–234. (In Russ.)
12. Suslov M. D. Russian conservative utopia at the turn of the 19th-20th centuries: abstract of thesis. ... candidate of historical sciences. Perm, 2003. 28 p. (In Russ.)
13. Kiryanov, Yu. I. Russian Assembly: 1900–1917. M.: Rosspan, 2003. 350 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 342.922

**ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В АДМИНИСТРАТИВНО-ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Александр Иванович Попов

Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
Рязань, Россия, apopov332@mvd.ru

Аннотация. Проблематика сочетания частных и публичных интересов является актуальной для частноправовых и публично-правовых исследований, поскольку в основе лежит такая категория, как интерес, предопределяющий особенности использования соответствующих правовых инструментов. В рамках данной статьи анализируются особенности сочетания соответствующих интересов в рамках административно-договорных отношений. Выявлены особенности конвергенции частноправовых инструментов в публично-правовую сферу, выделены критерии обеспечения баланса интересов в административно-договорных правоотношениях.

Ключевые слова: административно-договорные правоотношения, частный интерес, публичный интерес, баланс интересов, органы публичной власти.

Для цитирования: Попов А. И. Вопросы соотношения частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 50–57.

Original article

**ISSUES OF CORRELATION OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS
IN ADMINISTRATIVE AND CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS**

Alexander I. Popov

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia, apopov332@mvd.ru

Abstract. The problem of combining private and public interests is relevant for both private law and public law studies, since it is based on such a category as interest, which determines the features of the use of appropriate legal instruments. The article analyzes the peculiarities of the combination of relevant interests within the framework of administrative and contractual relations. The features of the convergence of private legal instruments into the public legal sphere are revealed, the criteria for ensuring a balance of interests in administrative and contractual legal relations are highlighted.

Keywords: administrative and contractual legal relations, private interest, public interest, balance of interests, public authorities.

For citation: Popov A. I. Issues of correlation of private and public interests in administrative and contractual legal relations // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. (102). P. 50–57.

В юридической науке в целом и в административно-правовой в частности систематически возникают вопросы соответствующих взаимосвязанных, взаимозависимых и

взаимопроникающих правовых конструкций. В последнее время на достаточно высоком научном уровне прослеживается тенденция к системному исследованию указанных вопро-

© Попов А. И., 2023

сов в части анализа взаимодействия различных правовых институтов, органов публичной власти, а также их субъектов [1]. В качестве одной из основных причин данных исследований выступает необходимость комплексного анализа смежных правовых явлений, которые имеют схожее правовое регулирование, но разноотраслевую принадлежность. На фоне изложенного также актуализируется вопрос о совершенствовании форм и методов взаимодействия межотраслевых институтов с учетом имеющегося механизма правового регулирования. При этом, как правило, одной из основных точек соприкосновения является категория интереса, позволяющая обеспечить соответствующий баланс при наличии взаимодействия правоотношений.

Современная модель государственного управления характеризуется возможностью передачи определенных публичных функций рыночным структурам и саморегулируемым организациям профессионалов, участвующих в рыночных отношениях. В связи с этим особое значение вызывает вопрос о соотношении частного и публичного интереса в различных отраслях российского права. При этом необходимо отметить, что до недавнего времени он рассматривался только цивилистами и теоретиками права.

Вместе с тем в рамках административно-правовых исследований вопрос о соотношении частных и публичных интересов рассматривается крайне редко, что обуславливает актуальность данной проблематики. Значимость научного исследования проблемы соотношения частных и публичных интересов в административном праве определяется социальной обусловленностью права, в основе которой лежит концепция интересов, формирующая представление их носителей о справедливости.

Следует отметить, что использование в административном праве договорных конструкций позволяет создать предпосылки для специального юридического анализа вопроса соотношения в сфере деятельности органов государственной власти публичных и частных интересов. Подходы к соотношению частных и публичных интересов за

последние годы существенно изменились. Если ранее говорили о приоритете публичных интересов над частными или наоборот, то в настоящее время вектор исследований направлен на рассмотрение их сквозь призму баланса и соотношения. Данный факт обусловлен отсутствием приемлемого соотношения частных и публичных интересов.

В качестве одного из основных принципов права следует считать принцип сочетания частных и публичных интересов. Этот принцип имеет большое значение, в том числе и в сфере публичного управления, и призван устранить случайные и неопределенные факторы. Его главная задача заключается в обеспечении организованности и стабильности управленческих связей.

Практически каждая сфера публичного управления и административно-правового регулирования общественных отношений отражает и закрепляет соответствующие интересы. В каждой сфере можно увидеть конкретный уровень сочетания частных и публичных интересов, а также проследить векторы их развития.

Тенденции к проникновению диспозитивных начал в императивные отношения представляют возможности к оказанию влияния на развитие всей системы государственного управления. Это обуславливает возникновение сложных комплексных административно-договорных правоотношений, в которых равные положения занимают и частные, и публичные субъекты. При этом сохраняются особенности административно-правового метода регулирования соответствующих отношений.

В современных условиях наблюдается расширение предметной области договорного регулирования, что отражает поступательное развитие социальной системы в сторону формирования гражданского общества и установления правового государства в Российской Федерации. Современные реалии государственного управления неизбежно требуют активного участия публичной власти в использовании не только централизованных методов правового регулирования, но и других инструментов правового

воздействия. Важно достичь оптимального сочетания этого развития с социальной политикой государства и создания эффективных юридических механизмов для защиты прав и свобод человека.

Участие Российской Федерации и ее субъектов в лице соответствующих органов исполнительной власти в административном договоре обуславливает необходимость определения целей и интересов, лежащих в основе данного договора. Если публично-правовое образование вступает в административно-договорное правоотношение не в интересах общества, а для удовлетворения своих индивидуальных потребностей, то в этом случае должно применяться гражданское законодательство, а по своей природе данное правоотношение будет гражданско-правовым, а не административным. Сегментация публичных отношений, в рамках которых могут быть использованы договорно-правовые формы, обусловлена значимостью соответствующих публичных интересов, поскольку одни и те же интересы могут быть обеспечены различными правовыми способами.

Исследование проблемы соотношения частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях преследует такую цель, как обеспечение эффективности использования разноотраслевых инструментов посредством согласования их между собой, а также обеспечение возможности разноотраслевого регулирования комплексных правоотношений. Вопрос сочетания частного и публичного интересов в административно-договорных отношениях может быть рассмотрен сквозь призму механизма взаимодействия институтов административного и договорного права, иными словами, через межотраслевые связи. Административно-договорные правоотношения являются отражением развития договорных принципов в публичном праве, поскольку позволяют органам публичной власти и частным субъектам согласовать и скоординировать лежащие в различных плоскостях интересы, а также оформить их в рамках единого документа – административного договора.

Категория «интерес» становится все более востребованной в рамках проведения исследований в сфере права, поскольку ее использование обусловлено закреплением в положениях международных нормативных правовых актов и договоров, а также в Конституции Российской Федерации. Кроме того, в кодифицированных актах присутствуют понятия государственных, общественных и публичных интересов, а также интересов других лиц, которые оказывают системное влияние на развитие законодательства. Ю. А. Тихомиров под интересом в праве понимает проявление отношения к праву, оценку действий и решений в сфере, регулируемой правом, выступает своего рода ценностью, признаваемой правом, им обеспеченной и охраняемой [2, с. 4].

В административных правоотношениях, на наш взгляд, преобладают государственные интересы. Они особенно ярко проявляются в таких институтах, как управление в сфере обороны и безопасности государства, внешней политикой, поддержание общественного порядка и так далее. В то же время даже в этих областях необходимо сочетать интересы общества и личности.

В условиях, когда существуют противоречия между личными и общественными интересами, приобретает особую значимость регулятивная функция государства. Именно благодаря ей согласованно происходит реализация интересов как индивидов, так и общества, устраняется возможность социальных конфликтов, соблюдается баланс интересов личности, общества и самого государства [3, с. 11–12].

Следует отметить, что дифференциация интересов на частные и публичные обусловлена тем, что они часто не совпадают. Следовательно, на сегодняшний день одной из ключевых задач правового регулирования является достижение оптимального баланса между ними. Тенденции же развития современного административного права не позволяют говорить о возможности четкого разграничения частных и публичных начал в административно-договорных правоотношениях.

В юридической науке и практике не выработаны единые критерии разграничения публичных и частных интересов. Представляется, что универсальных критериев и не может быть, поскольку сочетание и границы данных интересов в каждом конкретном правоотношении будут индивидуальными. Вместе с тем в качестве индикаторов необходимо использовать такие категории, как основания и цели вступления субъектов в соответствующие правоотношения.

Задача современного правового государства заключается в четком определении границ между частным и публичным правом, при этом необходимо соблюдать баланс между частной свободой и публичными интересами. Эти границы должны быть четко определены, не давая публично-правовым субъектам вмешиваться в частноправовые отношения без уважительной причины, но также должны учитывать интересы государства и частных субъектов права. Государство должно обеспечивать защиту интересов всех субъектов публично-правового управления, включая иные субъекты и само государство, а также поддерживать правопорядок и приоритет публичных интересов в соответствующих сферах.

В правоприменительной практике не всегда частные и публичные интересы совпадают, что порождает соответствующий конфликт. При этом с учетом мнения каждого из субъектов тот или иной интерес должен превалировать над другим. Дисбаланс публичных и частных интересов не позволяет субъектам правоотношений использовать весь имеющийся правовой инструментарий для достижения соответствующих целей. Для исследования вопроса о балансе между частными и публичными интересами в рамках административно-договорных правоотношений необходимо, в первую очередь, определить смысл и содержание данных категорий в правовом аспекте.

При анализе публичных интересов традиционно происходит противопоставление их частным интересам. Публичный интерес включает в себя государственные и социально значимые интересы общественных групп

или индивидуальных лиц. Эти интересы выражают потребности определенного количества субъектов и имеют существенное значение для общества, поэтому они подлежат публично-правовому регулированию.

Публичные интересы не представлены исключительно интересами публично-правовых образований, действующих от имени государства или его составных частей [4, с. 20]. К. А. Писенко определяет публичные интересы как «интересы государства, общества или неопределенного круга лиц, выражающие социально значимые потребности, т. е. потребности, являющиеся существенными и общими, одинаковыми для народа, страны в целом, значимых социальных групп, неопределенного круга лиц» [5, с. 72].

Ю. А. Тихомиров под публичным интересом понимает признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития [6, с. 54–55]. С учетом данного определения отметим, что главным элементом публичного интереса является объективно существующий интерес общества, который полностью осознается государством. Следовательно, в демократическом правовом государстве внутренние механизмы должны обеспечить перенос общественных интересов в рамки правового поля, что в конечном итоге превращает их в публичные интересы.

Публичные интересы предполагают достижение целей, которые органы публичной власти преследуют в интересах общества. Они могут соответствовать как определенным частным интересам, так и противоречить им, а также не совпадать с интересами других публично-правовых образований. Публичные интересы являются правовой категорией, которую следует рассматривать как взаимосвязанные интересы общества и государства.

Отсутствие точного законодательного определения публичных интересов создает неопределенность в том, что понимается под терминами «государственные, общественные и иные публичные» интересы. Когда мы говорим о публичных интересах, необходимо помнить, что они представляют

собой общие, усредненные личные и групповые интересы. Эти интересы являются сущностными для общества, и их удовлетворение является неотъемлемым условием для достижения стабильного функционирования государства, общества и всех его социальных слоев.

Охрана публичных интересов осуществляется через применение специальных мер, которые в определенных случаях приобретают особый, публично-правовой характер. Эти меры реализуются не только в форме координации, но и субординации, и направлены на создание правовой основы для удовлетворения публичных интересов, а также на предотвращение и устранение нарушений данных интересов [7, с. 13].

Система публичных интересов в современных демократических государствах изменяется, что требует модернизации и создания новых областей публично-правового регулирования. Особое внимание следует уделить исследованию границ публично-правового регулирования в таких сферах, как публичные услуги, а также делегирование полномочий между уровнями публичной власти.

В юридической литературе принято считать, что отношения, основанные на частных интересах, могут быть классифицированы как частноправовые. Эти отношения строятся на принципах равенства, имущественной самостоятельности участников и автономии их воли. Под частными интересами в общеправовом смысле в юридической литературе понимаются интересы членов общества, которые могут как совпадать, так и противостоять друг другу, а также совпадать или не совпадать с интересами государства [4, с. 32].

При рассмотрении только гражданско-правовых аспектов частного интереса, можно сказать, что многие понятия, связанные с ним, представлены в упрощенной форме. Основным критерием, определяющим принадлежность интереса к частному, выступает относимость субъекта к гражданскому праву.

Таким образом, личные или частные интересы возникают там, где существуют

потребности индивидуального или коллективного субъекта. Выделение публичного и частного интереса осуществляется по субъектному критерию так называемых носителей этих интересов, а также по направленности этих интересов [5, с. 67–68].

При вступлении в правоотношения частные лица преследуют свои личные интересы, которые не затрагивают стратегические интересы государства, глобальные вопросы экономики, безопасности или достижение других государственных целей. Реализация частного интереса фокусируется на личных мотивациях частного субъекта права, который вступает в правоотношения с другими субъектами, имеющими равный статус, на основе своей собственной воли и желаний. Взаимодействие публично-правовых и частноправовых инструментов осуществляется на всех стадиях правового регулирования и во всех элементах его механизма, в частности, в правовых нормах и соответствующих правоотношениях.

В административном праве компромисс между частными и публичными интересами представляет собой модель взаимоотношений между сторонами административно-договорного правоотношения, которая определяется соглашением между ними или органом государственной власти. В рамках этой модели стороны учитывают обоюдные интересы, вступают в компромисс, делают взаимные уступки и ограничения. В административно-договорных правоотношениях можно наиболее четко определить баланс частных и публичных интересов, поскольку именно эти отношения постоянно находятся в состоянии динамики и имеющиеся в них интересы требуют гибкого соотношения.

Наиболее наглядно сочетание публичных и частных интересов прослеживается при исследовании конкретного содержания административно-договорных правоотношений, возникающих в процессе реализации публичных и частных интересов на основе соответствующих административно-правовых норм. Сочетание частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях состоит в объективной

необходимости согласования юридически значимых социальных интересов субъектов данных отношений путем их сбалансированного опосредования соответствующими правами и обязанностями в целях преодоления конфликта интересов. Проникновение общих положений договорного права в административное право позволяет изменить баланс соотношения частных и публичных интересов.

Для административно-договорных правоотношений компромисс между частными и публичными интересами является важным принципом, который предполагает согласование и сочетание обоих видов интересов. Этот принцип может быть применен в случаях, когда нет явно определенной модели, предусмотренной законом, соглашением или решением органа публичной власти.

Важным направлением настоящего исследования является поиск критериев, способствующих достижению баланса между публичными и частными интересами в административно-договорных правоотношениях. Это включает разработку рекомендаций по улучшению правового регулирования административно-договорных правоотношений, а также гармонизацию интересов субъектов в процессе реализации соответствующих обязательств.

Критерии сочетания частных и публичных средств и инструментов с целью надлежащего взаимодействия (установления баланса) обуславливают необходимость разработки правового механизма защиты более слабого субъекта административно-договорного правоотношения.

Государство в административно-договорных правоотношениях выступает в качестве равноправного субъекта с частными лицами. Вместе с тем оно обладает большими возможностями по сравнению с гражданами или юридическими лицами при заключении сделок или осуществлении предоставленных прав.

Частные интересы в рамках административно-договорных отношений не будут

иметь должной охраны и защиты, если не имеют соответствующего нормативного закрепления. Поэтому роль публичных интересов заключается в постановке вопросов о том, какие должны быть пределы вмешательства публичных интересов в частные дела, а также о пределах их защиты и охраны.

В плоскости административно-договорных правоотношений в качестве механизма, который направлен на обеспечение баланса между частными и публичными интересами, выступают ограничительные и стимулирующие меры соответствующих субъектов, а также меры контроля и надзора за исполнением соответствующих обязательств.

Компромисс между частными и публичными интересами в административно-договорных правоотношениях представляет собой модель, которая устанавливается соглашением сторон, судом или органом публичной власти. В рамках этой модели стороны исследуемого правоотношения должны принимать во внимание обоюдные интересы, закреплять взаимные уступки и ограничения. Непосредственно компромисс должен находить свое закрепление в условиях соответствующего административного договора. При этом содержание компромиссного условия должно определять действия сторон по преодолению конфликта, а также условия о сроке.

В качестве иллюстративного примера закрепления компромисса частных и публичных интересов укажем на возможность концедента или уполномоченного им беспрепятственного доступа на объект концессионного соглашения, а также к документации, относящейся к осуществлению деятельности, предусмотренной концессионным соглашением, для осуществления контроля¹. Представляется, что концессионное соглашение представляет собой пример сбалансированного компромисса между частными и публичными интересами, поскольку его исполнение предусматривает гармоничное сочетание прав и обязанностей сторон. Указанное позволяет достигнуть

¹ См.: О концессионных соглашениях: федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

удовлетворения как частных, так и публичных интересов, а также обеспечить эффективное управление государственным или муниципальным имуществом.

В концессионном соглашении достигается баланс между социально значимыми интересами органов публичной власти (концедентов), которые заключаются в эффективном использовании государственного или муниципального имущества, повышении качества предоставляемых потребителям товаров, работ и услуг, а также частными интересами концессионеров.

В рамках концессионных соглашений комбинируются методы как частноправового, так и публично-правового регулирования, посредством которых обеспечивается баланс между частными и публичными интересами. В данном аспекте концессионное соглашение необходимо рассматривать как комплексный правовой институт, регулируемый разноотраслевыми нормами и требующий дифференциации при использовании.

Необходимость достижения баланса между публичными и частными интересами в административно-договорных правоотношениях предполагает отсутствие неправомерного вмешательства государства в дела контрагента, если нет достаточных оснований для этого. Представляется, что необходимо также обеспечить соразмерность государственных ограничений прав субъектов рассматриваемых отношений и применять принцип компенсации при необходимости.

На стадии возникновения административно-договорных правоотношений представляется возможным при определении условий будущего обязательства обеспечить баланс интересов посредством возможного ограничения принципа свободы договора, а также определения рамок контрольных полномочий со стороны органа публичной власти. В рамках реализации административно-договорного правоотношения баланс интересов достигается при четком соблюдении сторонами условий обязательства и реализации принципов добросовестности, а также возможного применения защитных мер слабой стороной правоотношения.

В условиях дисбаланса между частными и публичными интересами возникают различные модели конфликта, которые отражают возможные варианты соотношения этих интересов. Понимание этих моделей и их характеристик позволяет выявить ущемленный интерес и найти способы разрешения конфликта как в конкретных правоотношениях, так и в правоприменительной практике.

В целях преодоления конфликта между частными и публичными интересами предлагается включить в содержание административного договора предупреждение соответствующей стороны как меру, которая будет применяться при первом нарушении. Этот механизм, использующий межотраслевые правовые инструменты, способствует достижению баланса интересов в административно-договорных правоотношениях. Таким образом, для решения проблем и разрешения конфликтов необходимо применять комплексный подход, выходящий за пределы одной отрасли права.

Представляется, что требует более глубокого изучения вопрос о том, как влияют ограничения, которые принимает на себя одна из сторон административно-договорных правоотношений, на конфликт частных и публичных интересов. Следует определить, являются ли законные ограничения причиной конфликта, способом его разрешения, устанавливающим баланс интересов, или сосуществуют с конфликтом, способствуя справедливому соотношению возможностей для осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей.

Сочетание частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях должно достигаться взаимопроникновением дозвоительно-диспозитивных и императивных средств правового воздействия. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о возможности выделения двух уровней соотношения частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях: внутриотраслевого и межотраслевого. Внутриотраслевое соотношение определяется

в рамках административного права, тогда как межотраслевое проявляется за рамками административного законодательства. Предпосылкой внутриотраслевых и межотраслевых соотношений частных и публичных

интересов может выступать взаимозависимость и взаимосвязанность административно-договорных правоотношений с различными институтами административного или договорного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... докт. юрид. наук. Уфа, 2022.
2. Тихомиров Ю. А. Интерес в публичном и частном праве: согласование и противоборство // Интерес в публичном и частном праве: материалы научной конференции. М., 2002.
3. Публичный интерес в административном праве / под общей ред. докт. юрид. наук, проф. С. В. Запольского, канд. юрид. наук, проф. Н. Г. Салищевой, канд. юрид. наук, проф. В. В. Альхименко. М.: Институт государства и права РАН, Академический правовой институт, 2015.
4. Сайдашева М. В. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в правовом регулировании иностранных инвестиций в Российской Федерации: дис. канд. ... юрид. наук. М., 2022.
5. Писенко К. А. Административно-правовое обеспечение баланса интересов в сфере антимонопольного регулирования в Российской Федерации: дис. докт. ... юрид. наук. М., 2014.
6. Тихомиров Ю. А. Право и публичный интерес // Законодательство и экономика. 2002. № 3 (215).
7. Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. докт. ... юрид. наук. М., 2016.

REFERENCES

1. Sharipova A. R. Conceptual foundations of intersectoral convergence in judicial proceedings in criminal cases: dis. ... doc. legal Sci. Ufa, 2022. (In Russ.)
2. Tikhomirov Yu. A. Interest in public and private law: coordination and confrontation // Interest in public and private law: materials of a scientific conference. M., 2002. (In Russ.)
3. Public interest in administrative law / ed. doc. legal sciences, prof. S. V. Zapolsky, Cand. legal sciences, prof. N. G. Salishcheva, Cand. legal sciences, prof. V. V. Alkhimenko. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academic Legal Institute, 2015. (In Russ.)
4. Saidasheva M.V. Ensuring a balance of private and public interests in the legal regulation of foreign investments in the Russian Federation: dis. Cand. ... legal Sci. M., 2022. (In Russ.)
5. Pisenko K. A. Administrative and legal support for the balance of interests in the field of antimonopoly regulation in the Russian Federation: dis. doc. ... legal Sci. M., 2014. (In Russ.)
6. Tikhomirov Yu. A. Law and public interest // Legislation and economics. 2002. No. 3 (215). (In Russ.)
7. Yatsenko T. S. Civil law protection of public interests: dis. doc. ... legal Sci. M., 2016. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. И. Попов, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. I. Popov, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 343.3

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Ольга Владимировна Чумакова^{1,2,3}, Вадим Михайлович Пашин^{3,4}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

² Московский городской университет управления Правительства Москвы
имени Ю. М. Лужкова, Москва, Россия

³ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Москва, Россия

¹ Chumakova-ov@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4145-3877

⁴ paschin@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе. В статье формулируются понятие и негативные последствия наличия правовой неопределенности для частных интересов государственных служащих и публичных интересов государства. Приводятся примеры наличия правовой неопределенности в системе ограничений, касающиеся запрета на дарение подарков на государственной службе, а также процедуры передачи ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов.

Ключевые слова: государственная служба, правовая неопределенность, запреты, ограничения, конфликт интересов, подарок, доверительное управление, коррупция.

Для цитирования: Чумакова О. В., Пашин В. М. К вопросу о правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 58–63.

Original article

ON THE ISSUE OF LEGAL UNCERTAINTY IN THE SYSTEM OF RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS IN THE PUBLIC SERVICE

Olga V. Chumakova^{1,2,3}, Vadim M. Pashin^{3,4}

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Moscow City University of Management of the Government of Moscow named
after Yu . M . Luzhkov, Moscow, Russia

³ All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry
of Justice of Russia), Moscow, Russia

¹ Chumakova-ov@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4145-3877

⁴ paschin@mail.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of legal uncertainty in the system of restrictions and prohibitions in the public service. The article formulates the concept and negative consequences of the presence of legal uncertainty for the private interests of civil servants and the public interests of the state. It provides examples of the presence of legal uncertainty in the system of restrictions regarding the ban on giving gifts in the public service, as well as the procedure for transferring securities (participatory interests, shares in the authorized (share) capital of organizations) to trust management in order to prevent conflicts of interest.

Keywords: public service, legal uncertainty, prohibitions, restrictions, conflict of interests, gift, trust management, corruption.

© Чумакова О. В., Пашин В. М., 2023

For citation: Chumakova O. V., Pashin V. M. On the issue of legal uncertainty in the system of restrictions and prohibitions in the public service // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 58–63.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации система государственной службы включает в себя гражданскую, военную и службу иных видов. Вне зависимости от вида государственной службы ограничения и запреты в ее системе являются одними из важнейших элементов обеспечения законности. Во многом именно благодаря их императивному воздействию на служебные отношения достигается необходимый эффект предупреждения различных по своим характеру и степени общественной опасности правонарушений.

Вместе с тем ограничения и запреты фактически устанавливают пределы реализации прав государственных служащих. По нашему мнению, не всегда они являются обоснованными, и не всегда содержание норм, устанавливающих ограничения и запреты, позволяет толковать их однозначно, что требует своего правового анализа.

В настоящее время формирование оптимального правового регулирования сферы государственной службы продиктовано совокупностью факторов.

Во-первых, политика Российской Федерации на сегодняшний день направлена на укрепление кадрового аппарата, лежащего в основе системы государственной службы, повышения стабильности структуры органов публичной власти. Об этом свидетельствует, например, принятие закона, направленного на совершенствование профессиональной подготовки государственных гражданских служащих¹, которым уточняются понятия «профессиональный уровень», «конкурс» и некоторые другие.

Во-вторых, на важность упорядочивания отношений в сфере государственной службы, исследования проблем в ней, поиск их решений указывает сформировавшаяся в настоящее время относительно самостоятельная комплексная отрасль служебного права [1, с. 37].

В-третьих, отсутствие правовой определенности при установлении государством некоторых ограничений и запретов закономерно негативно сказывается на правоприменительной практике².

Множество трудностей в правоприменении связано с увольнением сотрудников по основанию «утраты доверия» [2, с. 160–165], иными видами дисциплинарной ответственности [3, с. 192–193]. В данной части следует отметить, что основанием наступления такой дисциплинарной ответственности является нарушение ограничений и запретов.

В нормативных правовых актах, регламентирующих государственную службу, определения понятий «запреты», «ограничения» отсутствуют. В научной литературе в ходе анализа различных теоретических воззрений на рассматриваемую проблематику авторами делается вывод о наличии у запретов и ограничений общих обязательных признаков императивности и применения мер принуждения в случае их нарушения, а также целесообразности их классификации на общие и специальные [4, с. 243].

По нашему мнению, запреты на государственной службе следует понимать в их классической интерпретации, то есть как возложение юридической обязанности не совершать конкретные действия при определенных условиях, установленных в за-

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

² Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 10. 2016.

коне. Запреты предполагают наложение на государственного служащего таких обязанностей при нахождении на государственной службе.

В свою очередь ограничения являются смежной категорией, но, как правило, они предполагают установление условий, при которых лицо не может поступить на государственную службу или продолжить ее осуществление.

Общие запреты и ограничения присущи административно-правовому статусу любого государственного служащего, специальные ограничения и запреты, как правило, еще больше сужают рамки дозволенного для лица, проходящего государственную службу. Например, в соответствии с частью 2 статьи 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 342-ФЗ) на сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные рядом иных нормативных правовых актов¹.

Так, для лиц, которые претендуют на замещение должностей государственной службы иных видов, которая, как правило, является правоохранительной, установлены дополнительные ограничения.

Из анализа связанных между собой норм статьи 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 14 Федерального закона № 342-ФЗ следует, что ограничения для прохождения государственной гражданской службы не являются такими строгими, как в случае прохождения государственной службы в органах внутренних дел. В частности, лицо не может претендовать на замещение должности в органах внутренних дел даже в случае снятой или погашенной судимости.

Однако имеются определенные исключения. Так, например, если действующие запреты и ограничения препятствуют осуществлению оперативно-розыскной деятельности сотрудника органов внутренних дел, то в порядке, который определен нормативными правовыми актами, они могут быть сняты.

Таким образом, система ограничений и запретов для государственных служащих обладает определенным единством, хотя для некоторых категорий государственных служащих законом могут быть установлены как дополнительные ограничения и запреты, так и исключения из них.

Для нормативного правового регулирования государственной службы, к сожалению, свойственно наличие недостатков, вызывающих правовую неопределенность. Следует более детально раскрыть, в чем именно выражается опасность правовой неопределенности при регулировании служебных отношений.

Фактически правовая неопределенность является состоянием, когда нормы законодательства могут толковаться по-разному в одних и тех же ситуациях, при одних и тех же условиях.

Неопределенность в праве ведет к непредсказуемости результата исхода юридического производства. Участники правоотношений не могут быть уверены в том, какие действия являются законными или незаконными, что может привести к страху, недоверию и неправильным решениям. Более того, правовая неопределенность может привести к возникновению споров и конфликтов, так как разные стороны могут различно толковать или применять неясные нормы.

Опасность состоит и в том, что в условиях неопределенности права существует риск избирательного или произвольного применения законов и правил. Различные интерпретации или усмотрение административных органов при принятии решений приводят к нарушению принципов справед-

¹ О противодействии коррупции (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023): федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

ливости и законности на государственной службе.

Когда нормы, регулирующие служебные отношения, не ясны или могут быть подвержены различным интерпретациям, существует риск их неправильного понимания или вовсе игнорирования, в долгосрочной перспективе приводящий к правовому нигилизму.

В связи с этим следует рассмотреть некоторые проявления правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе.

Государственному служащему запрещено получать подарки, в каком бы виде они не преподносились (какую бы форму не имели), за исключением подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Подарки, полученные в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, признаются собственностью государства, но государственный служащий впоследствии может их выкупить по специально предусмотренной законом процедуре.

Данный запрет распространяется только на получение подарков государственным служащим в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей.

Таким образом, процедура дарения подарков на государственной службе, казалось бы, является урегулированной, но если проанализировать содержание норм всего комплекса нормативных правовых актов, которые регламентируют порядок прохождения государственной службы, то обнаружатся явные противоречия.

Так, в пункте 7 части 3 статьи 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии коррупции») определено, что государственным и муниципальным служащим запрещено получать подарки (кроме протокольных мероприятий, служебных командировок и иных официальных мероприятий). В иных нормативных правовых актах содержится указание на аналогичное правило, но с отсылкой к статье 575 Гражданского кодекса Российской Федерации о запрете дарения, за исключением

подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей.

Каким образом соотносятся данные нормы, остается до конца неопределенным. Представляется, что в случае, когда речь идет о государственном гражданском служащем, то норма пункта 6 части 1 статьи 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» будет являться специальной и применяться должна именно она.

Данное правило преодоления коллизии не является абсолютным. Приоритет одной из норм можно отдать, руководствуясь и другими правилами, например, правилом о том, что применяется норма, которая издана позднее, или норма, которая в наименьшей степени ограничивает права и свободы лица. При руководстве темпоральным правилом преодоления имеющейся коллизии применять следует нормы ФЗ «О противодействии коррупции», и тогда государственные (муниципальные) служащие не имеют права принимать подарки независимо от их денежного выражения.

Представляется, что перед законодателем стоит задача по унификации действующего правового регулирования процедуры дарения на государственной службе. Жесткий запрет для процедуры дарения должен иметь одинаковое содержание для всех видов государственной (муниципальной) службы. Какие-либо аргументы в пользу повышенной строгости запретов для того или иного вида государственного (муниципального) служащего в данной области общественных отношений, связанных с дарением подарков, по нашему мнению, отсутствуют.

Практика показывает, что получение государственным служащим подарка является правонарушением, смежным с получением взятки, в связи с этим государственные служащие вообще воздерживаются от получения подарков. В перспективе видится целесообразным полный запрет на дарение, за исключением протокольных мероприятий, служебных командировок и других офици-

альных мероприятий (с процедурой выкупа подарка).

Как отмечают некоторые авторы, сложности возникают еще на уровне применяемой в нормах терминологии. Так, законом четко не определено, что именно следует считать подарком; толкование норм, регламентирующих дарение подарков государственным служащим, является достаточно разнообразным [5, с. 5–7]. Представляется, что определение подарка в законе излишне, подарком является любое материальное или нематериальное благо, переданное государственному служащему или должностному лицу на безвозмездной основе, что вытекает из содержания гражданско-правовых норм о договоре дарения.

При анализе действующего законодательства, определяющего структуру и содержание сферы государственной службы, обнаруживаются и другие примеры правовой неопределенности.

Одним из запретов для государственного служащего является владение ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), если оно приводит или может привести к конфликту интересов. Для некоторых категорий государственных служащих данный запрет действует даже в случае отсутствия конфликта интересов (то есть запрет безусловен и является абсолютным).

Справедливо авторами указывается на отсутствие правового регулирования процедуры передачи государственным служащим в доверительное управление ценных бумаг, долей в уставных капиталах организаций [4, с. 244]. Вместе с тем важно отметить, что в целом общий порядок подобной передачи урегулирован гражданско-правовыми нормами. Однако вопрос о том, подходит ли данный порядок передачи в доверительное управление для предотвращения конфликта интересов на государственной службе, не получает своего однозначного ответа. Очевидно, что отсутствие правового регулирования условий передачи в доверительное управление в рамках административно-правовых отношений неблагоприятно сказывается как

на частных интересах государственных служащих, так и на публичных.

Ситуация на сегодняшний день следующая: нарушение рассматриваемого правового запрета на государственной службе, как правило, влечет за собой увольнение, а понятной процедуры передачи в доверительное управление не выработано. Самым насущным вопросом в данной части является перечень субъектов, которые могут выступать в качестве доверительных управляющих; могут ли ими быть близкие родственники или иные заинтересованные лица, связанные с государственным служащим близкими отношениями (несмотря на запрет выступать в качестве доверительного управляющего выгодоприобретателя), остается неопределенным в законе однозначно.

Некоторые авторы высказывают аргументированные сомнения в эффективности данного запрета в части, касающейся предупреждения конфликта интересов [6, с. 20–23; 7, с. 179–185]; представляется, что правовая неопределенность такого жесткого запрета, влекущего серьезные правовые последствия, нуждается в своем разрешении. Целесообразно на уровне подзаконного нормативного правового акта определить как минимум перечень тех лиц, которые могут выступать в качестве доверительных управляющих при осуществлении передачи в доверительное управление.

В настоящем исследовании сформулированы научные положения, касающиеся правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе. Были приведены лишь некоторые примеры правовой неопределенности, которые наглядно иллюстрируют ее негативное влияние на регулирование общественных отношений. Минимизация, а в перспективе и полное устранение правовой неопределенности являются задачей, которая способствует защите не только частных интересов лиц, проходящих государственную службу, но публичных интересов государственных и муниципальных органов власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дякина И. А. Служебное право как комплексная отрасль права: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2007. 37 с.
2. Трунцевский Ю. В. Дисциплинарная и судебная практика по делам об увольнении за коррупционное правонарушение в связи с утратой доверия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 155–173.
3. Павлова Е. В. Дисциплинарная ответственность государственных служащих как основной элемент реализации принципа законности в государственном управлении // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 192–193.
4. Нагорных Р. В. Ограничения и запреты в системе государственной службы в правоохранительных органах // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 241–246
5. Абдрахимова К. А., Аминов И. Р. К вопросу о запрете в государственной службе в получении подарка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1. С. 6–9.
6. Горохова С. С. О некоторых аспектах применения в Российской Федерации института доверительного управления как инструмента предотвращения конфликта интересов // Административное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 18–33.
7. Крамской В. В., Осокин Р. Б. О запрете прохождения государственной (муниципальной) службы лицами, состоящими в близком родстве или свойстве: проблемы законодательного регулирования и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 179–185.

REFERENCES

1. Dyakina I. A. Official law as a complex branch of law: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2007. 37 p. (In Russ.)
2. Truntsevsky Yu. V. Disciplinary and judicial practice in cases of dismissal for a corruption offense due to loss of trust // Journal of Russian Law. 2020. No. 11. P. 155–173. (In Russ.)
3. Pavlova E. V. Disciplinary responsibility of civil servants as the main element of implementing the principle of legality in public administration // Public service and personnel. 2021. No. 2. P. 192–193. (In Russ.)
4. Nagornykh R. V. Restrictions and prohibitions in the system of public service in law enforcement agencies // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 447. P. 241–246. (In Russ.)
5. Abdrakhimova K. A., Aminov I. R. On the issue of the prohibition in the public service in receiving a gift // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 12-1. P. 6–9. (In Russ.)
6. Gorokhova S. S. On some aspects of the application of the institution of trust management as a tool for preventing conflicts of interest in the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2022. No. 3. P. 18–33. (In Russ.)
7. Kramskoy V. V., Osokin R. B. On the prohibition of state (municipal) service by persons who are blood relatives or affinal kins: problems of legislative regulation and ways to solve them // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 179–185. (In Russ.)

Информация об авторах:

О. В. Чумакова, доктор юридических наук, доцент;
В. М. Пашин, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors:

O. V. Chumakova, Doctor of Law, Associate Professor;
V. M. Pashin, Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 347.787(470)"1937/1991"

**ИНСТИТУТ АВТОРСКОГО НАДЗОРА
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Даниил Александрович Белецкий

Омская академия МВД России, Омск, Россия, daniil_beletskiy@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается история развития авторского надзора в советский период. Автор приходит к выводу, что его появление было вызвано назревшей необходимостью обеспечения контрольных функций со стороны проектных организаций за процессом строительства в целях своевременного и качественного выполнения всех строительных работ, а также их удешевления. Именно в советский период впервые на подзаконном уровне вводится термин «авторский надзор», который первоначально рассматривался как неотделимый элемент любого строительства. Анализ законодательства советского периода дает основания определить правовую природу авторского надзора как двойственную с усилением публичных начал. Автор заключает, что такое видение авторского надзора не отвечает требованиям современности и предлагает рассматривать его как институт частного права.

Ключевые слова: авторский надзор, история развития авторского надзора, неприкосновенность произведения, произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, строительство.

Для цитирования: Белецкий Д. А. Институт авторского надзора в советский период: историко-правовой анализ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 64–71.

Original article

**THE INSTITUTION OF ARCHITECTURAL SUPERVISION
IN THE SOVIET PERIOD: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS**

Daniil A. Beletsky

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, daniil_beletskiy@bk.ru

Abstract. The article examines the history of the development of author's supervision during the Soviet period. The author comes to the conclusion that its appearance was caused by the urgent need to ensure control functions on the part of design organizations over the construction process in order to timely and high-quality completion of all construction work, as well as to reduce their cost. It was during the Soviet period that the term "author's supervision" was first introduced at the by-law level, which was initially considered as an inseparable element of any construction. The analysis of the legislation of the Soviet period gives grounds to determine the legal nature of copyright supervision as dual with the strengthening of public principles. The author concludes that this vision of copyright supervision does not meet the requirements of our time and proposes to consider it as an institution of private law.

Keywords: author's supervision, history of the development of author's supervision, inviolability of the work, works of architecture, urban planning and gardening art, construction.

For citation: Beletsky D. A. The institution of architectural supervision in the Soviet period: historical and legal analysis // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 64–71.

© Белецкий Д. А., 2023

Институт авторского надзора получил свое нормативное закрепление в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Федеральном законе «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» и иных нормативных правовых актах. Вместе с тем законодатель, закрепив право автора произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства на осуществление авторского надзора, не стал детально регламентировать данный институт, а лишь закрепил, что порядок его осуществления устанавливается федеральным органом исполнительной власти по архитектуре и градостроительству, что в свою очередь, повлекло за собой издание подзаконных нормативных правовых актов, иным образом регламентирующих авторский надзор.

Так, пункт 2 ст. 1294 ГК РФ устанавливает, что автор произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства имеет право на осуществление авторского надзора за строительством здания или сооружения либо иной реализацией соответствующего проекта¹. Статья 12 Федерального закона «Об архитектурной деятельности» также содержит указание на право архитектора осуществлять указанный надзор².

В то же время пунктом 4.3. Свода правил 246.1325800.2016 «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» закреплено, что авторский надзор при строительстве опасного производственного объекта, а также при приспособлении объекта культурного наследия для современного ис-

пользования осуществляется в обязательном порядке³.

Таким образом, на сегодняшний день авторский надзор регулируется нормами частного и публичного права. Кроме того, интерпретация данных норм позволяет рассматривать его одновременно и как право автора, и как его обязанность, что не оказывает положительного эффекта на правоприменительную практику.

В целях обеспечения стабильности гражданского оборота и придания ясности правам и обязанностям сторон, гражданско-правовая наука должна определить наиболее эффективную гражданско-правовую конструкцию договора, применяемую при осуществлении авторского надзора, уяснить его правовую природу, а также определиться с направлением его дальнейшего развития. Для решения поставленной задачи считаем необходимым обратиться к научному анализу института авторского надзора в советский период развития права – период, когда он впервые получил закрепление. Исследование в этом направлении позволит увидеть возможности дальнейшего совершенствования законодательства, а также развить научные знания об исследуемой модели отношений.

Зарождение института авторского надзора было вызвано необходимостью участия автора проекта в практической реализации своего произведения в целях своевременного и качественного выполнения всех строительных работ. Так, постановлением пленума Московского городского комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и Московского Совета от 20 августа 1933 г. «Об улучшении дела строительства и органи-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

² Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

³ Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений: свод правил 246.1325800.2016, утвержденный Приказом Минстроя России 19 февраля 2016 г. № 98/пр. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

зации управления постройкой домов»¹ были определены общие задачи автора проекта в процессе его практической реализации. Пленумом предусматривалась необходимость «установить порядок, при котором архитектор – автор проекта – является постоянным представителем заказчика на все время постройки дома».

Однако прогресса от взаимодействия автора проекта и строителей не случилось по причине того, что роль автора проекта недооценивалась руководителями хозяйственных организаций. Кроме того, авторы проекта встречали противодействие со стороны строящих организаций, поскольку, как было отмечено в специализированной литературе, их руководители «видели в авторе проекта не ближайшего своего помощника и авторитетного специалиста, а контролера, от которого «надо спрятать» недостатки в работе» [1, с. 1].

Комментируя данное постановление, Б. Гусман писал: «До решения пленума МГК и Моссовета роль архитектора сводилась к графике, в лучшем случае к защите своего проекта (в основном фасада) в соответствующих инстанциях» [2, с. 21]. Далее автор пишет, что «и в настоящее время архитектор-автор проекта все еще недостаточно интересуется разработкой рабочих чертежей и увязкой всех видов специальных работ с основным проектом. В результате на стройке после окончания всех конструкций по общестроительным работам начинается перебивка отверстий в полах, перекрытиях, перегородках, так как чертежи на строительные работы не были увязаны с остальными видами работ» [2, с. 21].

Вместе с тем встречаются и положительные примеры осуществления авторского надзора. Так, Л. Брянский писал по поводу участия архитектора в строительстве дома по ул. Горького в г. Москве в исследуемый нами период: «Высокое качество выстроенных зданий – прямой результат подлинно стахановской работы и тесной спайки архитектора с коллективом строителей» [3, с. 4].

Впервые термин «авторский надзор» был закреплен в 1939 году Наркомстроем СССР в «Инструкции по составлению проектов и смет по строительству жилых, бытовых, коммунальных, торговых и прочих зданий непромышленного характера», в пункте 21 которой устанавливалось, что авторский надзор за строительством осуществлялся проектной организацией через автора или главного архитектора проекта. При этом норма имела указание на то, что порядок и объем указанного надзора регламентируется специальной инструкцией². Однако специальная инструкция так и не была утверждена.

В последующем постановлении Высшего совета народного хозяйства СССР Совета Министров СССР от 7 сентября 1963 г. № 50 «О порядке осуществления авторского надзора проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений» устанавливалось, что он осуществлялся за строительством определенного перечня объектов, проектами которых предусматривалось применение сложных строительных решений, новых строительных конструкций и материалов, а также новых технологических процессов³.

¹ Об улучшении дела строительства и организации управления постройкой домов: постановление Пленума МГК ВКП(б) и Московского Совета РК и КД от 20 августа 1933 г. // Рабочая Москва. 20 августа 1933 г. № 195.

² Инструкция по составлению проектов и смет по строительству жилых, бытовых, коммунальных, торговых и прочих зданий непромышленного характера: утверждена Постановлением Совета Министров СССР от 26 января 1952 г. № 486. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

³ О порядке осуществления авторского надзора проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений: постановление Высшего совета народного хозяйства СССР Совета Министров СССР от 7 сентября 1963 г. № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

Особый интерес вызывает преамбула данного постановления, в которой устанавливалось, что авторский надзор вводится с целью улучшения качества, сокращения продолжительности и снижения стоимости строительства, а также повышения ответственности проектных, строительного-монтажных организаций и заказчиков за качество возводимых объектов. Также было установлено, что данный надзор осуществляется на протяжении всего периода строительства и приемки в эксплуатацию законченных объектов. Проектные организации должны были возлагать его осуществление на авторов проекта, главных инженеров и главных архитекторов.

Можем заключить, что согласно данному Постановлению целью авторского надзора было не создание дополнительной защиты автора произведения архитектуры от нарушения его права на неприкосновенность произведения, а повышение качества строительства и экономии государственных средств. Несмотря на основные функции, заключающиеся в осуществлении контроля за соответствием выполненным работ проектным решениям, предусмотренным в рабочих чертежах, автор проекта также осуществлял надзор за тем, чтобы его творческий замысел не искажался, но эта функция носила факультативный характер. Кроме того, осуществление авторского надзора возлагалось не только на авторов проекта, но и иных лиц, не имеющих отношения к разработке реализуемого архитектурного проекта.

Несмотря на то, что Гражданским кодексом РСФСР 1964 года¹ предусматривалось, что авторское право распространяется на произведения архитектуры, устанавливался запрет на внесение изменений в произведе-

ние без согласия автора, однако в нем не содержалось положений, регламентирующих институт авторского надзора, что свидетельствует об его уклоне в сторону публично-правовой охраны интересов государства, а не прав автора произведения.

В дальнейшем сфера применения авторского надзора была расширена. Так, статьей 123 Земельного кодекса РСФСР² устанавливалось, что землеустроительный процесс включает в себя осуществление данного надзора. В последующем данное положение нашло свое отражение в Земельном кодексе РСФСР, утвержденном Верховным советом РСФСР 25 апреля 1991 г. № 1103-1³. Вместе с тем какие-либо официальные документы, регламентирующие основания, порядок и цели авторского надзора в ходе землеустроительного процесса, отсутствуют. В частности, о расширении сферы его действия также может свидетельствовать выпуск Методических указаний к проведению авторского надзора за осуществлением проектов внутрихозяйственного землеустройства [4].

Учитывая содержание землеустройства, перечисленное в ст. 113 Земельного кодекса РСФСР, утвержденного Верховным советом РСФСР 25 апреля 1991 г. № 1103-1, считаем очевидным, что авторский надзор, осуществляемый в ходе землеустроительного процесса, никаким образом не был связан с авторскими правами, а лишь сводился к оказанию помощи хозяйствам при реализации проектов землеустройства разработчиками данных проектов. Внедрение данного надзора в землеустроительную деятельность в очередной раз свидетельствует о придаваемой ему законодателем публично-правовой сущности.

¹ Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР (вместе с Гражданским кодексом РСФСР): Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

² Об утверждении Земельного кодекса РСФСР: Земельный кодекс РСФСР, утвержден Закон РСФСР от 1 июля 1970 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

³ Земельный кодекс РСФСР, утвержден Верховным советом РСФСР 25 апреля 1991 г. № 1103-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

В связи с принятием постановления Совета Министров СССР от 19 января 1973 г. № 47 «Об авторском надзоре проектных организаций за строительством» (далее – постановление Совета Министров СССР № 47) авторский надзор перестал быть неотъемлемой частью любого строительства, отныне он осуществлялся лишь в определенных постановлением случаях¹.

Постановлением Госстроя СССР от 12 декабря 1973 г. № 228 (далее – постановление Госстроя СССР № 228) было утверждено «Положение об авторском надзоре проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений»², которое предусматривало, что данный надзор проводится на протяжении всего периода строительства и приема в эксплуатацию объектов в целях обеспечения максимального соответствия технических решений и технико-экономических показателей, введенных в эксплуатацию объектов строительства, решениям и показателям, предусмотренным в утвержденных проектах, а также повышения ответственности проектных, строительно-монтажных организаций и заказчиков за обеспечение высокого качества возводимых зданий и соблюдения их сметной стоимости.

Согласно постановлению Госстроя СССР № 228 проектные организации должны были возлагать обязанности по осуществлению авторского надзора на авторов, главных инженеров и главных архитекторов проекта. Вместе с тем обязанности проектных организаций при его осуществлении, закрепленные данным Положением, включали в себя функции, свойственные инже-

неру, контролирующему строительство, и были направлены исключительно на обеспечение соответствия технических решений и технико-экономических показателей строящихся зданий проектам, а также на снижение стоимости и улучшения качества строительства. Обязанностей по надзору за соблюдением соответствия возводимого здания творческому замыслу автора оно не содержало. В то же время видится логичным, что в процессе контроля за соответствием технических решений автор проекта также имел возможность осуществлять надзор за тем, чтобы в процессе строительства не был искажен его творческий замысел здания. Однако данная функция не являлась основной.

Таким образом, следует, что авторский надзор в том виде, в каком он предусматривался постановлением Совета Министров СССР № 47 и принятым на его основе постановлением Госстроя СССР № 228, имел публично-правовую природу и был нацелен исключительно на обеспечение интересов государства в возведении зданий и сооружений, соответствующих техническим решениям и технико-экономическим показателям, предусмотренным в проектах, а также снижение их стоимости, и лишь косвенно позволял автору проекта следить за тем, чтобы строящийся объект соответствовал его творческому замыслу.

Постановлением Госстроя СССР от 15 апреля 1985 г. № 48 были утверждены Строительные нормы и правила 1.06.05-85 «Положение об авторском надзоре проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений»³ (далее –

¹ Об авторском надзоре проектных организаций за строительством: постановление Совета Министров СССР от 19 января 1973 г. № 47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

² Об утверждении положения об авторском надзоре проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений: постановление Госстроя СССР от 12 декабря 1973 г. № 228. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

³ Об утверждении СНИП 1: положение об авторском надзоре проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений: СНИП 1.06.05-85, утв. постановлением Госстроя СССР от 15 апреля 1985 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

СНиП 1.06.05-85), пунктом 1.3. которого было установлено, что «авторский надзор проектных организаций следует осуществлять весь период строительства и приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов в целях обеспечения соответствия технологических, архитектурно-строительных и других технических решений и технико-экономических показателей, введенных в эксплуатацию объектов строительства решениям и показателям, предусмотренным в утвержденных проектах (рабочих проектах), а также в целях повышения ответственности проектных, строительно-монтажных организаций и заказчиков за обеспечение высокого качества возводимых зданий и сооружений и соблюдения их сметной стоимости».

Несложно заметить, что авторский надзор стал регламентироваться не нормами права, а актами технического развития. Однако он осуществлялся на основании договоров, заключенных между заказчиком и генеральной проектной организацией. Пункт 2.3. СНиП 1.06.05-85 закреплял, что осуществление авторского надзора должно возлагаться в первую очередь на авторов реализуемого проекта. Вместе с тем, исходя из целей и содержания СНиП 1.06.05-85, следует, что в его задачи не входила защита прав авторов проекта от искажения их творческого замысла в ходе его практической реализации. Отметим, что автор проекта не был лишен возможности осуществлять контроль за соблюдением его творческого замысла при реализации проекта, но это не была его основная задача при осуществлении данного надзора.

В специальной литературе со ссылкой на СНиП 1.06.05-85 высказывалось мнение, что «авторский надзор имеет целью улучшение качества строительства и продление срока службы сооружений, а также повышение ответственности проектных организаций за обеспечение высокого качества возводимых

объектов и соблюдение не превышения их сметной стоимости» [5, с. 5]. В юридической среде также укоренилось мнение, что он является инструментом, позволяющим улучшить качество строительства и снизить его себестоимость, а также повысить ответственность проектных организаций за качество возводимых зданий и сооружений [6, с. 174].

Таким образом, как специалисты в строительной области, так и юристы не считали авторский надзор инструментом, способствующим защите личных неимущественных прав авторов проекта, а относили его к средствам государственного контроля за улучшением качества и удешевлением строительства.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик¹ не содержали положений, регламентирующих осуществление авторского надзора в строительстве, что в очередной раз свидетельствует об отнесении его законодателем к инструментам публичного права, имеющим цель не обеспечить реализацию права автора произведения на его неприкосновенность, а способствовать государству при строительстве зданий и сооружений получать объекты, соответствующие техническим решениям и технико-экономическим показателям, а также повышать качество строительства с уменьшением его стоимости.

Подводя итог исследованию советского периода развития института авторского надзора, мы можем заключить, что в данный период назревшая необходимость заставила законодателя предпринять попытки к увеличению роли архитектора в процессе строительства. На подзаконном уровне впервые вводится термин «авторский надзор», который первоначально являлся неотделимым элементом любого строительства, обязательным как для автора проекта, так и для строительной организации. При этом на автора проек-

¹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. Верховным советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2023).

та возлагались обязанности не только по контролю за тем, чтобы в ходе практической реализации его проекта не допускались отступления от утвержденной проектной документации, и соответственно, не нарушался его творческий замысел, но и обязанности по разработке идей, способствующих ускорению, удешевлению и повышению качества строительства.

В дальнейшем прослеживается тенденция ухода от исключительной обязательности авторского надзора. В указанный нами период он имел публично-правовой уклон и являлся инструментом, нацеленным на улучшение качества строительства при его одновременном удешевлении. Защита личных неимущественных прав автора архитектурного произведения уходила на второй план. Кроме того, законодатель постепенно внедрял авторский надзор в области, не связанные с возведением объектов недвижимости. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что законодательство советского периода наделяло полномочиями по его осуществлению не только автора произведения архитектуры, но и иных лиц (инженеров).

Мы приходим к выводу, что юридическое и строительное сообщество восприняло авторский надзор именно в таком виде, как

институт публичного права, имеющий своей целью снижение стоимости строительства, повышение ответственности проектных организаций и обеспечение интересов государства в возведении зданий и сооружений, соответствующих техническим решениям и технико-экономическим показателям, предусмотренным в проектах.

Данное обстоятельство можно объяснить существовавшим в советский период политическим режимом и плановой экономической системой, предусматривавшими всеобщий контроль за всеми областями деятельности со стороны государства и минимизировавшими автономию воли субъектов. Государство было заинтересовано в получении качественных и максимально дешевых объектов недвижимости, что и получило свое отражение в постановлениях, регламентирующих рассматриваемый надзор.

В современных условиях рыночной экономики правовое регулирование авторского надзора следует выстраивать через призму норм частного права. Таким образом, институт данного надзора не только получит свое место в системе гражданско-правовых договоров, но и позволит эффективно осуществлять защиту личных неимущественных прав авторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Строгий авторский надзор – условие повышения качества и удешевления строительства // Строительство Москвы. 1940. № 19. С. 1.
2. Гусаман Б. Работать без брака // Строительство Москвы. 1935. № 6. С. 21.
3. Брянский Л. Архитектор на стройке // Строительство Москвы. 1938. № 22. С. 4.
4. Методические указания к проведению авторского надзора за осуществлением проектов внутрихозяйственного землеустройства / отв. за выпуск Е. Б. Допиро. Омский Ордена Ленина сельскохозяйственный институт им. С. М. Кирова. Омск, 1974.
5. Познер М. Б., Яковенко В. Г. Авторский надзор за портовыми гидротехническими сооружениями. Транспорт. М., 1990. С. 5.
6. Чигир В. Ф. Избранные труды. Минск, 2014. 560 с.

REFERENCES

1. Strict designer's supervision is a condition for improving the quality and reducing the cost of construction // Moscow Construction. 1940. No. 19. P. 1. (In Russ.)
2. Gusaman B. To work with zero defects // Construction of Moscow. 1935. No. 6. P. 21. (In Russ.)
3. Bryansky L. Architect at a construction site // Construction of Moscow. 1938. No. 22. P. 4. (In Russ.)

4. Methodological instructions for conducting designer's supervision of the implementation of on-farm land management projects / resp. for the issue E. B. Dopiro. Omsk Order of Lenin Agricultural Institute named after S. M. Kirov. Omsk, 1974. (In Russ.)

5. Pozner M. B., Yakovenko V. G. Author's supervision of port hydraulic structures. Transport. M., 1990. P. 5. (In Russ.)

6. Chigir V.F. Selected works. Minsk, 2014. 560 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.05.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 29.05.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 347.5:351.759.53(470)

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С НАХОДКОЙ

Руфия Хазибовна Галиуллина¹, Радик Юрикович Улимаев²

¹ Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ rufyagal@mail.ru, ² ulimrad75@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению гражданских правоотношений, возникающих в связи с находкой. На основе действующего законодательства Российской Федерации и иных нормативных актов рассмотрены понятие находки, правоотношения, возникающие между субъектами найденных вещей. В ходе исследования авторы опирались на материалы судебной практики, труды ученых; провели анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих институты находки и безнадзорных животных, уделили внимание особенностям участия органов внутренних дел Российской Федерации в правоотношениях, связанных с находкой в силу закона. Сделан вывод о тесной связи в рамках института находки не только гражданско-правовых, но и иных норм. В ряде случаев авторами высказаны предложения, направленные на совершенствование института находки в Российской Федерации.

Ключевые слова: находка, безнадзорные животные, гражданские правоотношения, полиция, орган местного самоуправления.

Для цитирования: Галиуллина Р. Х., Улимаев Р. Ю. Гражданские правоотношения, возникающие в связи с находкой // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 72–79.

Original article

CIVIL LEGAL RELATIONS ARISING IN CONNECTION WITH THE FINDING

Rufiya Kh. Galiullina¹, Radik Yu. Ulimaev²

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ rufyagal@mail.ru, ² ulimrad75@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of civil legal relations arising in connection with the finding. Based on the current legislation of the Russian Federation and other normative acts, it considers the concept of finds, and legal relations arising between the subjects of found things. In the course of the study, the authors relied on the materials of judicial practice and the works of scientists; analyzed the norms of the Civil Code of the Russian Federation regulating the institutions of finding and neglected animals, paid attention to the specifics of the participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in legal relations related to the finding by virtue of the law. The conclusion is made that within the framework of the institution of finding there is a close connection not only with civil law, but also with other norms. In a number of cases, the authors have made proposals aimed at improving the institution of finding in the Russian Federation.

Keywords: finding, neglected animals, civil relations, police, local government.

For citation: Galiullina R. Kh., Ulimaev R. Yu. Civil legal relations arising in connection with the finding // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 72–79.

© Галиуллина Р. Х., Улимаев Р. Ю., 2023

Согласно ст. 227 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ под находкой следует понимать вещь, выбывшую из владения собственника или иного управомоченного на владение лица (далее – титульного владельца) помимо их воли и обнаруженную третьим лицом. Вещь должна быть утеряна. Судебная практика не признает потерянной вещь, в отношении которой осуществляется регулярный контроль².

Как известно, находка относится к таким юридическим фактам, как юридический поступок. Суть юридического поступка состоит в правомерных действиях субъектов, с которыми закон связывает определенные юридические последствия независимо от того, была ли у субъектов цель достижения того или иного правового результата, например, право собственности на найденную вещь (п. 1 ст. 228 ГК РФ) [1]. Следовательно, основанием для возникновения правоотношений, связанных с находкой, является не гражданско-правовой договор, поскольку титульный владелец вещи отсутствует, а нормы закона (п. 1 ст. 8, ст.ст. 227–230 ГК РФ). Таким образом, права и обязанности участников правоотношений основаны только на законе. Закон лишь в отдельных случаях допускает заключение соглашений между участниками рассматриваемых обязательств, например, определение размера вознаграждения за находку, имеющую ценность только для управомоченного лица (п. 2 ст. 229 ГК РФ).

Нормы ГК РФ наделяют находчика широким кругом прав и обязанностей. Конструкция института находки, закрепленная в ст.ст. 227–230 ГК РФ, предполагает по мнению В. И. Казанцева [2] наличие шести субъектов:

- 1) находчик;
- 2) лицо, потерявшее вещь;
- 3) лицо, управомоченное получить най-

денную вещь (представитель собственника в силу закона или доверенности, арендатор и т. д.);

4) полиция или орган местного самоуправления, которым лицо сдает на хранение найденную вещь или которым оно заявляет о задержании безнадзорного (пригульного) скота;

5) лицо, которому полиция либо орган местного самоуправления сдает на содержание и в пользование безнадзорных животных на период розыска их собственника, а также лицо, которому нашедший вещь передает ее на хранение по указанию названных органов;

6) владелец помещения или средства транспорта, где была найдена потерянная вещь, либо лицо, представляющее такого владельца [2].

По нашему мнению, в приведенном В. И. Казанцевым перечне субъектов не указан седьмой субъект – продавец, к которому будет вынужден обратиться находчик для реализации скоропортящейся вещи или вещи, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью (абз. 2 п. 3 ст. 227 ГК РФ). Наше мнение основано на том, что для быстрой продажи некоторых вещей необходимы усилия со стороны профессиональных продавцов, обладающих необходимыми знаниями, оборудованием, транспортными средствами, лицензиями и т. д.

Между вышеперечисленными в ст. 227 ГК РФ субъектами института находки возможны следующие правоотношения.

Во-первых, это непосредственные правоотношения между находчиком и лицом, потерявшим вещь (титульным владельцем).

Во-вторых, это непосредственные правоотношения между находчиком и лицом, управомоченным получить найденную вещь (титульным владельцем, представителем

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Постановление ФАС Уральского округа от 3 декабря 2007 г. № Ф09-9904/07-С6 по делу № А60-6418/2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.08.2023).

собственника в силу закона или доверенности и т. д.).

В-третьих, правоотношения между находчиком и полицией или органом местного самоуправления, которым находчик сдает на хранение найденную вещь или которым оно заявляет о задержании безнадзорного (пригульного) скота.

В-четвертых, правоотношения между находчиком и лицом, которому полиция либо орган местного самоуправления сдает на содержание и в пользование безнадзорных животных на период розыска их собственника, а также лицо, которому нашедший вещь передает ее на хранение по указанию названных органов.

В-пятых, правоотношения между находчиком и владельцем помещения или средства транспорта, где была найдена потерянная вещь, либо лицом, представляющим такого владельца.

В-шестых, правоотношения между находчиком и продавцом в связи реализацией скоропортящейся вещи или вещи, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью.

Каждая разновидность правоотношения по находке имеет свои особенности.

В рамках первого правоотношения, являющегося базовым для остальных, объектом представляется обнаруженная находчиком потерянная вещь. Обнаружение вещи накладывает на находчика обязанности: 1) сообщить в случае известности титульному владельцу об обнаружении потерянной вещи и вернуть ему эту вещь (п. 1 ст. 227 ГК РФ). Очевидно, речь идет о случаях, когда в обнаруженной вещи имеется идентифицирующая информация – адрес, телефон и др., позволяющая без лишних хлопот обратиться к титульному владельцу; 2) сообщить в полицию или орган местного самоуправления при неизвестности личности титульного владельца или его места пребывания; 3) хранить вещь до передачи титульному владельцу; 4) отвечать за утрату или повреждение в случае умысла или грубой неосторожности, но в пределах стоимости вещи (п. 4 ст. 227 ГК РФ).

По справедливому мнению В. И. Казанцева, чтобы считаться находчиком, лицо должно не просто найти вещь, но и взять ее себе [2]. Действительно, только такое действие порождает права и обязанности, поскольку из ст. 227 ГК РФ находчик обязан далее передать вещь титульному владельцу, в полицию и т. д., иначе он теряет право на вознаграждение. Аналогичным будет ответ в случае, если лицо обнаружило вещь, подпадающую под признаки находки, но не взяло ее себе, а только сообщило в полицию и т. д.

По нашему мнению, из буквального смысла содержания п. 1 ст. 227 ГК РФ не следует обязанность находчика по принятию самостоятельных мер к розыску титульного владельца за исключением некоторых случаев, когда, например, находчик видел, что вещь уронил конкретный человек или обоснованно это предполагает. На наш взгляд, отсутствие прямой обязанности по розыску титульного владельца (например, путем объявления об обнаружении вещи) является пробелом в законе, требующим устранения. Найдчик может лишь передать вещь в полицию или орган местного самоуправления. Однако самостоятельно принимаемые меры к розыску (через знакомых лиц, СМИ, социальные сети и т. д.) законом не запрещены, и находчик вправе рассчитывать на возмещение произведенных расходов (п. 1 ст. 229 ГК РФ).

С другой стороны, в ГК РФ нормы института находки не обязывают и титульного владельца принимать меры по поиску потерянной вещи. Поиск титульным владельцем потерянной вещи обусловлен другими нормами института права собственности, например, несением бремени содержания имущества (ст. 209 ГК РФ), регистрацией имущества (транспортных средств и т. д.) в уполномоченных государственных органах. Например, утеря вещей, обладающих опасными свойствами, стимулирует титульного владельца к их поиску в силу возможной перспективы привлечения его к ответственности.

Закон предусматривает для находчика право хранить вещь у себя или передать на

хранение в уполномоченный орган – в полицию или орган местного самоуправления (п. 3 ст. 227 ГК РФ).

При всей кажущейся схожести первой и второй групп отношений представляется, что знак равенства между ними ставить все же не стоит. Дело в том, что правомочия титульного владельца могут быть представлены в меньшем объеме по сравнению с правомочиями собственника. Например, арендатор может обладать только правом пользования, но не владением вещи, и право истребования вещи может принадлежать ее собственнику. Следовательно, правом истребования вещи обладают лица, уполномоченные на ее получение собственником. В случае отказа возвратить найденную вещь титульный владелец вправе заявить виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ).

При рассмотрении третьего и четвертого правоотношений следует обратить внимание на причину включения законодателем полиции в число субъектов, участвующих в правоотношениях по находке.

Полиция входит в состав органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ)¹. ОВД РФ участвует в гражданских правоотношениях в форме учреждений. При этом юридические лица ОВД РФ участвуют в таких правоотношениях наравне с другими субъектами гражданского права. Необходимость участия ОВД РФ в гражданских правоотношениях обусловлена требованиями действующего законодательства Россий-

ской Федерации: Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 8, ч.ч. 1–3 ст. 35)², ГК РФ (гл. 4–5 и др.), Федерального закона «О полиции» (п. 38 ст. 12)³, приказом МВД России от 16 ноября 2012 г. № 1040 «Об утверждении Порядка обеспечения сохранности найденных и сданных в органы внутренних дел Российской Федерации документов, вещей, кладов, ценностей и другого имущества, их возврата законным владельцам либо передачи в соответствующие государственные или муниципальные органы» (далее – Приказ № 1040)⁴.

ОВД РФ участвуют в различных вещных и обязательственных правоотношениях. Участие ОВД РФ в правоотношениях, связанных с находкой, согласно ст. 227, 228 ГК РФ, обусловлено правоохранительной направленностью деятельности ОВД и широким кругом возможностей (наличие помещений, круглосуточный режим работы, отсутствие заинтересованности в присвоении найденных вещей, использование властных полномочий в случае посягательства на находки, находящиеся на хранении в ОВД, применение мер юридической ответственности за вмешательство в законную деятельность ОВД).

Представляется, что ОВД РФ включены законодателем в правоотношения по находке в качестве исключения именно благодаря наличию властных полномочий. Дело в том, что в «обычных» договорных правоотношениях ОВД выступают в качестве равноправ-

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 17.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.08.2023).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.08.2023).

³ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁴ Об утверждении Порядка обеспечения сохранности найденных и сданных в органы внутренних дел Российской Федерации документов, вещей, кладов, ценностей и другого имущества, их возврата законным владельцам либо передачи в соответствующие государственные или муниципальные органы: приказ МВД России от 16 ноября 2012 г. № 1040 (ред. от 25 января 2021 г.) // Российская газета. 2013. № 71.

ного субъекта, т. е. без применения властных полномочий.

Правоотношения между находчиком и полицией или органом местного самоуправления, которым находчик сдает на хранение найденную вещь или которым оно заявляет о задержании безнадзорного (пригульного) скота, регулируется в рамках двух направлений.

В рамках первого направления охватываются правовые отношения между находчиком и ОВД РФ. Они регулируются Приказом № 1040, действующим на всей территории Российской Федерации и устанавливающим единую административную процедуру принятия найденных вещей, документов, иного имущества.

Суть данного приказа сводится к следующему. Оперативный дежурный территориального органа МВД России получает заявление (рапорт) от находчика с описанием предмета находки и выдает копию заявления (рапорта) находчику. Далее находка описывается, фотографируется, проверяется по учетам похищенных предметов и документов. Информация о находке докладывается руководству территориального органа МВД России, которое принимает решение об организации установления законного владельца. Хранение вещей осуществляется в условиях, обеспечивающих их сохранность. При этом использование находок запрещается.

В Приказе № 1040, на наш взгляд, имеются пробелы правового регулирования. Во-первых, сотрудники полиции обязаны принимать от граждан найденные вещи и документы и передавать их оперативному дежурному с указанием в рапорте информации о находчике и обстоятельствах обнаружения вещи (п. 3). В Приказе № 1040 не указано о расписке или иной информации о получении сотрудником полиции находки от находчика и сроках передачи находки оперативному дежурному. Находчику должны предоставить копию рапорта сотрудника

полиции после передачи находки оперативному дежурному территориальному органу МВД России (п. 5.1). Получается, что в случае утери находки сотрудником полиции, которому передал вещь находчик, последний утрачивает право на приобретение в собственность находки в виде вещи согласно п. 1 ст. 228 ГК РФ.

Во-вторых, оперативный дежурный обязан организовать фотографирование только вещей, отнесенных к культурным ценностям (п. 5.2). Полагаем, что следует фотографировать все вещи, сдаваемые в полицию. Дело в том, что в случае утери вещи, имеющей денежную оценку и сданную в полицию, неизбежно возникнет вопрос о возмещении ее стоимости. Кроме того, фотографии вещей могут представлять интерес при расследовании органами внутренних дел и иными правоохранительными органами преступлений.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что полиция участвует в правоотношениях, связанных с находкой не в силу гражданско-правового договора, а в силу закона.

Бывают ситуации, когда сотрудники полиции при исполнении служебных обязанностей, например, патрулировании территории, могут обнаружить потерянные вещи. Возникает вопрос о возможности распространения действия норм о находке на сотрудника в случае обнаружения им утерянных вещей. Считаем, что ситуация, когда находку обнаруживает сотрудник полиции при исполнении служебных обязанностей, не позволяет ему воспользоваться правом на находку. В этом случае следует руководствоваться по аналогии п. 3 ст. 233 ГК РФ.

Второе направление охватывает правоотношения между находчиком и органом местного самоуправления, которое согласно ст. 7 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ самостоятельно вправе принимать нормативные акты, в т. ч. по

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Российская газета. 08.10.2003. № 202.

вопросу находки, например, в виде Порядка принятия найденных вещей в муниципальную собственность¹.

В нормативных актах органов местного самоуправления нередко предусматривается возможность размещения информационных сообщений о находке в районных газетах и на сайтах администраций муниципальных районов. Представляется, что подобные меры, направленные на обнаружение титульного владельца потерянной вещи, недостаточны.

Полагаем, что в современных условиях информатизации общества следует создавать специальные сайты на уровне района, субъекта Российской Федерации, содержащие систематизированную информацию о находке. Причем информацию о находке администраторам этих сайтов должны подавать не только находчики, но и ОВД РФ, и органы местного самоуправления.

На наш взгляд, целесообразно разработать типовое положение, которое может послужить качественной основой для разработки нормативных актов органами местного самоуправления по вопросам находки с включением требований к сайтам, посвященным ей. Вопрос требует дополнительной проработки (местный, региональный, федеральный уровень действия сайта, критерии к размещаемой информации, администратор сайта, вопросы финансирования сайта и т. д.).

Полагаем, что специальные сайты находок позволят быстрее находить титульных

владельцев потерянных вещей. Имеющиеся на данный момент многочисленные сайты не отвечают многим требованиям². Вернуть потерянные вещи при наличии имеющихся сайтов смогли «20 % пользователей сайта столнаходок.рф»³.

Представляется дополнить ст. 227 ГК РФ нормой о возложении обязанности на находчика дополнительно к сообщению в полицию или орган местного самоуправления размещать информацию о находке (в случае нахождения находки у находчика) в течение трех дней со дня обнаружения на специальном официальном сайте (сайтах). Следует закрепить правовые последствия неисполнения этой обязанности находчиком в виде невозможности приобретения права собственности на находку согласно п. 1 ст. 228 ГК РФ. В случае хранения вещи в полиции, органе местного самоуправления или у указанного ими лица, на них переходит обязанность по размещению информации на сайте.

В рамках шестого правоотношения отметим, что фигура продавца возможна лишь в случае, когда находчик будет лишен возможности реализовать вещь самостоятельно по различным причинам (необходимость наличия лицензии, торгового места, статуса юридического лица и т. д.).

Данное правоотношение между находчиком и продавцом, на наш взгляд, будет в рамках договора комиссии (ст. 990 ГК РФ⁴). Находчик будет управомоченным лицом в силу закона и выступать в роли комитента. Полагаем, что вопрос доказывания права на

¹ Об утверждении Порядка принятия найденных вещей в муниципальную собственность Бабушкинского муниципального района: постановление администрации Бабушкинского муниципального района Вологодской области // Официальный сайт администрации Бабушкинского муниципального района Вологодской области. URL: <https://admbabush.ru/images/poryad.pdf> (дата обращения: 21.08.2023); Об утверждении порядка принятия найденных вещей в муниципальную собственность: постановление администрации муниципального образования г. Салехард от 5 июня 2020 г. № 1355 <https://docs.cntd.ru/document/570798380> // Информационная система «Кодекс» (дата обращения: 25.08.2023).

² Найдены потерянные вещи. Потерянные вещи в городе Уфе // Пона.рф: Бюро находок. Федеральный портал находок. URL: <https://bpona1.ru/ufa/personal-things> (дата обращения: 21.08.2023)

³ Стол Находок – статистика за последние 3 года // Стол Находок: официальный сайт. URL: <http://столнаходок.рф/статистика> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

реализацию вещи может быть решен после обращения в полицию или орган местного самоуправления с заявлением о находке. В качестве предмета договора могут выступать любые объекты гражданского права с учетом требований оборотоспособности вещей. Конструкция договора комиссии предполагает уплату комитентом комиссионеру (продавцу) комиссионного вознаграждения (ст. 991 ГК РФ), которое по смыслу закона будет входить в перечень расходов, подлежащих возмещению управомоченным на получение вещи лицом (п. 1 ст. 229 ГК РФ).

Вместе с тем в рамках рассматриваемого правоотношения возникают следующие вопросы. Во-первых, вправе ли находчик уплатить комиссионное вознаграждение за счет денежной суммы, вырученной от продажи скоропортящейся вещи или вещи, расходы по хранению которой весьма велики по сравнению с ее стоимостью. Во-вторых, какова дальнейшая судьба вырученной денежной суммы в случае неявки титульного владельца вещи.

Отвечая на первый вопрос, полагаем, что находчик вправе поступить таким образом, исходя из требований п.п. 1, 5 ст. 10, п. 1 ст. 991 ГК РФ.

Ответ на второй вопрос связан со ст. 228 ГК РФ, предусматривающей приобретение права собственности на находку по истечении шести месяцев с момента заявления о

находке в полицию или орган местного самоуправления, если титульный владелец не будет установлен или сам не заявит о своем праве находчику либо в полицию, либо в орган местного самоуправления. Однако в данной статье речь идет о находке в виде первоначальной вещи, а не денежной суммы, вырученной от ее продажи. Полагаем, что в п. 1 ст. 228 ГК РФ законодателю следует включить упоминание о денежной сумме, вырученной от продажи найденной вещи по основаниям, указанным в абз. 2 п. 3 ст. 227 ГК РФ, и предоставить право находчику обратителю право собственности на нее.

Некоторые правоотношения, связанные с находкой, характеризуются усилением властных, административных начал. К ним можно отнести правоотношения между находчиком и полицией (органом местного самоуправления), между полицией и лицом, которому передается вещь на хранение, между полицией и органом местного самоуправления, которому передается вещь в собственность (при неявке титульного владельца находки в течение шести месяцев со дня обнаружения, отказе находчика от находки по истечении указанного шестимесячного срока).

Таким образом, в связи с находкой возникают различные правоотношения. Большая часть из них являются гражданско-правовыми отношениями на основании норм, закрепленных в ГК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.

2. Казанцев В. И. Находка по российскому гражданскому законодательству (алогизмы, пробелы и противоречия) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.08.2023)

REFERENCES

1. Russian Civil Law: textbook: in 2 volumes / V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova, etc.; ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M.: Statute, 2011. Vol. 1. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights. 958 p. (In Russ.)

2. Kazantsev V. I. Findings on Russian civil legislation (alogisms, gaps and contradictions) // Access from the reference legal system "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 21.08.2023). (In Russ.)

Информация об авторах:

Р. Х. Галиуллина, кандидат исторических наук, доцент;

Р. Ю. Улимаев, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

R. Kh. Galiullina, Candidate of History, Associate Professor;

R. Yu. Ulimayev, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 07.09.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 07.09.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья

УДК 346.34:037:339.186:004(470)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОПЫТА УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Эльдар Харисович Рахимов¹, Салават Фаритович Исламгулов²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

² Управление Федеральной антимонопольной службы
по Республике Башкортостан, Уфа, Россия

¹erakhimov3@mvd.ru, ²salavat6766@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме, возникающей при осуществлении закупок конкурентными способами, при подтверждении соответствия участников закупок дополнительным требованиям, установленным заказчиками согласно законодательству Российской Федерации о контрактной системе. В практике правоприменения отмечаются факты представления участниками закупок документов (в частности договоров), имеющих признаки фиктивности. При этом у комиссии заказчика по осуществлению закупок не имеется достаточного времени, а также правовых средств для документального подтверждения этих фактов, что влечет принятие заведомо незаконных решений о допуске участника к закупке. Сделан вывод о необходимости оптимизации правового механизма подтверждения участниками закупок соответствия дополнительным требованиям. Авторами сформулированы соответствующие предложения.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, дополнительные требования, электронный аукцион, фиктивный договор.

Для цитирования: Рахимов Э. Х., Исламгулов С. Ф. Проблемные вопросы подтверждения опыта участников государственных закупок // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 80–85.

Original article

PROBLEM ISSUES OF CONFIRMING THE EXPERIENCE OF PARTICIPANTS IN PUBLIC PROCUREMENT

Eldar Kh. Rakhimov¹, Salavat F. Islamgulov²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

² Office of the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

¹erakhimov3@mvd.ru, ²salavat6766@yandex.ru

Abstract. The article identifies a problem that arises when purchasing by competitive methods, when confirming the compliance of procurement participants with additional requirements established by customers in accordance with the legislation of the Russian Federation on the contract system. In the practice of law enforcement, there are facts of submission by procurement participants of documents (in particular contracts) that have signs of fictitiousness. At the same time, the commission of the customer for the procurement does not have enough time, as well as legal means to document these facts, which entails the adoption of deliberately illegal decisions on the admission of the participant to the procurement. It is concluded that it is necessary to optimize the legal mechanism for confirmation by procurement participants of compliance with additional requirements, and appropriate proposals are formulated.

Keywords: contract system, public procurement, additional requirements, electronic auction, fictitious contract.

For citation: Rakhimov E. Kh., Islamgulov S. F. Problem issues of confirming the experience of participants in public procurement // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 80–85.

В теории и практике конкурентных закупок является актуальным вопрос об установлении требований к участникам закупок как исключение из базового принципа обеспечения конкуренции.

В системе государственных закупок, где конкурентные способы осуществления закупок являются преобладающими, требования к их участникам менялись на всем протяжении развития соответствующего законодательства. Ограничения сменялись этапами почти полной свободы доступа к госзаказу, затем следовали периоды возвращения к элементам ограничений, которые относятся к процедуре предквалификации участников закупок. В настоящее время Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон о контрактной системе, Закон № 44-ФЗ) предусмотрены «универсальная предквалификация» (при НМЦК более 20 млн руб.) и «специальная предквалификация».

Наиболее ярким примером возрождения процедуры специальной предквалификации является принятие Правительством Российской Федерации постановления от 29 декабря 2021 г. № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации»² (далее – Постановление № 2571) в соответствии с обновленной редакцией части 2 статьи 31 Закона № 44-ФЗ.

Требования к участникам закупок сформулированы в статье 31 Закона о контрактной системе. При этом выделяются единые

требования к участникам закупок, требование об отсутствии в реестре недобросовестных поставщиков, а также дополнительные требования к участникам закупок отдельных видов товаров, работ, услуг, участникам отдельных видов закупок.

Как отмечено ранее, дополнительные требования к участникам закупок в соответствии с частями 2 и 2.1 статьи 31 Закона № 44-ФЗ установлены Правительством Российской Федерации в Постановлении № 2571, в том числе требования к наличию:

- 1) финансовых ресурсов для исполнения контракта;
- 2) на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов для исполнения контракта;
- 3) опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации;
- 4) необходимого количества специалистов и иных работников определенного уровня квалификации для исполнения контракта.

Следует отметить, что вопросы соблюдения требований законодательства о контрактной системе оправданно находятся во внимании научных исследований [1, с. 3]. В рамках настоящей работы сделан акцент на дополнительных требованиях к наличию опыта работы, связанного с предметом контракта.

В соответствии с абзацем 1 подпункта «б» пункта 3 Постановления № 2571 опытом исполнения договора, предусмотренным приложением в графе «Дополнительные требования к участникам закупки», считается с учетом положений настоящего пункта опыт исполнения участником закупки договора, предметом которого являются поставка одного или нескольких товаров, выполнение одной или нескольких работ, оказание одной или нескольких

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

² О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2571 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

услуг, указанных в приложении в соответствующей позиции в графе «Дополнительные требования к участникам закупки».

Возникают вопросы. Каким критериям должен отвечать обозначенный договор? Подтверждаемый опыт должен быть именно по государственным закупкам или рассматривается любой опыт выполнения работ? Подходят ли по этому критерию любые исполненные гражданско-правовые договоры или только договоры (контракты), исполненные в соответствии с Законом № 44-ФЗ и Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ). Текущей редакцией Постановления № 2571 данные критерии дифференцированы в зависимости от объекта закупки, указанной в приложении к данному постановлению. По умолчанию допускаются любые гражданско-правовые договоры, отвечающие требованиям Постановления № 2571. В то же время договором, предусмотренным пунктом 1 позиции 2, пунктом 1 позиции 9, пунктом 1 позиции 10, пунктом 1 позиции 11, пунктом 1 позиции 12, позицией 14, пунктами 1 и 2 позиции 15, пунктом 2 позиции 17, пунктами 1 и 2 позиции 18, позициями 32–36, пунктом 1 позиции 37, пунктом 1 позиции 39, позициями 40 и 41 приложения в графе «Дополнительные требования к участникам закупки», считается контракт, заключенный и исполненный в соответствии с Законом о контрактной системе, либо договор, заключенный и исполненный в соответствии с Законом № 223-ФЗ.

Таким образом, при закупке, например, строительных работ, договорами, подтверждающими опыт, являются любые гражданско-правовые договоры.

Условно разделим договоры, представляемые участниками, на:

- 1) договоры (контракты) по государственным закупкам;
- 2) договоры, исполненные не в рамках государственных закупок.

Договоры (контракты), исполненные в рамках государственных закупок, размещены в Единой информационной системе в сфере

закупок, полностью прозрачны и позволяют комиссии по осуществлению закупок проверить представленные договоры в рамках подтверждения опыта на достоверность.

Проблемы возникают во втором случае, когда представляются договоры, исполненные не в рамках государственных закупок. Приведем некоторые примеры. Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Башкортостан (далее – УФАС по РБ) рассматривалась жалоба ООО «Шахтастрой» на действия комиссии Уполномоченного органа в лице Государственного комитета Республики Башкортостан по конкурентной политике при определении поставщика путем проведения закупки (№ извещения 0101500000323000007 «Выполнение работ по объекту «Ликвидация несанкционированной свалки в черте городского округа город Кумертау Республики Башкортостан» (национальный проект «Экология»)). В рамках внеплановой проверки установлено, что в составе заявки на участие в качестве документов, подтверждающих соответствие участника закупки дополнительным требованиям, установленным постановлением Правительства № 2571, представлен договор от 13 августа 2021 года № 132, предмет договора – «Ликвидация несанкционированной свалки отходов на территории Пушкинского района Санкт-Петербурга, расположенного по адресу: п. Шушары, линия ЛРТ, участок 78, (между Автозаводским проездом и Софийской улицей, 1 этап)».

Комиссия УФАС по РБ установила, что в указанном договоре Заказчиком является Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие «Центр». Башкортостанским УФАС России направлен запрос в Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие «Центр» с целью подтверждения/опровержения факта заключения контракта.

Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие «Центр» направило ответ, в котором указано, что СПБ ГУДП «Центр» не заключало договоры с ООО «СМ-Строй». Участником закупки ООО «СМ-Строй» представлен в качестве подтверждения

опыта договор № 3740/1 от 7 октября 2021 г. на рекультивацию полигона ТБО «Царево».

На заседании комиссии УФАС по РБ было установлено, что исполнителем по закупке № 3503807939019000026 на оказание услуг по рекультивации полигона ТКО «Царево» (Пушкинский район, Московская область) являлось Акционерное общество «Группа компаний “ЕКС”», ИНН 5012000639, что подтверждается информацией, размещенной на сайте ЕИС, также было установлено, что субподрядной организацией по данному договору являлось ООО «ГЕОСИНТЕТИКА», а поставщиком – ЗАО «ТЕХПОЛИМЕР»¹. Аналогичные примеры отмечены в решениях УФАС по РБ № ТО002/06/106-315/2023, № ТО002/06/106-312/2023, № ТО002/06/106-338/2023 и др.

Возникает справедливый вопрос, каким образом следует квалифицировать подобные действия участников закупок. Несомненно, наличие в заявке недостоверных сведений свидетельствует о нарушении участником закупки требований Закона о контрактной системе и Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² (далее – Закон о защите конкуренции). Важна и предполагаемая цель таких действий участника закупки – получение необоснованных преимуществ перед иными хозяйствующими субъектами, потенциально претендовавшими на заключение контракта.

Закон о защите конкуренции признает недобросовестной конкуренцией любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности и противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям

добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам (конкурентам), либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации (пункт 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции).

Нормы законодательства о защите конкуренции не допускают как прямо предусмотренные законом формы недобросовестной конкуренции, например, путем дискредитации, введения в заблуждение, так и иные ее формы.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) также защищают экономические отношения от негативного воздействия недобросовестной конкуренции. В частности, в соответствии со статьей 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

В случае, если злоупотребление правом выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью, применяются последствия, предусмотренные пунктом 2 статьи 10 ГК РФ, поскольку иные последствия таких действий не установлены ГК РФ. Установление судом указанных фактов при заключении государственных контрактов повлечет признание сделки недействительной, что значительно увеличивает риски срыва государственного заказа.

Специальные нормы о защите добросовестных участников экономического обо-

¹ Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Башкортостан от 3 июня 2022 г. № ТО002/06/105-996/2022 // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/76517426> (дата обращения: 13.02.2023).

² О защите конкуренции: федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

рота предусмотрены законодательством о контрактной системе. В частности, в статье 8 Закона о контрактной системе указана одна из целей правового регулирования отношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд – направленность контрактной системы в сфере закупок на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок.

При этом конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок, операторами электронных площадок, операторами специализированных электронных площадок любых действий, которые противоречат требованиям Закона о контрактной системе, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности, к необоснованному ограничению числа участников закупок.

Указанные выводы соответствуют вектору правоприменительной практики. В частности, Верховным Судом Российской Федерации в пункте 11 обзора судебной практики, утвержденной Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2018 года, выражена идентичная позиция¹. Предоставление участником закупки заведомо недостоверных сведений, которые позволили ему одержать победу в проводимой закупке, является актом недобросовестной конкуренции. Нарушив нормы Закона о защите конкуренции вследствие своего недобросовестного поведения, участник за-

купки, действуя осознанно в обход действующего законодательства и используя несуществующий договор, предоставляет заведомо недостоверные сведения с целью осуществления участия в закупке.

Пунктом 9.2. Письма ФАС России от 24 декабря 2015 г. № ИА/74666/15 «О применении “четвертого антимонопольного пакета”»² установлено, что статьей 14.2 Закона о защите конкуренции установлен запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение, при этом запрещается вводить в заблуждение любых лиц (потребителей, контрагентов, конкурентов). Введение в заблуждение является следствием распространения не негативной информации, как в дискредитации, а позитивной (как в приведенном выше примере о наличии опыта выполнения работ), и ее содержание касается деятельности самого распространителя и (или) его товара. Однако, как в том, так и в рассматриваемом случае, распространяемая информация для признания действий актом недобросовестной конкуренции должна не должна соответствовать действительности.

Как отмечалось ранее, факты предоставления участниками закупок недостоверных сведений в части подтверждения опыта не являются единичными, а носят массовый характер. Причиной данной ситуации является, по нашему мнению, тот факт, что на этапе рассмотрения заявки комиссия по осуществлению закупок не имеет достаточных временных и административных ресурсов для проверки представленных документов (гражданско-правовых договоров) на достоверность, чем пользуются недобросовестные участники закупок. Так, для подведения итогов электронного аукциона комиссии отводится не более двух рабочих дней, соответственно, получить информацию по официальному запросу в такие короткие сроки

¹ Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 мая 2018 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

² О применении «четвертого антимонопольного пакета»: письмо Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № ИА/74666/15 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

практически невозможно, что формирует предпосылки для появления дополнительных рисков. Используя научную классификацию, данные риски необходимо относить к правовым рискам, возникающим на стадии осуществления закупки [2, с. 47].

Достаточно ли существующего правового механизма обеспечения защиты публичного интереса от недобросовестного поведения участников закупок? С учетом важнейшей социальной значимости бесперебойного исполнения государственных заказов, сложившейся правоприменительной практики, очевидно, требуется оптимизация данного механизма. Доступ к государственным контрактам должен быть обеспечен на условиях конкуренции для добросовестных участников закупок, профессионалов, ответственных, прежде всего, за результат выполнения государственного заказа.

Для исправления этой ситуации, по нашему мнению, необходимо распространить требования о подтверждении опыта договорами в рамках Закона № 44-ФЗ и Закона № 223-ФЗ на все случаи закупок, где требуется установить дополнительные требования о подтверждении опыта. Для этого предлагается изложить абзац 5 подпункта «б» пункта 3 Постановления № 2571 в следующей редакции:

«договором, подтверждающим соответствие участников закупки дополнительным требованиям, связанным с наличием у участника закупки опыта работы, связанного с предметом контракта, считается контракт, заключенный и исполненный в соответствии с Законом о контрактной системе, либо договор, заключенный и исполненный в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белова С. Н. Несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок // Экономическая безопасность: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 3.
2. Самолысов П. В. Экономические и правовые риски в сфере закупок для нужд органов внутренних дел Российской Федерации / П. В. Самолысов, А. А. Цвилий-Букланова, С. Н. Белова // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 47.

REFERENCES

1. Belova S. N. Non-compliance with mandatory requirements of legislation on the contract system in the field of procurement // Economic security: current issues of theory and practice: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow, 2023. P. 3. (In Russ.)
2. Samolysov P. V. Economic and legal risks in the field of procurement for the needs of internal affairs bodies of the Russian Federation / P. V. Samolysov, A. A. Tsviliy-Buklanova, S. N. Belova // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (66). P. 47. (In Russ.)

Информация об авторах:

Э. Х. Рахимов, кандидат юридических наук, доцент;
С. Ф. Исламгулов, без ученой степени.

Information about the authors:

E. Kh. Rakhimov, Candidate of Law, Associate Professor;
S. F. Islamgulov, without an academic degree.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 343.34:004.056.5(470)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 274.1 УК РФ)

Андемиркан Борисович Абазов¹, Тимур Аликович Файрушин²

¹Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия

²Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ and-abazov@yandex.ru, ² fta200483@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье авторами дается уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации).

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, компьютерная атака, несанкционированный доступ, распространение вредоносного программного обеспечения, обеспечение безопасности, уголовная ответственность.

Для цитирования: Абазов А. Б., Файрушин Т. А. К вопросу об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 86–92.

Original article

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR UNLAWFUL INFLUENCE ON THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION (ARTICLE 274.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Andemirkan B. Abazov¹, Timur A. Fayrushin²

¹North Caucasian Institute of Advanced Training (Branch) of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russia

²Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ and-abazov@yandex.ru, ² fta200483@mail.ru

Abstract. In this article, the authors provide a criminal legal description of the crime provided for in Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation).

Keywords: critical information infrastructure, computer attack, unauthorized access, distribution of malicious software, security, criminal liability.

For citation: Abazov A. B., Fayrushin T. A. On the issue of criminal liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 86–92.

Постепенный переход общества к цифровой экономике сопровождается возраста-

ющей ролью информационных технологий, которые находят отражение в развитии са-

мых разных сфер деятельности. Наибольший интерес с этой точки зрения вызывает их применение на объектах, которые относятся к критической информационной инфраструктуре (далее – КИИ).

Для создания стабильно действующей системы КИИ предпринят комплекс соответствующих мер. Так, чтобы обеспечить ее безопасное и полноценное функционирование с защитой от компьютерных атак, был принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ¹, в котором содержится определение понятия КИИ. В соответствии с ч. 6 ст. 2 указанного закона под КИИ следует понимать объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов.

Сфера эксплуатации объектов КИИ весьма обширна, они используются в следующих направлениях:

- медицина и здравоохранение;
- наука и техника;
- транспорт;
- связь;
- финансы и экономика;
- атомная энергетика;
- оборонная промышленность;
- ракетостроение;
- горнодобывающая отрасль;
- металлургия;
- химическое производство.

В Российской Федерации последние годы отмечается существенный рост преступлений в сфере компьютерной информации и деяний, совершенных с использованием информационных технологий. Так, например, если в 2018 г. было зафиксировано 174 674 преступления в сфере IT-технологий, то в 2022 г. – 522 065 подобных преступлений, что составило 26,5 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Из этого

числа в 2018 г. было выявлено 2 500 преступлений в сфере компьютерной информации (далее – компьютерных преступлений), в 2019 г. – 2 883 компьютерных преступления, в 2020 г. – 4 498 компьютерных преступлений, в 2021 г. – 6 869 компьютерных преступлений, в 2022 г. зафиксировано 10 027 преступлений данного вида. Как видим, в 2022 г. отмечается рост на 46 % в сравнении с 2021 г. При этом одним из вышеуказанных видов преступных деяний, где отмечается значительная динамика роста, выступает неправомерное воздействие на КИИ Российской Федерации, ответственность за которое предусмотрена ст. 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В частности, если в 2018–2019 гг. преступления данного вида не регистрировались, в 2020 г. зафиксировано 22 преступления, в 2021 г. – 159 преступных деяний, то уже в 2022 г. отмечено совершение 519 деяний (рост на 226,4 % в сравнении с 2021 г.) [1].

Таким образом, повышенное значение объектов КИИ обусловлено тем фактом, что нарушение их стабильного функционирования способно стать причиной серьезных последствий. Компьютерная атака при ее правильном планировании и реализации может на 100 % остановить работу государственной КИИ, что приведет к катастрофе в общественной, экономической или финансовой сфере. В рамках противодействия противоправным деяниям подобного рода был принят Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который дополнил УК РФ ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

Федерации»¹. Указанная статья была включена в гл. 28 раздела «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» обращает внимание судов на то, что преступления, предусмотренные статьей 274 УК РФ, признаются оконченными, когда указанные в ч. 1. ст. 274 деяния повлекли наступление одного или нескольких общественно опасных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования такой информации, а также в виде причинения крупного ущерба. Кроме того, следует учитывать, что использование вредоносных компьютерных программ для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (в том числе в случае, когда осуществляется распространение этих программ на объекты критической информационной инфраструктуры исключительно для их последующего использования) полностью охватывается ч. 2 статьи 274.1 УК РФ².

В статье 274.1 УК РФ закреплено три самостоятельных состава преступления, являющихся специальными по отношению к составам преступлений, закрепленных в ст.ст. 272–274 УК РФ: создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на крити-

ческую информационную инфраструктуру Российской Федерации, в том числе для уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации, содержащейся в ней, или нейтрализации средств защиты указанной информации (специальный состав по отношению к преступлению, предусмотренному ст. 273 УК РФ). Неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, в том числе с использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, или иных вредоносных компьютерных программ, если он повлек причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (специальный состав по отношению к преступлению, предусмотренному ст. 272 УК РФ).

Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, или информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи, относящихся к критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, либо правил доступа к указанным информации, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям, автоматизированным системам управления, сетям электросвязи, если оно повлекло причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (специальный состав по

¹ О Внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

отношению к преступлению, предусмотренному ст. 274 УК РФ).

Родовым объектом рассматриваемого преступления выступает общественная безопасность, видовым объектом – общественные отношения по поводу обеспечения конфиденциальности, доступности компьютерной информации, сохранности средств, используемых для ее обработки.

Предмет преступления – компьютерная информация (ст.ст. 272, 273 УК РФ), т. е. сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, содержащихся в информационных системах, средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети и окончное оборудование (ст. 274 УК РФ), а также технические средства противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории России сети Интернет и сети связи общего пользования.

В качестве непосредственного объекта рассматриваемого деяния выступают общественные отношения, связанные с обеспечением целостного состава и сохранности компьютерных данных; в случае с рассматриваемым преступлением объект будет другим¹. С учетом того, что функционирование объектов КИИ возможно в разнообразных отраслях, исследователи предлагают несколько подходов к определению того, что может выступать в роли объекта противоправного посягательства. Предполагается, что в качестве последнего могут выступать правоотношения, нацеленные на соблюдение безопасности КИИ как комплекса объектов повышенной государственной значимости.

В качестве предмета анализируемой преступной деятельности может рассматриваться компьютерная информация, входящая в состав КИИ, а также средства, предназначенные для

ее хранения, обработки и распространения. К этому же списку относятся инфосистемы, телекоммуникационное оборудование, средства автоматизации сети и компоненты электросвязи, которые можно классифицировать как часть КИИ государства. Часть 1 ст. 274.1 УК РФ обозначает наступление уголовной ответственности за разработку, передачу, применение компьютерного программного обеспечения и других компьютерных данных, созданных специально для несанкционированного влияния на объекты КИИ².

Указание на заведомо противоправное назначение подобных программ и информации приводит к появлению вопроса о том, как может быть квалифицировано уже имеющееся программное обеспечение, которое предназначено для противоправного уничтожения, блокировки, изменения или копирования информации, а также принудительной остановки инструментов по защите компьютерных данных при влиянии на объекты КИИ. Законодатель не указывает на принципиальную разницу таких программ, но анализ накопленной судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что преступники применяют вредоносное программное обеспечение, созданное не только с прямой целью нанести ущерб структуре КИИ, но и различные инструменты, разработанные для иных задач. Состав преступления по конструкции носит формальный характер, из чего следует, что преступное деяние считается совершенным с момента разработки, передачи или применения подобных программ вне зависимости от результата [2; 3].

Часть 2 ст. 274.1 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, в том числе с использованием компьютерных

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

² Там же.

программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, или иных вредоносных компьютерных программ, если он повлек причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации¹. Это позволяет прийти к выводу о том, что состав преступления носит материальный характер.

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что данные опасения не лишены смысла. В некоторых случаях судебные органы не уделяют внимания характеру нанесенного ущерба, и в приговоре используются обобщенные формулировки. Размытая трактовка причиненного вреда позволяет отнести к противоправным действиям любое деяние, сопровождающееся или выраженное в получении неправомерного доступа к защищенным данным. Предполагается, что относительно изучаемой нормы требуется рассматривать именно причинение материального ущерба, поскольку причинение физического вреда в отношении КИИ требует квалифицировать его по другим статьям УК РФ, например, как преступления против собственности. Что касается субъективной стороны, то деяние, предусмотренное в ч. 1 ст. 274.1, может быть охарактеризовано лишь наличием прямого умысла, а преступления по ч. 2 ст. 274 могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. В качестве субъекта рассматривается вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет².

Часть 3 ст. 274.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, об-

работки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, или информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи, относящихся к критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, либо правил доступа к указанным информации, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям, автоматизированным системам управления, сетям электросвязи, если оно повлекло причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации. Эти правила не отражены в составе Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187; вместо этого используется понятие требований по созданию безопасных условий для значимых объектов КИИ.

Квалифицирующими признаками неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру являются совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения (ч. 4 ст. 274.1 УК РФ), наступление тяжких последствий (ч. 5 ст. 274.1 УК РФ).

Как было обозначено выше, подобные результаты могут проявиться в любой отрасли, поскольку классификация объектов КИИ построена на категориях, обладающих конкретной важностью для определенной сферы деятельности³. Наступившие послед-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

² Там же.

³ О Внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

ствия могут носить катастрофический характер. Поскольку КИИ выступает в роли связующего элемента между целой группой секторов национальной инфраструктуры, нанесение ущерба одному звену негативно сказывается и на функциональности других направлений. Из этого следует, что тяжкие последствия могут быть выражены в критическом повреждении объектов жизнеобеспечения, оборонной отрасли, а это повлечет серьезный ущерб имущественного характера, может спровоцировать массовые смерти граждан. До дополнения ст. 274.1 УК РФ в узкоспециализированных источниках литературы указывалось на то, что деятельность

преступника в случае совершения противоправного деяния в сфере компьютерных данных, направленного на нарушение безопасности КИИ, квалификация состава должна определяться по совокупности со ст. 205 УК РФ Террористический акт [4; 5].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что ст. 274.1 УК РФ рассматривается как специальная по отношению к ст.ст. 272–274 УК РФ. Дифференциация уголовной ответственности за несанкционированные действия относительно объектов КИИ возможна в том числе в рамках вышеуказанных статей, однако законодатель выбрал другую стратегию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евдокимов К. Н. Вопросы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (по материалам судебной практики) // Российский следователь. 2023. № 5. С. 15–19.
2. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 86–92.
3. Решетников А. Ю., Малыгин И. И. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации: вопросы квалификации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 2 (82). С. 111–117.
4. Монгуш Д. Р. Уголовно-правовой анализ статьи 274.1 УК РФ неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 57–60.
5. Ларина Л. Ю. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 22–25.

REFERENCES

1. Evdokimov K. N. Qualification issues of unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation (based on judicial practice) // Russian investigator. 2023. No. 5. P. 15–19. (In Russ.)
2. Efremova M. A. Criminal liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. No. 4 (50). P. 86–92. (In Russ.)
3. Reshetnikov A. Yu., Malygin I. I. Unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation: qualification issues // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. No. 2 (82). P. 111–117. (In Russ.)
4. Mongush D. R. Criminal legal analysis of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation // Legality and law and order in modern society: collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 57–60. (In Russ.)
5. Larina L. Yu. Criminal liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of Russia // Current issues in the fight against crime. 2017. No. 3. P. 22–25. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. Б. Абазов, кандидат юридических наук;

Т. А. Файрушин, без ученой степени.

Information about the authors:

A. B. Abazov, Candidate of Law;

T. A. Fayrushin, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 343.851.5:343.336:[004.77:316.472.4](470)

ИДЕОЛОГИЯ «КОЛУМБАЙН» И ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ НА ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Анастасия Валерьевна Гамзина

Межмуниципальное управление МВД России «Красноярское»,
Красноярск, Россия, gamzina_anastasia@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с влиянием сети Интернет на распространение идеологии «колумбайн» посредством пропаганды в социальных сетях и подробно освещения событий средствами массовой информации. На основе анализа работ зарубежных и отечественных исследователей определяется ряд практических шагов, направленных против повторения преступлений данного рода в будущем. В частности, предлагается введение обязательной авторизации в социальных сетях и мессенджерах по паспорту и законодательное ограничение информации, распространяемой средствами массовой информации, в том числе и через Интернет, касающейся личности скулшутера и тактики совершенного им нападения.

Ключевые слова: нападения на учебные заведения, «колумбайн», скулшутинг, сеть Интернет, социальные сети, средства массовой информации, «эффект Вертера», оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Гамзина А. В. Идеология «колумбайн» и влияние информационно-телекоммуникационных сетей на ее распространение // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 93–101.

Original article

COLUMBINE IDEOLOGY AND THE INFLUENCE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS ON ITS SPREAD

Anastasia V. Gamzina

Inter-Municipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Krasnoyarskoye”,
Krasnoyarsk, Russia, gamzina_anastasia@bk.ru

Abstract. The article examines some aspects related to the influence of the Internet on the spread of the Columbine ideology through propaganda on social networks and detailed coverage of events by the media. Based on an analysis of the works of foreign and domestic researchers, the author identifies a number of practical steps aimed at preventing of crimes of this type in the future. In particular, the article proposes to introduce mandatory authorization in social networks and instant messengers using a passport, and legislative restriction of information spread by the media, including via the Internet and regarding the identity of the school shooter and the tactics of their attack.

Keywords: attacks on educational institutions, Columbine, school hooting, the Internet, social networks, mass media, “Werther Effect”, operative investigative activities.

For citation: Gamzina A. V. Columbine ideology and the influence of information and telecommunication networks on its spread // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 93–101.

За последние пять лет Российское общество было потрясено серией жестоких напа-

дений на учебные заведения, среди которых массовое убийство в Керченском политех-

© Гамзина А. В., 2023

ническом колледже в октябре 2018 года¹, расстрел учеников Казанской гимназии в мае 2021 года², в сентябре того же года – трагедия в Пермском государственном университете³, и убийства в средней школе Ижевска в сентябре 2022 года⁴. Также необходимо отметить, что за рассматриваемый период в Российской Федерации благодаря эффективным превентивным действиям правоохранительных органов еще большее количество преступлений подобного рода было предотвращено⁵.

Автор поддерживает вывод В. Е. Круковского и И. Н. Мосечкина о том, что произошедшее не является простым совпадением. По мнению исследователей, это подтверждается небольшим временным периодом между событиями, одинаковым выбором объектов агрессии, а также субъектами, обладающими схожими признаками, как уголовно-правовыми, так и криминологическими. Еще одним, если не основным подтверждением, отмечается тот факт, что, по данным прессы, нападавшие состояли в так называемых «колумбайн-сообществах» – группах в социальных сетях, посвященных массовым убийствам в школах [1, с. 204].

Таким образом, возможно утверждать, что основой данных преступлений явилась

идеология «колумбайн». Еще недавно чуждое России, чудовищное по своей сути противоправное деструктивное течение неожиданно получило в нашей стране стремительное развитие.

«Колумбайном» или скулшутингом (англ. school shooting – «школьная стрельба») принято называть инциденты вооруженных нападений внутри образовательных организаций на обучающихся и (или) педагогов, а также иной персонал школы [2, с. 38].

Термин «колумбайн» ведет свое начало от террористического акта, совершенного 20 апреля 1999 года в школе «Колумбайн» (англ. Columbine High School massacre), расположенной в штате Колорадо Соединенных Штатов Америки (далее – США), – нападения двух учащихся старших классов на учеников и сотрудников данного учебного заведения с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 и ранили еще 24 человека, после чего покончили с собой⁶. В зарубежных источниках данный террористический акт часто именуется как «Колумбайнский расстрел» [3].

Трагедия, произошедшая в североамериканской школе, исторически не была первой в череде подобных событий⁷, но именно она имела огромный резонанс во всем мире,

¹ Массовое убийство в керченском колледже // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/sujet/6093/> (дата обращения: 08.01.2023).

² Стрельба в гимназии в Казани – трагедия которая потрясла всех // Первый канал. Новости: сайт. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-05-16/406565-strelba_v_gimnazii_v_kazani_tragediya_kotoraya_potryasla_vseh (дата обращения: 08.01.2023).

³ Трагедия в пермском университете потрясла всю страну // Первый канал. Новости: сайт. URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2021-09-26/413691-tragediya_v_permskom_universitete_potryasla_vsyu_stranu (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ В школе в Ижевске массовое убийство. Объясняем, почему такие трагедии повторяются: Новости общества +1, 26.09.2022 // Об этом сообщает «Рамблер»: сайт. URL: <https://news.rambler.ru/education/49411608-v-shkole-v-izhevskem-massovoe-ubiystvo-obyasnyаем-pochemu-takie-tragedii-povtoryayutsya-novosti-obschestva-1-26-09-2022/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Бортников отчитался о предотвращенных в России «Колумбайнах» // РБК: сайт. URL: https://www.rbc.ru/society/08/02/2022/620249d49a79476f5b5e131d?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=rbc.ru&utm_term=1297077&utm_content=9999857 (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Массовое убийство в школе «Колумбайн» // Википедия: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн» (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Стрельба в школах: от индейцев до Колумбайна // Stone Forest – мужской онлайн-журнал: сайт. URL: <https://stoneforest.ru/event/history/strelba-v-shkolax/> (дата обращения: 08.01.2023).

а само слово «колумбайн» стало нарицательным и теперь применяется ко всем похожим случаям нападений на учебные заведения. Более того, данное жестокое массовое убийство породило целую субкультуру (идеологию), у которой нашлись многочисленные последователи. Преступления, аналогичные случившемуся в США, происходили и, к сожалению, продолжают происходить повсеместно.

Считаем важным отметить, что, рассматривая данное и последующие события, нами умышленно не упоминаются имена террористов, даже в научных целях, во избежание, пусть и гипотетической, возможности популяризации идей данного движения. В данном вопросе автор полностью солидаризируется с позицией ряда исследователей [4, с. 116].

Учитывая относительную новизну данного вида преступлений для Российской Федерации, на сегодняшний день можно констатировать факт ограниченного количества работ отечественных исследователей, посвященных идеологии «колумбайн». Указанное обстоятельство, а также огромная социальная опасность рассматриваемого деструктивного течения, покушающегося на самое ценное для любого общества – жизнь и здоровье детей и подростков, определяют актуальность исследований данного вида преступлений как в общем, так отдельных частных аспектов.

Так или иначе, Интернет присутствовал в идеологии «колумбайн» еще до самой трагедии в североамериканской школе. Основоположники деструктивного течения – двое несовершеннолетних террористов, которые на протяжении нескольких лет до совершения преступления активно излагали свои идеи и взгляды в одной из социальных сетей, где также писали инструкции по изготовлению взрывчатых веществ и составляли списки лиц, которых они планировали убить. Помимо этого, они осуществляли видеозаписи о том, как запасаются оружием и боеприпасами [5, с. 31].

В дальнейшем Интернет также в значительной степени способствовал появлению адептов новоявленной субкультуры. Широкое освещение средствами массовой информации (далее – СМИ) данной трагедии,

личностей и тактики террористов, а в особенности выложенный в сеть в открытый доступ дневник одного из преступников стали основой для развития среди школьников деструктивной идеологии [6, с. 36]. Кроме того, упомянутый дневник стал своеобразным кодексом последователей «колумбайн». При этом некоторые из них стремились воспроизвести «каноническое» убийство вплоть до деталей одежды [7, с. 275] либо хотели стать «круче» своих предшественников, убив большее количество людей [3].

Рассматривая «колумбайн», автор поддерживает суждение В. О. Карпова, утверждающего, что Интернет является основополагающим вспомогательным средством для совершения рассматриваемых преступлений. В нем создаются многочисленные группы, в которых подростки черпают информацию о «героях», которые, ненавидя общество, школу и считая себя вершителями судеб, убивали собственных одноклассников и учителей. Получаемая информация внедряется в неустойчивый, неудовлетворенный жизнью психотип несовершеннолетнего и подталкивает его к совершению преступления [8, с. 444–445]. Иными словами, можно утверждать, что сеть Интернет выступает катализатором развития рассматриваемого деструктивного течения.

Все сказанное выше обуславливает необходимость всестороннего изучения (в числе других) аспекта влияния сети Интернет на распространение идеологии «колумбайн», а также разработку практических мероприятий, направленных на уменьшение количества случаев нападений на учебные заведения в будущем.

Воздействие сети Интернет на распространение идей «колумбайн» можно рассматривать в двух направлениях:

– прямом, выражающемся в созданиях специальных групп, муссирующих тему «колумбайн» через мессенджеры, как в открытом доступе, так и через «Даркнет» (англ. DarkNet – «Темный Интернет») – скрытую сеть, контроль за которой со стороны правоохранительных органов является проблематичным;

– косвенном, выражающемся в распространении СМИ через Интернет информа-

ции о случаях нападений на учебные заведения и личностях скулшутеров.

Рассмотрим данные направления, а также возможные методы противостояния по каждому из них более детально.

Отрицательная тенденция, выразившаяся в «романтизации» скулшутеров у части российского сегмента Интернета, сейчас явно обозначилась. В частности, после теракта в Керчи в социальной сети «ВКонтакте» массово появились посты, превозносящие действия террориста. При этом психолог К. Хломов, считает, что сам факт того, что в соцсетях это событие было представлено как исключительное и привлекающее внимание, способствует распространению информации о том, что скулшутинг как форма проявления себя существует. И для тех подростков, которые испытывали обиду, депрессию, могли подвергаться травле и чувствовали себя отверженными, этот вариант решения проблемы мог показаться подходящим¹.

Исходя из этого, приходится с сожалением констатировать популяризацию среди молодежи нашей страны рассматриваемой деструктивной идеологии.

Данная проблема, помимо прочего, была озвучена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 18 октября 2018 г. на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» вскоре после массового убийства в Керченском политехническом колледже. В частности, он сказал: «В соцсетях, в Интернете мы видим, что созданы целые сообщества. Все началось с известных трагических событий в Соединенных Штатах, в школах Соединенных Штатов. Молодые люди с не-

устойчивой психикой создают для себя каких-то лжегероев. Это значит, что все мы, вместе взятые, не только в России, в мире в целом, плохо реагируем на изменяющиеся условия в мире. Это значит, что мы не создаем нужного, интересного и полезного контента для молодых людей, и они хватают этот суррогат героизма. Это приводит к трагедиям подобного рода².

Таким образом, борьба с «колумбайн» должна предусматривать широкий спектр действий государства и общества. В числе фундаментальных шагов нашего государства в данном направлении можно отметить решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 года, в котором он, рассмотрев иск Генеральной прокуратуры о признании в нашей стране движения «колумбайн» террористическим, согласился с позицией надзорного ведомства. Теперь размещение призывов к акциям по типу «колумбайн» или их репост рассматриваются правоохранительными органами как подготовка террористических актов³.

В данном аспекте важным фактором является контроль за контентом социальных сетей со стороны уполномоченных органов, в том числе осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). В структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации подобную работу осуществляет Бюро специальных технических мероприятий (далее – БСТМ) МВД России⁴. На сегодняшний день эти подразделения занимают важное место в оперативно-аналитическом и информационном сопровождении ОРД органов внутренних дел.

¹ Российские колумбайнеры: откуда они появились // Милосердие.ru: сайт. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/rossijskie-kolumbajner-y-otkuda-oni-poyavilis-i-kak-im-pomoch/> (дата обращения 08.01.2023).

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 06.01.2023).

³ Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html> (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Бюро специальных технических мероприятий МВД России исполнилось 28 лет // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/21517977/> (дата обращения: 06.01.2023).

Меры, направленные на активизацию работы БСТМ по контролю контента социальных сетей на предмет пропаганды идей «колумбайн», выглядят вполне логичными и имеющими научное обоснование. Так, согласно выводам большой группы зарубежных ученых, примерно с 2005 года все школьные стрелки присутствовали на веб-сайтах, включая социальные сети, где они оставили следы. Предложенная исследователями рабочая гипотеза заключается в том, что будущие скулшутеры будут вести себя подобным образом и, следовательно, будет теоретическая возможность отследить их в цифровой среде [9, с. 232].

Не имея возможности говорить о конкретных алгоритмах анализа контента, применяемых сотрудниками БСТМ, в силу открытого характера данной публикации, приведем ряд мнений по данному вопросу из общедоступных источников. Так, в частности А. Г. Куликов указывает, что анализ практики деятельности оперативных подразделений показал, что при мониторинге сети Интернет необходимо обратить особое внимание на следующие признаки проявления деструктивных идей «колумбайн» [5, с. 32]:

– наименование аккаунта пользователя: вместо своих реальных данных подростки используют в его названии имена лидеров различных молодежных субкультур и движений;

– аватар с характерными отсылками к событиям в школе «Колумбайн»: изображения агрессивных настроенных людей с оружием, лидеров молодежных субкультур и движений;

– анализ подписок на аккаунт: подросток может быть подписан на сообщества, пропагандирующие суицидальный или насильственный контент (суицидальные игры, культ оружия, призывы к насилию в школе).

Отмечая большое влияние Интернета на распространение идеологии скулшутинга, в т. ч. порождаемое субкультурой медиатекстов, что, в свою очередь, требует разработки и внедрения криминалистических диагностических комплексов в рамках применения методов и методик психолого-линг-

вистической экспертизы информационных материалов, Е. А. Замышевская и И. Л. Казанцева, рассмотрев в своем исследовании более 100 названий сообществ (в том числе архивных), содержащих контент субкультуры скулшутеров, предложили методику анализа названий интернет-сообществ. Так, среди прочего они классифицировали прямые названия, содержащие явные отсылки к идеологии скулшутинга, а именно:

1) номинации «Колумбайн»/«Columbine» и производные от них: «не Колумбайн» / «не Колумбайн 2.0», «Храм колумбайнера 0.2», «columbine high school», «esthetic columbine», «Взрывчатые Вещества. Колумбайн»;

2) лексемы «стрелок», «скулшутер», «shooting»;

3) имена известных скулшутеров;

4) никнеймы (в социальных сетях) скулшутеров;

5) идеологические и исторические концепты: любимые фильмы скулшутеров, надписи на их футболках, Trenchcoat Mafia – группа в школе «Колумбайн» – «Клуб «Мафия Плащей», «Super Columbine Massacre» – название онлайн-игры по мотивам происшествия в Колумбии, места и даты совершения преступлений и др.

Исследователями (примерно в конце 2021 года) было обнаружено более 40 пабликов в «ВКонтакте» и каналов в «Telegram», доступных для просмотра и содержащих обладающий деструктивным потенциалом контент [10, с. 40–42]. В рамках данного исследования, используя описанную выше методику, автором были проанализированы в январе 2023 года название сообществ в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Telegram». В результате обнаружено 28 названий открытых и закрытых групп и сообществ (17 – в «ВКонтакте» и 11 – в «Telegram»), имеющих отсылки к идеологии «колумбайн» и содержащих возможно неприемлемый контент.

Положительная динамика, выразившаяся в уменьшении количества названий, имеющих явные отсылки к теме скулшутеров, может объясняться повышением качества модерации в самих социальных сетях. В

частности, в самой популярной в России (на 2020 год) социальной сети «ВКонтакте» [11, с. 27] проводится проактивный внутренний мониторинг и блокируются сообщества и профили лиц, распространяющих деструктивный контент [10, с. 40–42].

Необходимо отметить, что в последнее время в связи с запрещением деятельности на территории Российской Федерации ряда мессенджеров и социальных сетей, задачи контроля правоохранительными органами, с одной стороны, упростились, так как сейчас в нашей стране легально действуют только социальные сети и мессенджеры, лояльные к требованиям отечественного законодательства. С другой стороны, такие задачи усложнились в силу того, что часть аудитории продолжает пользоваться запрещенными социальными сетями (контроль за смысловым наполнением которых со стороны отечественных правоохранителей практически невозможен) через VPN-приложения.

Слабой стороной скулшутеров можно считать то обстоятельство, что им так или иначе характерна некая медийность, особенно на заключительном этапе подготовки преступления – «непосредственное предупреждение». Д. Г. Давыдов и К. Д. Хломов так высказываются по данному вопросу: «Раскрытие непосредственных планов нападения или намеки на это накануне совершения действия можно считать одним из самых тревожных сигналов» [12, с. 70]. В большинстве случаев «стрелки» (81 %) накануне совершения преступления сообщали какому-либо человеку о своем намерении осуществить нападение на учебное заведение [13].

Учитывая то обстоятельство, что современные подростки живут в мире Интернета и цифровых технологий, оформляя страницы и общаясь в блогах, социальных сетях, обмениваясь информацией через сервисы мгновенных сообщений [14, с. 107], мы вполне можем ожидать, что такое «непосредственное предупреждение» будет отправлено потенциальным скулшутером посредством сети. Это обстоятельство является важным фактором предотвращения уже подготовленного террористического акта.

Такое предположение имеет подтверждение. Например, в 2007 году, через восемь лет после драматических событий в школе «Колумбайн», анализ онлайн-чата позволил полиции США обнаружить 14-летнего ученика одной из школ Пенсильвании, который являлся последователем одного из скулшутеров и планировал атаку на свою школу [15]. В этих обстоятельствах важное значение приобретает не только выявление такого сообщения, но и идентификация преступника. Последнее может быть затруднено возможностью анонимной регистрации аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах.

С учетом вышесказанного и в целях предотвращения возможного нападения на учебные заведения (как на ранних этапах подготовки террористического акта, так и на его завершающем этапе) считаем необходимым в качестве превентивной меры ввести обязательное использование паспортных данных (с подтверждением) при регистрации в социальных сетях, а для несовершеннолетних – паспортных данных одного из родителей или законных представителей. Аналогичные действия сейчас проводятся при регистрации SIM-карты мобильной связи, для покупки которой необходим паспорт. Подобная процедура сейчас является привычной и ни у кого не вызывает вопросов.

Кроме того, важным условием, особенно с учетом возможного дефицита времени, приобретает эффективное взаимодействие сотрудников БСТМ с отделами уголовного розыска, участковыми уполномоченными полиции и инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). При этом последние теоретически должны обладать объективной информацией о потенциальном скулшутере.

Вместе с тем проблемным вопросом такого взаимодействия остается отсутствие у участковых уполномоченных и инспекторов ПДН допуска к ведению ОРД. Так, в утвержденный приказом МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» Перечень оперативных подразделений системы

МВД России, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, участковые уполномоченные полиции и ПДН не входят. Данное обстоятельство, на наш взгляд, отрицательно сказывается на общей эффективности их работы как самостоятельной, так и, что крайне важно, во взаимодействии с отделами уголовного розыска [16, с. 71], а также подразделениями БСТМ. В первую очередь, такое негативное воздействие проявляется в ограниченной возможности подразделений БСТМ и отделов уголовного розыска делиться оперативной информацией с не имеющими формы допусков к секретным сведениям участковыми уполномоченными полиции и инспекторами ПДН.

В связи с этим нам видится обоснованным допустить участковых уполномоченных полиции и ПДН к ведению ОРД. С другой стороны, необходимо отметить, что данная позиция является дискуссионной и не поддерживается некоторыми исследователями. В частности, Х. А. Албаков в своей работе, признавая наличие проблемы по осуществлению ОРД частью из указанных подразделений (участковыми уполномоченными полиции), не соглашается с необходимостью столь кардинальных организационно-штатных изменений [17, с. 188].

Рассматривая второй косвенный вид распространения идей «колумбайн» через сеть Интернет, важно отметить, что насаждение деструктивной идеологии может идти не только посредством пропаганды в социальных сетях, но и через подробное освещение событий. В настоящее время СМИ тесно интегрированы во «Всемирную паутину», поскольку каждое новостное издание имеет свою интернет-версию. Кроме того, освещением новостей (и подачей контента со своей точки зрения) занимаются многочисленные независимые блогеры. Подобный симбиоз официальных и неофициальных источников информации имеет огромный потенциал и может способствовать распространению идей «колумбайн». По данному вопросу, на наш взгляд, несколько эмоционально, но очень точно высказывается Ю. В. Сухо-

дольская: «Ужасающий акт инфантицида преобразуется СМИ в сенсацию, которая впоследствии является «генератором» идей у радикально настроенных подростков, грезящих о получении своей «минуты славы» в результате акта скулшутинга» [18, с. 94].

Подробное освещение нападения на учебные заведения, в том числе и через Интернет, ведет к совершению новых аналогичных преступлений. Эта мысль подтверждается и мнением А. Ю. Карповой и Н. Г. Максимова, согласно которому распространение «Колумбайн» имеет схожие черты с «Синдромом Вертера» [19, с. 94]. «Эффект (синдром) Вертера» – массовая волна подражающих самоубийств, которые совершаются после акта суицида, широко освещенного телевидением или другими СМИ либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа.

Тема освещения нападения на учебные заведения довольно обширна и требует отдельного исследования. Однако автор убежден, что СМИ необходимо, не ограничиваясь рекомендациями, на законодательном уровне запретить подробно освещать нападения по типу «колумбайн» (в первую очередь это касается личных данных скулшутеров и тактики совершенных ими преступлений).

Таким образом, подводя итог, считаем возможным предложить следующие практические меры превентивного характера, направленные против повторения преступлений подобного вида в будущем:

- 1) ввести обязательное использование паспортных данных (с подтверждением) при регистрации в социальных сетях, а для несовершеннолетних – паспортных данных одного из родителей или законных представителей;

- 2) расширить перечень подразделений МВД, допущенных к ведению ОРД, участковыми уполномоченными полиции и ПДН;

- 3) на законодательном уровне ввести запрет на освещение в СМИ (в том числе с использованием сети Интернет) любых личных данных скулшутера и тактики совершения им преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 4. С. 196–215.
2. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Общество и право*. 2021. № 2 (76). С. 38–43.
3. Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and the United States // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26. No. 1. P. 185–210.
4. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 3 (91). С. 115–120.
5. Куликов А. Г. О некоторых аспектах оперативно-разыскного противодействия колумбайну в социальных сетях // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2021. № 4. С. 30–34.
6. Самойлов С. Ф., Лапсарь М. В. Правовой анализ элементов состава преступных деяний, совершаемых представителями движения «Колумбайн» // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2021. № 4 (54). С. 35–42.
7. Иванов А. В. Виртуальная деструктивность и социальное пространство: к постановке проблемы (по материалам полевых исследований идеологии «колумбайн») // *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 4 (141). С. 274–279.
8. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
9. Kuppö J., Semenov A., Veijalainen J. Analyzing Presence of School-Shooting Related Communities at Social Media Sites // *International Journal of Multimedia Intelligence and Security*. 2010. No. 3. P. 232–268.
10. Замышевская Е. А., Казанцева И. Л. Психолого-лингвистический подход к анализу личности создателя (администратора) деструктивного сообщества в интернет-пространстве через призму названий таковых сообществ (на материале сообществ субкультуры скулшутеров) // *Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки*. 2022. Т. 5. № 2 (15). С. 39–47.
11. Солодников В. В., Зайцева А. С. Использование социальных сетей и социализация российских подростков // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9. № 1 (33). С. 23–42.
12. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 4 (32). С. 62–67.
13. Ferguson C. J., Coulson M., & Barnett J. (2011). Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn // *Journal of Police Crisis Negotiations*. 2011. No. 1 (2). P. 141–158.
14. Малова Е. О. Современные реалии асоциальных проявлений подростков в интернет-пространстве // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2020. № 2 (26). С. 107–114.
15. Fox C. And Harding D. J. School Shooting as Organizational Deviance // *Sociology of Education*. 2005. January. Vol. 78. No. 1. P. 69–97.
16. Гамзина А. В. К вопросу о необходимости ограниченного участия в оперативно-розыскной деятельности подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2022. № 3 (48). С. 70–76.
17. Албаков Х. А. К вопросу оптимизации административно-правового статуса участкового уполномоченного полиции в области выявления и раскрытия преступлений // *Теоретические и прикладные аспекты в области гуманитарных наук: материалы V Международной научно-практической конференции*. Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2023. С. 188–189.
18. Суходольская Ю. В. Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации, и механизм преступного поведения скулшутера // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021. № 3 (83). С. 64–70.
19. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // *Власть*. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108.

REFERENCES

1. Krukovsky V. E., Mosechkin I. N. Criminal legal problems of counteracting activities aimed at inducing murders and suicides // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. No. 4. P. 196–215. (In Russ.)
2. Puchnin A.V., Puchnina M.Yu. Columbine ideology as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation // *Society and Law*. 2021. No. 2 (76). P. 38–43. (In Russ.)
3. Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and the United States // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26. No. 1. P. 185–210.
4. Puchnin A. V., Puchnina M. Yu. The influence of destructive Internet content on the formation of Columbine ideas among minors // *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 3 (91). P. 115–120. (In Russ.)
5. Kulikov A. G. On some aspects of operational-search counteraction to Columbine in social networks // *Problems of law enforcement*. 2021. No. 4. P. 30–34. (In Russ.)
6. Samoilov S. F., Lapsar M. V. Legal analysis of the elements of criminal acts committed by representatives of the Columbine movement // *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 4 (54). P. 35–42. (In Russ.)
7. Ivanov A. V. Virtual destructiveness and social space: towards the formulation of the problem (based on materials from field studies of the Columbine ideology) // *Kazan Pedagogical Journal*. 2020. No. 4 (141). P. 274–279. (In Russ.)
8. Karpov V. O. The Cult of Columbine: the main determinants of massacres in schools // *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 4 (34). P. 442–446. (In Russ.)
9. Kyppö J., Semenov A., Veijalainen J. Analyzing Presence of School-Shooting Related Communities at Social Media Sites // *International Journal of Multimedia Intelligence and Security*. 2010. No. 3. P. 232–268.
10. Zamyshevskaya E. A., Kazantseva I. L. Psychological and linguistic approach to the analysis of the personality of the creator (administrator) of a destructive community in the Internet space through the prism of the names of such communities (based on the communities of the school shooter subculture) // *Bulletin of Kaluga University. Series I. Psychological Sciences. Pedagogical sciences*. 2022. Vol. 5. No. 2 (15). P. 39–47. (In Russ.)
11. Solodnikov V. V., Zaitseva A. S. The use of social networks and the socialization of Russian teenagers // *Sociological science and social practice*. 2021. Vol. 9. No. 1 (33). P. 23–42. (In Russ.)
12. Davydov D. G., Khlomov K. D. Mass murders in educational institutions: mechanisms, causes, prevention // *National psychological journal*. 2018. No. 4 (32). P. 62–67. (In Russ.)
13. Ferguson C. J., Coulson M., & Barnett J. (2011). Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn // *Journal of Police Crisis Negotiations*. 2011. No. 1 (2). P. 141–158.
14. Malova E. O. Modern realities of asocial manifestations of adolescents in the Internet space // *Innovative development of professional education*. 2020. No. 2 (26). P. 107–114. (In Russ.)
15. Fox C. And Harding D. J. School Shooting as Organizational Deviance // *Sociology of Education*. 2005. January. Vol. 78. No. 1. P. 69–97.
16. Gamzina A. V. On the issue of the need for limited participation in the operational investigative activities of juvenile affairs units and local police officers // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 3 (48). P. 70–76. (In Russ.)
17. Albakov Kh. A. On the issue of optimizing the administrative and legal status of the local police commissioner in the field of detection and detection of crimes // *Theoretical and applied aspects in the field of humanities: materials of the V International Scientific and Practical Conference*. Ryazan: Limited Liability Company “Concept Publishing House”, 2023. P. 188–189. (In Russ.)
18. Sukhodolskaya Yu. V. Factors determining the commission of mass murder in an educational organization, and the mechanism of criminal behavior of a school shooter // *Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation*. 2021. No. 3 (83). P. 64–70. (In Russ.)
19. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. School shooting in Russia: what matters? // *Power*. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 93–108. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 09.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 09.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

**ХАРАКТЕРИСТИКА НОРМ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ
ОКАЗАНИЮ ЭКСТРЕННОЙ ПОМОЩИ****Дина Мирзануровна Гараева**

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, dinagaraeva97@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены нормы уголовного законодательства ряда зарубежных стран, сходные с нормами отечественного законодательства, об ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. В рамках сравнительного анализа отдельное внимание уделено определению места этих норм в системе соответствующих нормативных актов с целью определения объекта преступного посягательства. Выявлены конструкции, наиболее перспективные с точки зрения потенциальной возможности заимствования в соответствующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: воспрепятствование, медицинская помощь, препятствие экстренным службам, зарубежное уголовное законодательство.

Для цитирования: Гараева Д. М. Характеристика норм зарубежного законодательства об ответственности за воспрепятствование оказанию экстренной помощи // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 102–107.

Original article

**CHARACTERISTICS OF THE NORMS OF FOREIGN LEGISLATION
ON LIABILITY FOR OBSTRUCTION OF EMERGENCY ASSISTANCE****Dina M. Garaeva**Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Kazan, Russia, dinagaraeva97@gmail.com

Abstract. The criminal legislation in certain foreign countries, similar to the Russian legal norms on liability for obstruction of medical assistance, are considered in the article. As part of the comparative analysis, special attention is paid to determining the place of these norms in the system of relevant normative acts in order to identify the object of the criminal assaults. The author reveals the most promising provisions in terms of the potential borrowing to the Criminal Code of Russia.

Keywords: obstruction, medical assistance, obstruction of emergency services, criminal legislation of foreign countries.

For citation: Garaeva D. M. Characteristics of the norms of foreign legislation on liability for obstruction of emergency assistance // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 102–107.

Проблема нападения на врачей и умышленного создания препятствий их работе существует не только в российском обществе, но и в ряде других стран. Об этом свидетельствует наличие в ряде иностранных государств норм отраслевого законодатель-

ства, устанавливающих ответственность за умышленное препятствие деятельности специальных служб.

Исследование нормативных правовых актов иностранных государств (уголовных, административных, транспортных кодексов

и иных законов) показало отсутствие нормы, абсолютно идентичной по формулировке отечественной норме, изложенной через конструкцию «воспрепятствование оказанию медицинской помощи». При этом научный интерес вызывают некоторые нормы зарубежного законодательства, предусматривающие ответственность за воспрепятствование прибытию или оказанию экстренной помощи, либо деятельности, направленной на спасение людей от гибели.

Отдельное внимание следует уделить тому, какое место отведено этим нормам в системе уголовных законов соответствующих государств. В большинстве из них структура особенной части уголовного кодекса строится также в зависимости от объекта правовой охраны (к примеру, особенная часть Уголовного кодекса Франции состоит из глав: I «О посягательствах на жизнь человека», II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности», III «О поставлении человека в опасность» и т. д.; особенная часть Уголовного кодекса Польши содержит главы: XVI «Преступления против мира, человечности и военные преступления», XVII «Преступления против Республики Польша», XVIII «Преступления против обороноспособности» и т. д.).

Наименования структурных элементов соответствующих законов (разделы, главы, отделы, блоки), в которые зарубежный законодатель поместил нормы об ответственности за воспрепятствование оказанию помощи, демонстрируют, какие именно общественные отношения ставятся при этом под охрану, и непосредственно указывают на объекты соответствующих преступлений. Это имеет значение с точки зрения сравнительного анализа, а также для оценки целесообразности помещения отечественной нормы о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи в главу 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления против жизни и здоровья».

Так, Уголовный кодекс Франции содержит следующую норму: «Ст. 223-5. Умышленное воспрепятствование прибытию помощи, предназначенной для защиты человека от неминуемой опасности или для борьбы с бедствием, представляющим угрозу безопасности людей, наказывается семью годами тюремного заключения и штрафом в размере 700 000 франков»¹. В норме речь идет о создании помех не только медицинским службам, но и иным спасательным формированиям. Таким образом, французское законодательство ставит под уголовно-правовую охрану более широкий круг общественных отношений: не только деятельность по оказанию медицинской помощи, но и в целом деятельность соответствующих служб по оказанию спасательных мер. Указанная статья Уголовного кодекса Франции находится в разделе III «О поставлении человека в опасность», в главе «Воспрепятствование спасательным мерам и неоказание помощи». То есть в структуре уголовного закона Франции статья о воспрепятствовании прибытию помощи находится в специализированной главе, нормы которой в целом посвящены тем или иным способам оставления человека в опасности. Следует отметить, что данная глава не входит ни в раздел о преступлениях против личности, ни в раздел о преступлениях против здоровья населения. Такой подход французского законодателя получил положительные оценки в ряде научных исследований [1, с. 74; 2, с. 114].

Следующей зарубежной нормой, представляющей интерес для исследования, является статья 187 Уголовного кодекса Австрии, которая гласит: «Кто препятствует осуществлению меры, направленной на предотвращение наличной опасности для жизни или здоровья либо чужой собственности в значительном объеме, или затрудняет ее проведение, тот наказывается лишением свободы на срок до трех лет» [3, с. 74]. Данная норма находится в седьмом разделе

¹ Уголовный кодекс Франции // Юрист-онлайн: сайт. URL: https://jurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_ft/_doc-5-.pdf (дата обращения 19.01.2023).

Уголовного кодекса Австрии «Общепасные преступные деяния и преступные деяния против окружающей среды». При этом норма охватывает еще более широкий круг общественных отношений, чем аналогичная норма Уголовного кодекса Франции: австрийский Уголовный кодекс устанавливает уголовную ответственность за препятствие деятельности не только профессионалов, в чьи обязанности входит оказание той или иной помощи, но и за воспрепятствование действиям любого лица, которое пытается предотвратить наличную опасность жизни, здоровью или собственности. Иными словами, норма Уголовного кодекса Австрии не ограничивает круг лиц, препятствие которым может повлечь уголовную ответственность.

Уголовный кодекс Польши содержит, в сущности, схожую норму, закрепляющую уголовную ответственность за препятствие деяниям, направленным на предотвращение опасности: «Ст. 172. Кто препятствует деянию, направленному на предотвращение опасности для жизни или здоровья многих людей либо для имущества в больших размерах, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет»¹. Указанная норма помещена в Главу XX Уголовного кодекса Польши «Преступления против общественной безопасности».

Следует отметить, что приведенные нормы зарубежных уголовных кодексов не требуют наступления общественно опасных последствий в качестве условия привлечения к уголовной ответственности. То есть по конструкции объективной стороны рассмотренные составы следует считать формальными, а по степени общественной опасности эти деяния однозначно отнесены зарубежными актами к уголовным преступлениям. В отечественном же законодательстве, как известно, ответственность дифференцирована

в зависимости от последствий: если имело место воспрепятствование оказанию медицинской помощи, не повлекшее причинение вреда пациенту, наступает административная ответственность по ст. 6.36 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), если то же деяние повлекло причинение тяжкого вреда здоровью или смерти пациенту – речь идет об уголовной ответственности по ст. 124¹ УК РФ.

Важность криминализации воспрепятствования деятельности других экстренных служб, таких как противопожарная и коммунальная службы, демонстрирует статья 269 Уголовного кодекса Чили, которая гласит: «Любое лицо, препятствующее действиям личного состава пожарных частей или других коммунальных служб, направленным на борьбу с аварией или иным бедствием или несчастием, представляющим опасность для безопасности людей, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от минимального до среднего»². При этом сравнении вновь обнаруживается довольно узкий подход отечественного законодателя при криминализации препятствия исключительно оказанию медицинской помощи.

На наш взгляд, представленные нормы, регламентирующие ответственность за воспрепятствование деятельности специализированных служб, могут быть заимствованы в систему уголовного законодательства Российской Федерации, поскольку расширенный подход к охраняемым при этом общественным отношениям видится более справедливым. Криминализация умышленных действий по воспрепятствованию оказанию экстренной помощи обладает высоким предупредительным потенциалом и может способствовать более эффективному применению нормы на практике.

¹ Уголовный кодекс Польши // Legislationline: сайт. URL: https://legislationline.org/legislation?q=lang%3Aen%2Csort%3Amost_read_first%2Clegislation_category%3A48%2Ccountry%3A83%2Cpage%3A1%2Ctype_main%3A43# (дата обращения: 19.01.2023).

² Уголовный кодекс Чили // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile: сайт. URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1984&idVersion=2022-09-27&idParte=> (дата обращения: 19.01.2023).

Помимо уголовной, в ряде государств предусмотрены иные виды ответственности за исследуемое деяние. В этом отношении интерес представляет законодательство Соединенных Штатов Америки (далее – США). Как известно, федеральное уголовное законодательство США посвящено общим вопросам государственного устройства, а вопросы установления ответственности за конкретные преступления отнесены к компетенции штатов. Рассмотрим интересующие нас нормы на примере законодательных актов ряда штатов США.

Так, уголовным законодательством штата Коннектикут предусмотрена ответственность за создание препятствий транспортным средствам экстренных служб (в данной статье, помимо автомобилей медицинских служб, речь идет и о транспортных средствах противопожарной службы и полиции): «Любое лицо, которое умышленно или по неосторожности создает препятствия или задерживает работу машины скорой помощи или транспортного средства, которым управляет сотрудник организации скорой медицинской помощи, <...>, должно быть оштрафовано на сумму не более двухсот пятидесяти долларов»¹.

Норма статьи 16-10-24.2 Уголовного кодекса штата Джорджия гласит: «Кто сознательно и умышленно сопротивляется или препятствует любому специалисту скорой медицинской помощи, или любому <...> идентифицированному лицу, работающему под руководством специалиста скорой медицинской помощи при законном выполнении официальных обязанностей, <...>, угрожая или применяя насилие в отношении лица,

<...>, в случае признания его виновным наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет»².

Примером закона, закрепляющего в качестве правила дорожного движения право медицинского спецтранспорта на преимущественный проезд, служит Транспортный кодекс штата Техас. Он содержит норму, устанавливающую запрет на создание помех транспортному средству скорой помощи: «Водитель не имеет права: (1) следовать ближе, чем на 500 футов (около 152 метров) за автомобилем скорой помощи с включенным проблесковым сигналом, за исключением случаев, когда водитель выполняет свои служебные обязанности; (2) или парковать транспортное средство, если скорая помощь вызвана на экстренный вызов, с тем чтобы помешать прибытию или выезду машины скорой помощи»³. Последняя норма примечательна тем, что устанавливает водителям запрет на создание помех автомобилю скорой помощи не только при движении, но и когда помехи создаются неправильно припаркованным стоящим транспортным средством. Эта особенность отличает данную норму от ч. 2 ст. 12.17 КоАП РФ, по которой ответственности подлежат только лица, которые создают помехи непосредственно в процессе движения: не предоставляют преимущества в движении транспортному средству скорой помощи.

Любопытна позиция китайского законодателя применительно к установлению ответственности за препятствие деятельности медиков. Часть 3 ст. 277 Уголовного кодекса Китая устанавливает: «Препятствование путем насилия и угроз выполнению

¹ Уголовный Кодекс Коннектикута 2015 г. Разд. 14-283. Права машин экстренных служб. Препятствие // Justia US Law: сайт. URL: https://law.justia.com/codes/connecticut/2015/title-14/chapter-248/section-14-283?fbclid=IwAR2fLuAxXTenTU01a_s6I_NC68bXn9ZqQ7Fq_tihhO2mwHDER55qR-RUZsLc (дата обращения: 19.01.2023).

² Уголовный кодекс штата Джорджия. Ст. 16-10-24.2. Создание препятствий для работы специалистов скорой медицинской помощи // Justia US Law: сайт. URL: <https://law.justia.com/codes/georgia/2010/title-16/chapter-10/article-2/16-10-24-2/> (дата обращения: 19.01.2023).

³ Транспортный кодекс штата Техас. Ст. 545.407. Сопровождение или блокирование пожарной машины или машины скорой помощи // Texas.Public.Law: сайт. URL: https://texas.public.law/statutes/tex._transp._code_section_545.407?fbclid=IwAR2ehQbhWofY5ZhjA2CeB (дата обращения: 19.01.2023).

сотрудниками Общества Красного Креста в соответствии с законом своих служебных обязанностей в период стихийных бедствий или форс-мажорных событий наказывается в соответствии с частью первой настоящей статьи»¹. В свою очередь ч. 1 этой же статьи гласит: «Препятствование путем насилия и угроз выполнению в соответствии с законом сотрудниками государственных органов своих служебных обязанностей наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом, надзором или штрафом». Иными словами, в Китае уголовная ответственность установлена за воспрепятствование деятельности не любых медицинских работников, а только представителей международной организации Красного креста, а кроме того, ограничена по времени: в период стихийных бедствий или иных форс-мажорных событий. С точки зрения определения структурного положения этой нормы она входит в параграф 1 «Преступления против общественного порядка» главы 6 Уголовного кодекса Китая «Преступления против порядка управления и общественного порядка».

Как уже было сказано, криминализация воспрепятствования оказанию медицинской помощи в Российской Федерации представляется обоснованной. Однако, по нашему мнению, законодателем слишком узко определен круг общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране в данной сфере. Об этом свидетельствует изучение зарубежной практики применения аналогичных норм уголовного и иного законодательства, которое подтверждает, что криминализации должно подлежать воспрепятствование не только оказанию медицинской, но и иной экстренной помощи, промед-

ление в оказании которой ставит под угрозу жизни и здоровье неограниченного круга лиц. Нормы ряда зарубежных стран, предусматривающие ответственность не только за препятствие оказанию медицинской помощи, но в целом за препятствие прибытию помощи, работе экстренных служб (к которым по смыслу закона относятся скорая медицинская помощь, противопожарная служба, газовая служба, аварийно-спасательные формирования, коммунальные службы), являются необходимыми и эффективными, их наличие в уголовном законодательстве обосновано особой социальной ценностью охраняемых общественных отношений. Следовательно, по-нашему мнению, наиболее удачные конструкции норм о воспрепятствовании работе экстренных служб заслуживают заимствования в уголовно-правовое поле Российской Федерации.

В этой связи мерой по совершенствованию отечественной уголовно-правовой нормы об ответственности за воспрепятствование оказанию помощи может стать расширение круга субъектов оказания помощи, умышленное воспрепятствование которым влечет уголовную ответственность. Уголовно-правовой охране подлежат общественные отношения в сфере оказания любой экстренной помощи. При этом субъектами оказания такой помощи следует считать не только медицинских работников, но и специалистов Государственной противопожарной службы Российской Федерации, аварийно-спасательной службы, полиции, аварийной газовой службы, в связи с чем оптимальной формулировкой диспозиции статьи 124¹ УК РФ видится следующая: «Воспрепятствование оказанию экстренной помощи».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назмутдинова Л. М. Ответственность за неоказание помощи в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 260 с.

¹ Уголовный кодекс Китая // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: сайт. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgfyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 19.01.2023).

2. Ковалев М. В. Зарубежный опыт использования категории «воспрепятствование» в уголовном законодательстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 112–120.
3. Уголовный кодекс Австрии. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 352 с.

REFERENCES

1. Nazmutdinova L. M. Responsibility for failure to provide assistance in criminal law: dis. ...cand. legal Sci. Kazan, 2018. 260 p. (In Russ.)
2. Kovalev M.V. Foreign experience in using the category “obstruction” in criminal law // Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2019. No. 5. P. 112–120. (In Russ.)
3. Austrian Criminal Code. St. Petersburg: Publishing House “Legal Center Press”, 2004. 352 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.3/7-054.78(470)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗОВОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Анна Владимировна Кулешова

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
Москва, Россия, akulesova906@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается необходимость применения учеными-криминалистами и правоохранителями-практиками индивидуального подхода к различным видам преступлений. Противоправные деяния, совершенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, что абсолютно очевидно и научно обоснованно, имеют свои характерные особенности. Стремление к повышению эффективности противодействия адвентальной преступности и профилактических мероприятий, безусловно, требует того, чтобы вдумчивая и системная работа была противопоставлена формализму.

Ключевые слова: адвентальная преступность, этническая преступность, криминалистика, методические рекомендации, базовая методика расследования, методологические принципы.

Для цитирования: Кулешова А. В. Методологические принципы формирования базовой методики расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 108–113.

Original article

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF THE FORMATION OF THE BASIC METHODOLOGY FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

Anna V. Kuleshova

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
akulesova906@gmail.com

Abstract. The article substantiates the need for criminologists and law enforcement practitioners to apply an individual approach to various types of crimes. Illegal acts committed by foreign citizens and stateless persons, are quite obvious and scientifically justified, have their own characteristic features. The desire to increase the effectiveness of countering juvenile delinquency and preventive measures, of course, requires that thoughtful and systematic work be opposed to formalism.

Keywords: juvenile delinquency, ethnic criminality, criminalistics, methodological recommendations, basic investigation methodology, methodological principles.

For citation: Kuleshova A. V. Methodological principles of the formation of the basic methodology for the investigation of crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 108–113.

Конец XIX века ознаменовался для мировой криминалистики тем, что именно тогда начали разрабатываться положения методики расследования отдельных видов

преступлений. Видный криминалист того периода Г. Гросс даже сформулировал подробные рекомендации о том, как расследовать противоправные деяния отдельных

видов, имеющие свою собственную специфику. Ученым-новатором, который выделил криминалистическую методику как самостоятельный раздел науки криминалистики, стал отечественный криминалист И. Н. Якимов. В 1925 г. он издал первый отечественный учебник по криминалистике. С тех самых пор данный труд выдержал множество переизданий, остался актуальным и по сей день. Сейчас криминалистическая методика является четвертым (итоговым) разделом науки и курса криминалистики.

Механизм расследования преступлений – это регламентированный уголовно-процессуальным законодательством порядок доказывания обстоятельств преступлений. Внутренний перечень этих самых обстоятельств определен статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Кроме того, в рамках расследования уполномоченными специалистами осуществляется розыск преступников, обеспечивается неуклонение их от следствия и суда с принятием мер по возмещению нанесенного ущерба и предупреждению преступлений. Утвержденный порядок судопроизводства на территории Российской Федерации един, несмотря на то, что уголовные дела разнообразны. Постулаты его обязательны к исполнению.

В своих исследованиях российский ученый-криминалист А. В. Варданян ряд своих научных трудов посвятил решению проблемных моментов, связанных с расследованием уголовных дел об организации незаконной миграции. Он указывает на то, что сегодня каждый россиянин, обладающий гражданской позицией, испытывает тревогу по поводу того, что движение миграционных потоков зачастую сопряжено с нарушением миграционного законодательства, а также целым рядом преступлений и правонарушений [1, с. 3–5].

Важно упомянуть, что криминалистическая методика расследования преступлений – это целая система научных положений. Они основываются на эмпирически проверенной актуальной следственной и оперативной деятельности. Именно на основе объективных данных разрабатываются ме-

тоды расследования и предупреждения различных видов преступлений, которые можно назвать эффективными. Так, современный отечественный криминалист Е. И. Фойгель пишет в своих исследованиях, опираясь на достоверные факты статистики, что адвентальные преступления опытный специалист сможет определить по характеру их совершения, мотивам и иным криминалистически важным составляющим. Этнические установки преступника непосредственным образом влияют на выбор жертвы. Ценности и традиции субъекта такого преступления нередко не совпадают с ценностями и традициями окружающих, что порой может перевести их отношения в плоскость «преступник и жертва» [2, с. 160–174].

Поскольку преступления имеют свои объективные особенности, в зависимости от того, кто, при каких обстоятельствах, в каких условиях и где их совершил, необходимо учитывать, что без индивидуального подхода к их расследованию не обойтись. Безусловно, наукой зафиксировано, что даже в условиях многообразия в различных преступлениях существует ряд общих закономерностей. Именно поэтому вполне объективно использовать методические рекомендации общего свойства. То есть, от тех специалистов, которые вовлечены в следственный процесс, требуется умение широко мыслить и учитывать многое. Им необходимо опираться как на универсальную методику расследования преступлений, так и на методику, касающуюся отдельных видов (групп) противоправных деяний.

Предмет криминалистической методики состоит в выявлении закономерностей, имеющих место в массиве преступных деяний. В поле интереса попадают:

- механизм совершения противоправного деяния;
- возникновение преступного умысла;
- появление сообщения о противоправном деянии и лицах, которые являются его участниками;
- проекция противоправного деяния, которое уже совершено, в объективной реальности и человеческом сознании;

– сбор доказательственной базы и оценка ее компонентов.

Обозначенный перечень не является исчерпывающим или конечным. Он приведен для наглядности и оставляет возможность для других исследователей дополнить его обоснованными замечаниями.

Как правовое государство, имеющее непрекаемый авторитет на мировой арене, Российская Федерация стремится обеспечить безопасность всех своих граждан вне зависимости от их национальной принадлежности, а также безопасность прибывших из иных стран людей, которые знакомятся с географическими и иными характеристиками России. Согласно постулатам Конституции Российской Федерации именно многонациональный народ является единственным источником власти и носителем суверенитета в государстве¹. Многообразие культурных слоев влияет на гражданственность, патриотизм, динамичные тенденции обновления всех сфер общественной жизни. Именно поэтому многонациональность является достоинством страны и почитается государственной властью. Так, Президентом Российской Федерации прошлый, 2022 год, был объявлен Годом культурного наследия народов России.

Однако порой в условиях многонациональности возникают некоторые негативные тенденции, которые необходимо учитывать и по возможности в ходе профилактической работы сглаживать. Разница в менталитете, во взглядах на мир, на взаимоотношения поколений и социальные роли порой является катализатором делинквентного поведения. Поскольку налицо кардинальные отличия в моделях поведения и стереотипах у субъектов преступлений из различных этносов, логичным звучит запрос на формирование особенного подхода к установлению истины и сбору доказательственной базы.

Стоит отметить, что обозначить и систематизировать внятные криминалистические рекомендации по расследованию противо-

правных деяний, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства, невозможно без предварительного изучения типичного портрета соответствующего субъекта преступлений. Как источник криминалистически значимой информации адвентальный преступник имеет ряд внешних и внутренних особенностей этнического свойства.

В процессе жизнедеятельности, взросления, интеграции в общество, вхождения в профессию, а также иных поступков и действий, соответствующих возрастной категории, окружающей среде и личным амбициям, каждый человек проходит определенные этапы. Ученым-криминалистам и правоохранителям-практикам необходимо учитывать этнические особенности, в той или иной мере влияющие на свойства характера. Каждому человеку приходится осуществлять свою деятельность в рамках культурных и ценностных особенностей, унаследованных при социализации в конкретной этнической группе. Только при условии отказа от формализма, с помощью вдумчивого и системного изучения личности возможно разработать действительно эффективные с криминалистической точки зрения рекомендации по расследованию адвентальных преступлений.

Сегодня в правоприменительной практике существует определенное представление о том, каковы основные характеристики методики расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства. То есть мы не имеем право говорить о том, что к нашим дням не создан никакой базис. Безусловно, он есть, и мы можем его подробно описать.

Так, в системе частных криминалистических методик принято выделять:

- методику расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами;
- методику расследования преступлений, совершенных против иностранных граждан;

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

– методику расследования преступлений экстремистской направленности;

– методику расследования преступлений, совершенных этническими организованными преступными группами.

Все эти методики содержат практические рекомендации о том, как грамотно и эффективно учитывать и использовать этнический фактор в процессе организации следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Уделено в них внимание и установлению психологического контакта, а также тактике вербальных следственных действий.

На сегодняшний день в практике выявления, расследования и раскрытия преступлений прочно устоялись понятия «этническая преступность» («этнические преступления»), «миграционная преступность» («миграционные преступления»). В правоохранительных органах созданы и функционируют специализированные подразделения, занимающиеся сугубо противодействием этническим организованным преступным группам.

В действующем ныне Уголовном кодексе Российской Федерации содержится целый ряд статей, в которых предусмотрена ответственность за совершение противоправного деяния по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды: ст. 105 «Убийство», ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Побои», ст. 117 «Истязание», ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»¹. Судя по их наличию, законодателю хорошо известно, что этнические характеристики личности преступника и (или) потерпевшего действительно порой являются ключевыми обстоятельствами.

Стоит остановиться на специфических составляющих криминалистической характеристики адвентальных преступлений.

Международными договорами, заключенными между Россией и другими государствами, определены основополагающие нюансы правового положения иностранных граждан. Данные законодательные решения и процедуры четко соответствуют положениям Конституции Российской Федерации и иным нормативным правовым актам, касающимся правового положения иностранных граждан.

Согласно действующему ныне в России законодательству иностранные граждане на территории Российской Федерации в рамках уголовного судопроизводства пользуются процессуальными правами, аналогичными тем, которые присущи гражданам России. Адвентальные преступники подлежат привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях. При этом если мы говорим о правовом положении иностранцев, то стоит упомянуть, что, в отличие от граждан России, они не имеют права в любое время сменить место жительства. Иностранцам надлежит строго соблюдать официально установленный порядок регистрации, передвижения и выбора места жительства. Неконтролируемая миграция в настоящее время имеет статус незаконной, и данная проблема в России сохраняет свою остроту [3, с. 58–60].

Рассуждая о методических рекомендациях, касающихся расследования адвентальных преступлений, уместно обратить внимание на наличие языкового барьера. Иностранные граждане (туристы, сезонные трудовые мигранты) зачастую не владеют русским языком, а на территории Российской Федерации уголовное судопроизводство ведется именно на нем. Для проведения допроса и иных следственных действий необходимо привлекать к участию переводчика. Однако такой механизм обмена информацией между следователем и подозреваемым может спровоцировать искажения [4, с. 65].

Должностному лицу, осуществляющему следственные действия, надлежит учиты-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

вать особенности психологического состояния иностранного гражданина, ставшего фигурантом уголовного дела. Данное лицо зачастую плохо знакомо или вовсе не знакомо с российским уголовным процессом. Местный образ жизни столь же чужд ему, возможно, не приятен и не удобен. Иностранец вполне может искаженно воспринимать действительность, разворачивающуюся в непривычной для него географической локации, в результате чего такими же являются и его показания.

Научным исследователям и практикам необходимо опираться на современные тенденции, на то, как в настоящее время протекает уголовное судопроизводство в отношении иностранцев и лиц без гражданства. Излишнее погружение в информацию о том, как это было несколько лет или десятилетий тому назад, спровоцирует отвлечение от реальности и погрешности в качестве итогового материала.

Противодействие адвентальным преступлениям, эффективность которого напрямую зависит от выработки рабочей методики расследования такого рода противоправных деяний, вносит огромный вклад в сохранение мира в многонациональном государстве. Благодаря качественной и системной профилактической деятельности обеспечиваются благоприятные пути развития и сохранения культурного наследия, что в том числе утверждает торжество закона и укрепляет конституционный строй огромной страны с богатой историей и перспективным по всем направлениям будущим. Судя по современному состоянию российской и мировой науки, по внушительному количеству исследователей, интересующихся актуальными проблемами криминалистики и интеграции ее достижений в практику, мы с уверенностью можем говорить о дальнейшем развитии криминалистического научного знания [5, с. 3–5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А. В., Ларионов И. А. Правовые и тактико-криминалистические особенности проведения следственных действий с участием мигрантов в контексте проблемы формирования системы полных и непротиворечивых доказательств по уголовным делам об организации незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 3–9.
2. Фойгель Е. И. О криминалистической модели преступлений, совершаемых адвентальными лицами // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 160–174.
3. Варданян А. В., Ларионов И. А. Актуальные проблемы расследования организации незаконной миграции // Вестник Краснодарского университета МВД России. № 1 (35). С. 58–60.
4. Фойгель Е. И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2022. 566 с.
5. Варданян А. В., Варданян Г. А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 3–10.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V., Larionov I. A. Legal and tactical-criminalistic features of conducting investigative actions involving migrants in the context of the problem of forming a system of complete and consistent evidence in criminal cases on the organization of illegal migration // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. P. 3–9. (In Russ.)
2. Voigel E. I. On the criminalistic model of crimes committed by advenal persons // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2019. P. 160–174. (In Russ.)
3. Vardanyan A. V., Larionov I. A. Actual problems of investigating the organization of illegal migration // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (35). P. 58–60. (In Russ.)

4. Voigel E. I. Conceptual foundations of the criminalistic study of ethnic characteristics of a person and the practice of their implementation in the investigation of crimes: dis. ... Doctor of Law. Irkutsk, 2022. 566 p. (In Russ.)

5. Vardanyan A. V., Vardanyan G. A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. P. 3–10. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. В. Кулешова, кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. V. Kuleshova, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Ангелина Евгеньевна Малахова

Академия управления МВД России, Москва, Россия, classisant@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых вопросов нормативной регламентации обвинительной деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве ряда зарубежных государств. Рассмотрен подход законодателей исследуемых в статье государств к содержанию дефиниции обвинительной деятельности; отражена специфика нормативной регламентации круга субъектов, осуществляющих обвинительную деятельность; исследованы особенности правового регулирования института привлечения лица в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, обвинительная деятельность, обвинение, уголовное преследование, обвиняемый, подозреваемый, круг субъектов обвинения.

Для цитирования: Малахова А. Е. О некоторых аспектах нормативного регулирования обвинительной деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных зарубежных государств постсоветского пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 114–121.

Original article

**ABOUT SOME ASPECTS OF NORMATIVE REGULATION
OF PROSECUTORIAL ACTIVITY IN THE CRIMINAL PROCEDURAL
LEGISLATION OF SOME FOREIGN STATES
OF THE POST-SOVIET SPACE**

Angelina E. Malakhova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, classisant@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of some issues of normative regulation of prosecutorial activity in the criminal procedural legislation of a number of foreign countries. The approach of legislators of the states considered in the article to the content of the definition of accusatory activity is considered; the specificity of normative regulation of the range of subjects carrying out accusatory activity is reflected; the peculiarities of legal regulation of the institute of bringing a person as an accused are investigated.

Keywords: criminal procedural legislation, accusatory activity, accusation, criminal prosecution, accused, suspect, range of subjects of accusation.

For citation: Malakhova A. E. About some aspects of normative regulation of prosecutorial activity in the criminal procedural legislation of some foreign states of the post-soviet space // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (102). P. 114–121.

В российском уголовно-процессуальном законе отсутствует концепция обвинительной деятельности. Данный факт обусловлен,

в первую очередь, широким содержанием принципа состязательности, провозглашенного ст. 15 Уголовно-процессуального ко-

© Малахова А. Е., 2023

декса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Существование подобного основополагающего начала, пронизывающего все уголовное судопроизводство, как бы исключает возможность нормативного закрепления обвинительной деятельности, констатирующей наличие в процессуальной деятельности отдельных субъектов уголовного процесса обвинительного уклона.

Тем не менее Конституционный и Верховный Суды Российской Федерации в соответствующих решениях неоднократно упоминали термин «обвинительная деятельность». Причем анализ данных решений, проведенный автором статьи, позволил прийти к выводу о том, что данное понятие не может рассматриваться в качестве синонима уголовного преследования. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» от 30 июня 2015 г. № 29¹ содержит положение, в соответствии с которым правом на защиту обладают, в частности, лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, а также лица, права и свободы которых существенно затронуты или могут быть затронуты в связи с осуществляемой в отношении такого лица обвинительной деятельностью. Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О² установлено, что уголовное преследование начинается актом возбуждения уголовного дела и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность.

При этом автор исходит из того, что в

УПК РФ законодателем не используется термин «обвинительная деятельность». Содержание близких по значению, произошедших от общего родового понятия «обвинение» терминов «уголовное преследование» и «обвинение» (аналогичного родовому понятию) изложено законодателем соответственно в п. 55 и п. 22 ст. 5 УПК РФ.

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) от 16 июля 1999 г. № 5-3, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК Республики Казахстан) от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее – УПК Республики Таджикистан) от 3 декабря 2009 г. также не встречается термин «обвинительная деятельность» и, соответственно, отсутствуют разъяснения по его содержанию. Однако уголовно-процессуальные кодексы упомянутых выше государств также, как и УПК РФ, содержат сходные по значению уголовно-процессуальные термины, фактически определяющие содержание обвинительной деятельности, что, по мнению автора, заслуживает особого внимания в связи с некоторыми различиями в интерпретации их содержания в указанных государствах.

Так, п. 17 ст. 6 УПК Республики Беларусь установлено, что под обвинением следует понимать не только утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, установленного уголовным законом, сделанное в порядке, установленном УПК этой Республики (что аналогично определению «обвинения», предусмотренному п. 22 ст. 5 УПК РФ), но и процессуальную деятельность,

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2023).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2023).

осуществляемую стороной обвинения (что демонстрирует разницу во взглядах белорусского и российского законодателей на синонимичность терминов «обвинительная деятельность» и «уголовное преследование»)¹. Термин «уголовное преследование» в соответствии с п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь содержит указание на круг лиц, фактически осуществляющих обвинительную деятельность в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь. К ним относятся: орган дознания, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и частный обвинитель. Кроме того, пунктом 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь к целям уголовного преследования отнесены: установление факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также обеспечение применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения.

Относительно содержания термина «обвинительная деятельность» с учетом его отсутствия в текстах уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Республики Беларусь стоит отметить следующее. Во-первых, в п. 17 ст. 6 УПК Республики Беларусь изложено не только материальное, но и процессуальное содержание термина «обвинение». В процессуальном смысле обвинение есть обвинительная деятельность. В УПК Республики Беларусь «обвинение» в процессуальном смысле имеет самостоятельное значение, автономное от содержания «уголовного преследования». В УПК РФ указанные термины используются как синонимы, что при рассмотрении термина «обвинительная деятельность» в качестве производного от родового аналогичного понятия порождает очевидное противоречие,

описанное автором статьи в иных публикациях ранее [1]. На наш взгляд, следует признать более убедительной и обоснованной по данному вопросу позицию белорусского законодателя. Во-вторых, по мнению автора, некоторые цели уголовного преследования, изложенные в п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь, а именно обеспечение применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние, наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения, в большей мере соответствуют целям обвинения в процессуальном смысле, то есть обвинительной деятельности. На наш взгляд, вышесказанное может быть учтено при описании целей обвинительной деятельности в рамках уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

В УПК Республики Казахстан термины «обвинение» и «уголовное преследование» так же, как и в УПК РФ, употребляются законодателем в качестве синонимов². Однако в соответствии с п. 22 ст. 7 УПК этой Республики целями уголовного преследования, наряду с установлением деяния, запрещенного уголовным законом, совершившего его лица и виновности такого лица в совершении уголовного правонарушения, признается еще и обеспечение такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия. По мнению автора, приведенное определение не вполне однозначно отражает сущность как уголовного преследования, так и обвинения. Может ли целью обвинения в процессуальном смысле являться установление деяния, запрещенного уголовным законом? Объектом обвинительной деятельности («обвинения» в процессуальном смысле) всегда выступает лицо, совершившее преступление, но никак не само деяние, запрещенное уголовным законом.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН ONLINE». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 12.08.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 12.08.2023).

В свою очередь, можно ли рассматривать обеспечение лицу, виновному в совершении преступления, наказания или иных мер уголовно-правового воздействия в качестве самостоятельной цели уголовного преследования? На наш взгляд, обеспечение виновному справедливого наказания выступает частной целью обвинительной деятельности, так как именно содержанием доказанного и обоснованного обвинения преимущественно определяется уголовное наказание.

Стоит обратить внимание также и на тот факт, что пунктом 28 ст. 7 УПК Республики Казахстан предусмотрен термин «государственное обвинение», под которым понимается процессуальная деятельность прокурора в суде первой и апелляционной инстанций, состоящая в доказывании обвинения с целью привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего уголовное правонарушение. По мнению автора, выделение государственного обвинения в качестве особой формы обвинительной деятельности, связанной со специальным субъектом (прокурором) и представляющей из себя обвинительную деятельность в суде первой и апелляционной инстанций, является целесообразным и может быть учтено при формировании концепции обвинительной деятельности в Российской Федерации.

В статье 6 УПК Республики Таджикистан, регламентирующей основные используемые в кодексе понятия и термины, отсутствует не только непосредственно термин «обвинительная деятельность», но и само родовое понятие «обвинение»¹. На наш взгляд, содержание термина «уголовное преследование», регламентированное упомянутой ст. 6 УПК Республики Таджикистан, сочетает в себе характеристики не только уголовного преследования, но и обвинительной деятельности. Так, одной из целей уголовного преследования названо привлечение лица в качестве обвиняемого. По мнению авто-

ра статьи, процессуальная деятельность по реализации института привлечения лица в качестве обвиняемого представляет собой составную часть обвинительной деятельности. На наш взгляд, выделение привлечения лица в качестве обвиняемого как самостоятельная цель обвинительной деятельности вполне обоснованно и может быть учтено при формировании законодательного определения обвинительной деятельности в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Заслуживает отдельного внимания и вопрос, связанный с кругом субъектов, фактически осуществляющих обвинительную деятельность в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством рассматриваемых государств.

В Российской Федерации обвинительная деятельность может осуществляться тремя группами субъектов:

- лицами, на которых законодателем возложена обязанность осуществления уголовного преследования, то есть прокурором, руководителем следственного органа, следователем и дознавателем;

- лицами, правомочными участвовать в осуществлении уголовного преследования, то есть потерпевшим, его законным представителем и представителем;

- лицами, полномочия которых позволяют осуществлять процессуальную деятельность по изобличению лица, виновного в совершении преступления, то есть органом дознания, начальником органа дознания и начальником подразделения дознания.

Как уже было сказано выше, определение термина «уголовное преследование», содержащееся в п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь, включает перечень субъектов, осуществляющих его. Однако нами уже был сделан вывод о том, что указанное определение не в полной мере отражает содержание обвинительной деятельности в уголов-

¹ О принятии и введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 // Национальный центр законодательства при президенте Республики Таджикистан. URL: <http://ncz.tj/content/уголовно-процессуальный-кодекс-республики-таджикистан> (дата обращения: 12.08.2023).

ном судопроизводстве данной Республики, в особенности с учетом наличия другого нормативного термина «обвинение», изложенного в п. 17 ст. 6 УПК Республики Беларусь, в частности, и в процессуальном смысле. Указанной нормой установлено, что обвинение (процессуальную деятельность) осуществляет сторона обвинения. В соответствии с п. 40 ст. 6 УПК Республики Беларусь к стороне обвинения относятся: государственный обвинитель, потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец и их представители. По мнению автора статьи, полноценный вывод о круге лиц, фактически осуществляющих обвинительную деятельность в уголовном процессе этой Республики, можно сделать, только принимая во внимание дефиниции обоих рассматриваемых терминов. Обвинительная деятельность – это один из вариантов развития уголовного преследования, реализуемый специальными субъектами с момента, когда в ходе производства по уголовному делу появляется лицо, обоснованно заподозренное в совершении преступления. Обоснованность подозрения – оценочная категория, ее критерии весьма условны и субъективны. Обвинительная деятельность в этой связи продолжает реализовываться теми же субъектами, которыми осуществлялось уголовное преследование.

Например, следователь, осуществляющий уголовное преследование конкретного лица, уполномочен привлечь такое лицо в качестве обвиняемого, как в соответствии с УПК РФ, так и УПК Республики Беларусь. Указанное основание само по себе служит критерием отнесения следователя к кругу субъектов обвинительной деятельности. Необходимо также отметить, что прокурор в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь является субъектом обвинительной деятельности и вне реализации им функций государственного обвинителя, о чем свидетельствуют полномочия, возложенные на прокурора в ст. 34 УПК указанной Республики (в частности, право возбуждения в отношении лица уголовного дела, право принятия уголовного дела к своему

производству и расследования его в полном объеме с использованием полномочий следователя и т. д.).

Пунктом 22 ст. 7 УПК Республики Казахстан установлено, что уголовное преследование и обвинение осуществляются стороной обвинения. В соответствии с п. 2 ст. 7 УПК данной Республики к стороне обвинения относятся: орган уголовного преследования, потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец и их законные представители и представители. Пунктом 23 ст. 7 указанного УПК к органам уголовного преследования отнесены прокурор (государственный обвинитель), следователь, орган дознания, дознаватель. Таким образом, полномочиями, связанными с осуществлением обвинительной деятельности в уголовном процессе Республики Казахстан, обладают все вышеперечисленные субъекты. По нашему мнению, интересным представляется тот факт, что, как и в Республике Беларусь, полномочиями по осуществлению обвинительной деятельности обладает гражданский истец. В отличие от российского уголовного процесса, такими полномочиями не наделен начальник следственного отдела (руководитель следственного органа) и начальник органа дознания. По мнению автора статьи, данный подход может быть учтен в процессе нормативной регламентации субъектов обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве России, так как представляется наиболее целесообразным. На наш взгляд, субъекты уголовного процесса, наделенные полномочиями по процессуальному ведомственному контролю, не должны одновременно владеть полномочиями по осуществлению обвинительной деятельности. Подобная ситуация, по мнению автора, может послужить основой для злоупотребления рассматриваемыми субъектами своими полномочиями ввиду отсутствия вышестоящих органов процессуального ведомственного контроля.

Ст. 6 УПК Республики Таджикистан устанавливает, что субъектами уголовного преследования являются прокурор, следователь и дознаватель. Указанной нормой

установлено также, что к стороне обвинения относятся прокурор (государственный обвинитель), потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец, законные представители и представители потерпевшего и гражданского истца. В данном случае, логичным был бы вывод о том, что субъектами обвинительной деятельности являются вышеперечисленные лица, однако, на наш взгляд, этот перечень нуждается в дополнении органом дознания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 40 УПК данной Республики орган дознания осуществляет дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, производит предварительное следствие в случаях, установленных указанным УПК. Такие полномочия (в частности) составляют содержание обвинительной деятельности, в связи с чем орган дознания фактически является субъектом обвинительной деятельности.

Сравнительный анализ норм, регламентирующих порядок привлечения лица в качестве обвиняемого в Российской Федерации, Республиках Беларусь и Таджикистан, позволяет заключить, что указанные нормы, за некоторыми исключениями, идентичны.

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве рассматривается зачастую как «реперная точка» уголовного преследования. Однако на наш взгляд, данный правовой институт представляет собой «реперную точку» именно обвинительной деятельности. Профессор С. Б. Россинский подчеркивает, что реперной точкой уголовного преследования является скорее обвинительное заключение, – детерминант производства в суде первой инстанции [2, с. 104], с чем, по мнению автора, необходимо согласиться, так как содержание уголовного преследования гораздо шире содержания обвинительной деятельности. Кроме того, обвинительная деятельность представляет собой этап уголовного преследования, основной целью которого является придание обоснованно подозреваемому в совершении преступления лицу процессуального статуса обвиняемого.

Целью уголовного преследования в целом являются установление обстоятельств, характеризующих виновность лица в совершении преступления, и решение на этой основе вопроса о том, может ли обвиняемый предстать перед судом для установления его виновности. Одним из вариантов завершения уголовного преследования действительно является обвинительное заключение.

Аналогичная ситуация сложилась в Республиках Беларусь и Таджикистан. В данной связи особенно интересным представляется подход законодателя Республики Казахстан, превратившего институт привлечения лица в качестве обвиняемого из «реперной точки» в «финальный аккорд» обвинительной деятельности. Так, в соответствии с п. 1 ст. 65 УПК данной Республики обвиняемым признается лицо, в отношении которого прокурором составлен обвинительный акт. Согласно п. 1 ст. 302 УПК Республики Казахстан прокурор составляет обвинительный акт по результатам изучения материалов уголовного дела. Таким образом, институт привлечения лица в качестве обвиняемого, представляя собой «рудимент» уголовного судопроизводства, приобрел принципиально новое содержание в уголовном процессе Республики Казахстан. По мнению автора, данный институт в уголовном процессе России нуждается в переосмыслении и реформировании, для чего отечественным законодателем должен быть подробно проанализирован и учтен опыт Республики Казахстан по данному вопросу. Об этом неоднократно высказывался в своих публикациях профессор Б. Я. Гаврилов [3; 4; 5].

Таким образом, автором статьи предлагаются к осмыслению следующие выводы:

1. Что касается определения термина «обвинительная деятельность» и фактического содержания данного вида процессуальной деятельности, необходимо учесть имеющийся по данному вопросу положительный опыт Республик Беларусь, Казахстан и Таджикистан. Так, на наш взгляд, необходимо нормативно разграничить содержание терминов «обвинительная дея-

тельность» (обвинение в процессуальном смысле) и «уголовное преследование». Такое разграничение возможно, в частности, за счет конкретного разграничения целей двух видов процессуальной деятельности. К целям обвинительной деятельности следует отнести привлечение лица, совершившего преступление, в качестве обвиняемого, а также обеспечение юридических условий для назначения такому лицу справедливого наказания или иных мер уголовно-правового характера. Учитывая все вышесказанное, необходимо также отметить и тот факт, что автором статьи в июле – августе 2023 года проводилось анкетирование следователей (150 респондентов), дознавателей (150 респондентов), руководителей следственных органов (80 респондентов), сотрудников органа дознания (100 респондентов), начальников органа и подразделения дознания (соответственно 50 и 70 респондентов), то есть лиц, имеющих полномочия по осуществлению обвинительной деятельности. Результаты анкетирования показали: 78 % респондентов убеждены, что обвинительная деятельность не может рассматриваться в качестве синонима уголовного преследования, а значит, требует законодательного закрепления с определением дефиниции понятия и цели рассматриваемой деятельности. 7 % респондентов считают, что обвинительная деятельность – синоним уголовного преследования и потому не нуждается в дополнительной нормативной регламентации. По мнению 15 % респондентов, обвинительная деятельность представляет собой этап

уголовного преследования, обладающий специфическими особенностями, в связи с чем требует нормативной регламентации, в частности, его цель.

2. Внимания заслуживают и отдельные нормативные положения, регулирующие круг субъектов, фактически осуществляющих обвинительную деятельность в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством рассматриваемых государств. Так, на наш взгляд, целесообразным представляется отнесение законодателями Республик Беларусь и Казахстан к субъектам обвинения в процессуальном смысле (обвинительной деятельности) гражданского истца. Имеющиеся в соответствии со ст. 53 УПК Республики Беларусь, ст. 73 УПК Республики Казахстан права гражданского истца, в частности, право на предоставление доказательств, позволяют ему фактически влиять на процессы формирования специальными субъектами обвинения (в материальном смысле) в отношении лица, совершившего преступление, проверки его обоснованности, а также участвовать в рассмотрении обвинения в судебном порядке. По мнению автора статьи, вышесказанное может быть учтено при определении круга субъектов обвинительной деятельности в уголовном процессе России.

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого, по мнению многих современных российских ученых-процессуалистов нуждающийся в реформировании, на наш взгляд, также может быть пересмотрен с учетом опыта, имеющегося в Республике Казахстан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малахова А. Е. К вопросу о понятии «обвинительная деятельность» // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 121–126.
2. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «Реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юрист-Правовед. 2021. № 4 (99). С. 100–105.
3. Гаврилов Б. Я. Институт предъявления обвинения: генезис, современное состояние, перспективы развития // Публичное и частное право. 2019. № 3 (43). С. 157–170.
4. Гаврилов Б. Я. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. 2018. № 4 (88). С. 57–61.

5. Гаврилов Б. Я. Институт предъявления обвинения в условиях реформирования российского уголовного процесса // Публичное и частное право. 2018. № 1 (37). С. 150–160.

REFERENCES

1. Malakhova A. E. On the question of the concept of “accusatory activity” // Criminal process and forensics: theory, practice, didactics: a collection of materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. P. 121–126. (In Russ.)
2. Rossinsky S. B. Attracting as the accused: the “refereal point” of criminal prosecution or the result of the preliminary investigation? // lawyer-legalist. 2021. No. 4 (99). P. 100–105. (In Russ.)
3. Gavrilov B. Ya. The Institute of the Protective: Genesis, Current Status, Development Prospects // Public and Private Law. 2019. No. 3 (43). P. 157–170. (In Russ.)
4. Gavrilov B. Ya. Myths and the realities of the institute of charges: does Russian pre-trial production need it? // Judge. 2018. No. 4 (88). P. 57–61. (In Russ.)
5. Gavrilov B. Ya. The Institute of the Correspondence in the context of reforming the Russian criminal process // Public and Private Law. 2018. No. 1 (37). P. 150–160. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 06.10.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted for publication 17.11.2023.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ
КАК ФОРМА ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НАДЗОРА
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА****Виктор Александрович Нагорный**Прокуратура Ленинского района г. Ульяновска (Ульяновская область),
Ульяновск, Россия, viktor_nagor@mail.ru

Аннотация. Стремительные процессы реформирования приоритетных направлений прокурорской деятельности обострили проблемы противоречивости нормативной правовой базы, регламентирующей полномочия прокурора вне уголовно-процессуальной сферы, а также зачастую неготовности законодателя своевременно и оперативно реагировать на возникающие вызовы.

Несмотря на относительно значительное по времени действие указанных в пункте 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации полномочий, механизм их реализации до настоящего времени не выработан и адекватного сложившейся потребности отражения в уголовно-процессуальном законодательстве не получил.

В настоящей статье автором предпринята попытка исследовать межотраслевой характер постановления прокурора об уголовном преследовании как акта прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: прокурорский надзор, постановление прокурора в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, полномочия прокурора вне уголовно-процессуальной сферы.

Для цитирования: Нагорный В. А. Постановление прокурора об уголовном преследовании как форма прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 122–129.

Original article

**PROSECUTOR'S RESOLUTION ON CRIMINAL PROSECUTION
AS A FORM OF PROSECUTOR'S RESPONSE IN SUPERVISION OVER
THE OBSERVANCE OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS****Victor A. Nagorny**Prosecutor's Office of Leninsky District of Ulyanovsk (Ulyanovsk Region),
Ulyanovsk, Russia, viktor_nagor@mail.ru

Abstract. The increasingly fast reformatting of priority areas in prosecutorial activity has brought to the fore the issues of inconsistencies in the regulatory framework which specifies the powers of the prosecutor outside the criminal procedure sphere, as well as unpreparedness of the legislator to promptly respond to emerging challenges.

Despite the relatively long-term effect of the powers specified in paragraph 2 of part 2 of Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the mechanism of their implementation has not been sufficiently developed and adequately reflected in the respective legislation.

This paper attempts to research into the intersectoral nature of the prosecutor's decision on criminal prosecution as an act of the prosecutor's response in supervision over the implementation of laws and observance of human and civil rights and freedoms.

Keywords: prosecutor's supervision, prosecutor's resolution in accordance with paragraph 2 of part 2 of Art. 37 of the Russian Criminal Procedure Code, powers of the prosecutor outside the criminal procedure sphere.

For citation: Nagorny V. A. Prosecutor's resolution on criminal prosecution as a form of prosecutor's response in supervision over the observance of human and civil rights and freedoms // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (102). P. 122–129.

В современных условиях развития отечественной законодательной базы, сопровождающегося, по справедливому замечанию профессора В.Н. Григорьева, радикальными формами его легального совершенствования, и назревшей необходимости в разработке новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1, с. 64], вопрос о функциях и полномочиях органов прокуратуры остается нерешенным.

По-прежнему в научной литературе полемизируется проблема возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела, утраченных в связи с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»»¹ (далее – Федеральный закон № 87-ФЗ).

При сопоставлении возможностей прокурора для отраслей функции прокурорского надзора, указанных в главах I и II раздела 3 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»² (далее – Закон о прокуратуре), открытым остается вопрос о наличии у него полномочий по инициированию уголовного преследования по результатам надзора за исполнением законов. При определении полномочий прокурора в данных сферах законодателем использованы как отсылоч-

ные нормы (аб. 4 ч. 1 ст. 27), так и указано «экслюзивное» по своей сути право, применимое только при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 27).

Между тем анализ организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует о расширительном толковании предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) полномочия прокурора и необходимости его применения при осуществлении надзора за исполнением законов.

К примеру, согласно п. 3.18 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов»³ прокурорам при осуществлении соответствующих функций и наличии оснований необходимо реализовывать полномочия по направлению постановлений об уголовном преследовании в органы предварительного расследования.

При этом глава 1 раздела III Закона о прокуратуре, посвященная надзору за исполнением законов, не содержит соответствующих полномочий прокурора по инициированию преследования нарушителей уголовного закона, а положения ч. 2 ст. 22

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

² О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 марта 2019 г. № 192 // Законность. 2019. № 5.

этого же законодательного акта исключают возможность прокурора требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к уголовной ответственности.

Несмотря на это, контекстуальные обстоятельства применения исследуемого акта прокурорского реагирования, специфика, связанная с его правовой регламентацией исключительно уголовно-процессуальным законом, использующим законодательно выверенные формулировки (но не лишённые при этом недостатков) при характеристике и описании любого процессуального действия участников уголовного судопроизводства, до сих пор остаются малоизученными.

По нашему мнению, наблюдаемое до сих пор игнорирование обозначенных противоречий непосредственно обнажает проблему обоснованности рассмотрения прокурорского постановления об уголовном преследовании в качестве акта прокурорского реагирования, выносимого по результатам надзорных мероприятий за исполнением законов.

Действующее законодательство не содержит дефиниции актов прокурорского реагирования, их признаков и классификации. В научной литературе нередко встречается дискуссия о допустимости использования подобной терминологии и соотношении актов прокурорского реагирования и актов прокурорского надзора [2, с. 26]. И хотя данный спор лишен утилитарного значения, отметим, что более удачным представляется использовать термин «акт прокурорского реагирования» как результат надзорных (либо проверочных) мероприятий, проводимых прокурором.

Среди представителей доктрины сформирован широкий пласт научных подходов к определению акта прокурорского реагирования. Не претендуя на всеобъемлемость и всесторонность исследования обозначенной проблемы, по нашему мнению, исходя из лингвистического анализа, акт прокурорского реагирования – это, прежде всего, выраженное в письменной форме правовое средство реализации прокурором своих полномочий, вытекающих из его функций, при-

меняемое в целях устранения нарушений закона, предупреждения правонарушений и (или) привлечения виновных в их совершении лиц к установленной законом ответственности.

Анализ научных трудов представителей уголовно-процессуальной доктрины, использующих различные подходы к конкретизации и дифференциации юридических терминов [3, с. 51], позволил выделить следующие ключевые признаки актов прокурорского реагирования:

- 1) письменная форма;
- 2) императивный характер, связанный с обязанностью должностного лица органа (организации), которому адресован акт прокурорского реагирования, рассмотреть изложенные в нем доводы и проинформировать прокурора о принятых мерах;
- 3) мотивированность, то есть необходимость правового обоснования сделанных в акте прокурорского реагирования выводов о допущенных нарушениях закона или рисках их нарушения при совершении в последующем юридически значимых действий;
- 4) формальная (правовая) определенность, означающая, что право применения того или иного акта прокурорского реагирования, его наименования, основания внесения прямо следуют из полномочий прокурора, указанных в законе;
- 5) индивидуально-определенный и адресный характер, означающий, во-первых, что акты прокурорского реагирования адресуются лицам, уполномоченным на их рассмотрение, а также (в зависимости от вида правового средства) на принятие мер к устранению указанных в них нарушений закона;

6) цель применения: устранение нарушений закона, предупреждение совершения правонарушений и (или) привлечение виновных в их совершении лиц к установленной законом ответственности.

По нашему мнению, в ходе рассмотрения акта прокурорского реагирования как правового средства реализации прокурором своих полномочий принципиально важное значение при его характеристике имеет цель

его применения, поскольку в противном случае под данное понятие будут подпадать любые доступные прокурору формы реализации его полномочий, указанные, к примеру, в ч. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре.

Представляется не обоснованным требованием закона утверждение А. В. Майорова и С. А. Литовченко о том, что целью всех актов прокурорского реагирования является в том числе устранение нарушений закона [4, с. 50], поскольку при подобном подходе исключается превентивный характер предостережения о недопустимости нарушений закона (ст. 25.1 Закона о прокуратуре). По справедливому замечанию Л. М. Котовой и А. А. Великого, помимо полномочий по выявлению нарушений законов, прокурор также наделен полномочиями по их устранению и предупреждению [5, с. 239].

Примечательно, что для правовой регламентации полномочий органов прокуратуры вне уголовно-процессуальной сферы характерно их «рассредоточение» по совершенно различным нормативным правовым актам. К примеру, несмотря на то, что в силу ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации¹ полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом (здесь, очевидно, подразумевается Закон о прокуратуре), ст. 77 Налогового кодекса Российской Федерации² предусмотрено полномочие прокурора по санкционированию действий налогового органа по аресту имущества налогоплательщика.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³ (далее – Закон № 114-ФЗ) прокурор наде-

лен таким инструментарием прокурорского воздействия, как вынесение предупреждений о недопустимости осуществления экстремистской деятельности общественными организациями (ст. 7), распространения экстремистских материалов через средство массовой информации (ст. 8), а также правом принятия решения о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения (ст. 10).

Рассматривая такое постановление прокурора об уголовном преследовании, как акт прокурорского реагирования, следует констатировать, что в научной литературе отсутствует единство взглядов в вопросе классификации реализуемых прокурором правовых средств. Большинство ученых прокурорское постановление в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ не удостоивается самостоятельной классификации в системе «общенадзорных» актов прокурорского реагирования.

К примеру, Т. П. Кесареева в системе актов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов выделяет протест, представление, предостережение, требование, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, иск, информацию, жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации, а также предупреждение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (ст.ст. 7 и 8 Закона № 114-ФЗ) и решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения (ст. 10 Закона № 114-ФЗ) [6, с. 7].

При этом, несмотря на то, что в данной классификации используются как прямо

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

² Налоговый кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

³ О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

предусмотренные Законом о прокуратуре акты прокурорского реагирования, так и содержащиеся в иных законодательных актах, постановление прокурора в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ автором в представленной классификации не рассматривается вовсе.

Е. Р. Ергашев и Е. А. Габышева, выстраивая иерархическую систему правовых средств прокурора, среди прочего классифицируют акты прокурорского реагирования по сфере применения на общие и специальные, а по характеру – на предупредительные, пресекательные и карательные [7, с. 41] (без детализации последних).

Рассмотрение классификаций позволяет сделать заключение о том, что с учетом предусмотренных ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) целей уголовного наказания мотивированное прокурорское постановление в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, направленное на привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, как акт применения уголовного закона не имеет безупречной классификации. В частности, исходя из восстановления социальной справедливости как одной из целей уголовного наказания, объективно отнесение постановления прокурора об уголовном преследовании к числу «карательных» актов прокурорского реагирования, применяемых в том числе в рамках надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Между тем с учетом такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений, имеются все основания классифицировать исследуемое прокурорское постановление одновременно в качестве предупредительного акта прокурорского реагирования. По мнению Е. Л. Никитина, данное правовое средство применения уголовного закона является актом прокурорского реагирования, направленным на привлечение виновного лица к уголовной ответственности, и подлежит применению во всех отраслях прокурорского надзора в соответствии с ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре [8].

С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Красноречивой иллю-

страцией непоследовательности законодателя в правовой регламентации полномочий прокурора в различных отраслях прокурорского надзора является неопределенность в вопросе о наличии у прокурора права выносить мотивированное постановление об уголовном преследовании по результатам проверок исполнения законов поднадзорными органами, организациями и их должностными лицами.

До 2007 года прокурор в рамках надзора за исполнением законов (глава 1 раздела III Закона о прокуратуре) и соблюдением прав и свобод человека и гражданина (глава 2 раздела III Закона о прокуратуре) обладал одинаковыми полномочиями по возбуждению уголовного дела (ч. 2 ст. 22 и ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре в предыдущих редакциях). Однако Федеральным законом № 87-ФЗ законодатель исключил право прокурора возбуждать уголовное дело. При этом остальные положения ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре (о требовании прокурором привлечения нарушителей закона к иной установленной законом ответственности – очевидно, речь идет о дисциплинарной ответственности) изменениям не подверглись, в связи с чем, по нашему мнению, на протяжении последних 16 лет остается открытым вопрос о праве прокурора требовать привлечения к уголовной ответственности виновных лиц в рамках прокурорского надзора за исполнением законов.

Как следствие, в доктрине уголовно-процессуального права мотивированное постановление прокурора об уголовном преследовании как правовое средство реагирования на выявленные нарушения уголовного закона рассматривается исключительно в контексте ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре, в которой хотя и говорится о принятии прокурором мер к инициированию уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступления, посягающие на права и свободы человека и гражданина, однако прямо не предусмотрено.

Таким образом, в настоящее время сложилась потребность в правовой имплементации существующих де факто механизмов

реализации прокурором полномочий по направлению мотивированных постановлений об уголовном преследовании в рамках надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Закон о прокуратуре. Как неоднократно отмечалось Конституционным Судом Российской Федерации, приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным, в том числе в случаях, когда в других законодательных актах устанавливаются те или иные дополнительные гарантии прав и свобод¹.

Примечательно, что в научной литературе зачастую не рассматривается иной аспект исследуемой проблематики. В частности, это касается ситуации, когда прокурор, не вынося непосредственно предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановления, инициирует направление материалов проверки либо вовсе информации о результатах надзорного мероприятия в органы предварительного расследования для их последующей регистрации в книге учета сообщений о преступлениях и проверки в порядке, предусмотренном статьями 144–145 УПК РФ.

При подобном «формате» межведомственного взаимодействия поступившая из органов прокуратуры информация отвечает признакам сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

К примеру, прокурором Ленинского района г. Ульяновска по результатам проведенной проверки исполнения руководством коммерческой организации требований трудового законодательства и соблюдения прав граждан на оплату труда в связи с отсутствием достаточных оснований для вынесения постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ собранные материалы проверки направлены в Следственный отдел по Заволжскому

району г. Ульяновска для организации доследственной проверки на предмет наличия признаков преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. По результатам проверки органом предварительного расследования возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

Подобного рода информирование правоохранительных органов, равно как и вынесение постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, могут рассматриваться в качестве одной из форм реализации предусмотренного ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре полномочия. Примечательно, что и в том и в другом случае как сообщение, так и прокурорское постановление, подлежат рассмотрению в общем порядке с той лишь разницей, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора может быть принято только с согласия руководителя следственного органа. В таких условиях стирается и без того не лишняя ряда условностей необходимость выделения прокурорского постановления в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела, не гарантированного обязательностью его исполнения.

На основании изложенного представляются обоснованными следующие выводы.

1. Акт прокурорского реагирования – это выраженное в письменной форме правовое средство реализации прокурором своих полномочий, вытекающих из его функций, применяемое в целях устранения нарушений закона, предупреждения правонарушений и (или) привлечения виновных в их совершении лиц к установленной законом ответственности.

2. Ключевыми признаками актов прокурорского реагирования являются: письменная форма, императивный характер, мотивированность, формальная (правовая)

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

определенность, индивидуально-определенный и адресный характер, цель применения (внесения).

3. Мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства – разновидность актов (форм) прокурорского реагирования, применяемых прокурором в рамках надзора за исполнением законов и (или) соблюдением прав и свобод человека и гражданина в целях предупреждения на-

рушений уголовного закона и (или) привлечения виновных в их совершении лиц к уголовной ответственности.

4. Несмотря на широкое применение вне уголовно-процессуальной сферы, исследуемый акт прокурорского реагирования не нашел отражения в Законе о прокуратуре. Вместе с внесенными Федеральным законом № 87-ФЗ изменениями, исключившими право прокурора возбуждать уголовное дело, предусмотренное п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочие не было синхронизировано с положениями Закона о прокуратуре (главы I и II раздела 3).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьев В. Н. Назрела необходимость в разработке новой редакции УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 62–64.
2. Любезнова О. И. Соотношение актов прокурорского надзора и актов прокурорского реагирования // Законность и правопорядок. 2017. № 1-2 (16). С. 26–28.
3. Кесарева Т. П. К вопросу о систематизации актов прокурорского реагирования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3 (71). С. 49–53.
4. Майоров А. В., Литовченко С. А. Теоретические основы прокурорского надзора за исполнением законов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. Вып. 1. С. 49–53.
5. Котова Л. М., Великий А. А. Полномочия прокурора и формы прокурорского реагирования на нарушение закона // Социальное управление. 2021. Том. 3. Вып. 4. С. 237–244.
6. Кесарева Т. П. Акты прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: учебное пособие. Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2019. 120 с.
7. Ергашев Е. Р., Габышева Е. А. Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 38–44.
8. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин и др. Москва: РУСАЙНС, 2019. 268 с.

REFERENCES

1. Grigoriev V. N. There is a need to develop a new edition of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2. P. 62–64. (In Russ.)
2. Lyubeznova O. I. Correlation between acts of prosecutorial supervision and acts of prosecutorial response // Legality and legal order. 2017. No. 1-2 (16). P. 26–28. (In Russ.)
3. Kesareeva T. P. On the issue of systematization of acts of prosecutorial response // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. No. 3 (71). P. 49–53. (In Russ.)
4. Mayorov A. V., Litovchenko S. A. Theoretical foundations of prosecutorial supervision over the implementation of laws // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5. Issue. 1. P. 49–53. (In Russ.)
5. Kotova L. M., Velikiy A. A. Powers of the prosecutor and forms of prosecutorial response to violation of the law // Social management. 2021. Vol. 3. Issue. 4. P. 237–244. (In Russ.)
6. Kesareeva T. P. Acts of prosecutorial response when supervising the implementation of laws and the legality of legal acts: training manual. University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2019. 120 p. (In Russ.)

7. Ergashev E. R., Gabysheva E. A. Legal means of the prosecutor: problems of comprehension, application and legal regulation // Russian law: education, practice, science. 2018. No. 5. P. 38–44. (In Russ.)

8. Means of prosecutorial activity: problems of theory and practice: monograph / O. N. Korshunova, V. V. Lavrov, E. L. Nikitin and others. Moscow: RUSAINS, 2019. 268 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 808.5:34:378.016

**ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ЮРИСТОВ
ПУБЛИЧНОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ**

Зиля Вагизовна Баишева

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
zbaisheva@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0005-8053-7733

Аннотация. В статье рассматривается один из важных компонентов коммуникативной подготовки будущих юристов – обучение мастерству публичной речи. Автор делится своим опытом организации учебного процесса по развитию у студентов умений и навыков публичного выступления. Подчеркивается важность совместных усилий всех преподавателей вуза, направленных на развитие у студентов соответствующих коммуникативных навыков. Делается вывод о необходимости создания эффективной методики обучения публичному выступлению в юридическом вузе на основе практических разработок специалистов, имеющих успешный опыт преподавания ораторского мастерства.

Ключевые слова: публичная речь, коммуникативная подготовка юриста, коммуникативные умения и навыки, юридическая риторика, методика обучения публичному выступлению.

Для цитирования: Баишева З. В. Обучение студентов – будущих юристов публичному выступлению // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 130–136.

Original article

**PUBLIC SPEECH TRAINING OF STUDENTS –
FUTURE LAWYERS**

Zilya V. Baisheva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
zbaisheva@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0005-8053-7733

Abstract. The article discusses one of the important components of the communicative training of future lawyers – teaching public speaking skills. The author shares her experience in organizing the educational process to develop students' public speaking skills. The importance of joint efforts of all university teachers aimed at developing students' appropriate communication skills is emphasized. The conclusion is made about the need to create an effective methodology for teaching public speaking at a law school based on the practical developments of specialists with successful experience in teaching public speaking.

Keywords: public speech, lawyer's communicative training, communication skills, legal rhetoric, methods of teaching public speaking.

For citation: Baisheva Z. V. Public speech training of students – future lawyers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 130–136.

Сегодня совершенно очевидна обусловленность успешной профессиональной деятельности юриста степенью владения им определенными коммуникативными навы-

ками. Нотариус, судья, прокурор, адвокат, следователь, юрисконсульт и т. п. должны быть профессиональными коммуникантами, так как большую часть своего профессио-

нального времени они общаются с людьми – разъясняют, доказывают, убеждают, задают вопросы, ведут переговоры и др. Для достижения целей общения юристу необходим ряд коммуникативных умений и навыков.

В процессе подготовки будущих юристов в настоящее время особое внимание уделяется коммуникативной составляющей. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция указано, что в результате освоения программы бакалавриата выпускник должен быть «способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах»; а также «способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики»¹.

К важнейшим коммуникативным навыкам, которыми должен владеть каждый юрист, относятся, в частности, умение и навык говорить перед множеством слушателей, грамотно, понятно, логично, аргументированно выражать свои мысли. При этом важно уметь говорить самостоятельно, то есть построить свое выступление, выбрать стратегию, наиболее способствующую достижению коммуникативной цели, уметь быть убедительным, использовать наиболее эффективные в конкретной ситуации приемы убеждения. Особо отметим умение говорить «без бумажки», то есть без опоры на письменный текст, свободно формулировать свои мысли, высказывать свое мнение связно, целостно.

И. И. Голованова справедливо отмечает, что «умение выступать публично <...> стало необходимым навыком в современном мире» [1, с. 7]. Однако «к сожалению, нередко самое блестящее содержание тонет под невыразительным выступлением. Страх

перед аудиторией, скованность, нервозность знакомы многим. А некоторые спикеры начинают испытывать сложности еще на этапе подготовки» [1, с. 7]. Сказанное в полной мере относится и к юристам.

Проблема коммуникативной подготовки будущих юристов постоянно находится в центре внимания исследователей [см., например: 2; 3; 4; 5; 6 и др.]. Освещаются также вопросы обучения будущих юристов публичному выступлению [см.: 7; 8; 9; 10 и др.]. Однако в основном это учебная литература для студентов юридических вузов. Недостаточно работ методического плана. Необходима разработка эффективной методики обучения студентов – будущих юристов мастерству публичного выступления. Таким образом, актуальность нашего исследования определяется, с одной стороны, значимостью коммуникативной подготовки будущих юристов, с другой, – необходимостью разработки методики обучения студентов юридических вузов публичной речи.

Овладение обучаемыми названными выше умениями и навыками должно осуществляться в рамках изучения различных дисциплин на протяжении всех лет обучения в вузе. Основной объем соответствующих знаний и умений по созданию и произнесению публичных выступлений студенты получают в процессе освоения таких дисциплин, как «Русский язык и культура речи», «Риторика для юристов», «Основы судебного красноречия», «Профессиональные коммуникации юриста» и т. п. При этом перед преподавателем стоит задача не только дать будущим юристам теоретические знания о публичной речи, ораторском мастерстве, но и показать важность этих знаний, формируемых на их основе умений и навыков для их будущей профессиональной деятельности.

Рассмотрим возможный вариант организации процесса обучения публичному

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 г. № 1011 // Федеральные государственные образовательные стандарты: сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/> (дата обращения: 02.09.2023).

выступлению на примере изучения дисциплины «Юридическая риторика (Судебное красноречие)». Обучение должно осуществляться поэтапно, последовательно от теории к практике, от простого к сложному. Вначале обучающимся следует освоить знания об основных понятиях риторики и судебного красноречия, разновидностях публичной речи, назначении и характерных особенностях судебной речи как жанра ораторского искусства; о способах и методах аргументации (логические и психолого-риторические основы убеждения в публичной (судебной) речи); об этических требованиях, предъявляемых к судебному выступлению; речевых средствах логичности и воздействия, применяемых в ораторском выступлении, в частности, в судебной речи.

Студенты обязательно должны получить знания об истоках судебного красноречия, познакомиться с учениями об ораторском искусстве Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона; с традициями отечественной риторики (учением о красноречии М. В. Ломоносова; М. М. Сперанского; Н. Ф. Кошанского); изучить творческое наследие талантливых российских судебных ораторов начиная со второй половины XIX века и до наших дней. Особо подчеркиваем необходимость изучения истории становления и развития судебного красноречия, так как именно с античной риторической классики берет свое начало и отечественная риторика, и изучение выступлений лучших ораторов прошлого, применяемых ими ораторских приемов будет способствовать развитию ораторского мастерства обучаемых.

Второй этап обучения представляет собой реализацию полученных теоретических знаний в практические умения по подготовке и произнесению грамотной, аргументированной и доходчивой публичной речи: умение строить свою речь целесообразно и логично, точно и убедительно выражать свои мысли; свободно общаться на профессиональные темы на русском языке; выступать с убедительной публичной (судебной) речью, при этом уметь корректировать форму и тактику речи в соответствии с интереса-

ми и настроением аудитории; использовать в судебной речи логические и риторические аргументы, а также этикетные формулы в соответствии с условиями коммуникативной ситуации, доказывать свою позицию по исследуемому вопросу; оказывать речевое воздействие на слушателей, управлять вниманием аудитории.

Эти умения вырабатываются в ходе выполнения различных заданий и упражнений. При этом начинать следует с простых заданий и постепенно их усложнять. В качестве примера приведем задания по усвоению логической составляющей публичного (судебного) выступления: 1) даются фрагменты разных видов публичных речей, предлагается установить, какой формально-логический закон (закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания) применен в каждом случае; более сложное задание – определить, какой закон формальной логики нарушен; 2) в данных фрагментах публичных выступлений определить тип умозаключения (индуктивное, дедуктивное, по аналогии) и найти ошибку (если она есть); 3) определить, какая логическая ошибка допущена в данном тексте (после того, значит вследствие того, частичная подмена тезиса, недостаток аргументов, потеря тезиса, круг в доказательстве / порочный круг) и т. п.

Такие задания дают студентам возможность увидеть, как на практике применяются логические законы, как строится логическое доказательство, проанализировать и запомнить практические примеры и самим в ходе исправления найденных ошибок поупражняться в применении логических законов, логических схем доказательства в речи по конкретной ситуации.

Развитию умения рассуждать, высказывать свое мнение и отстаивать его способствуют задания следующего типа: прочитайте данный текст и выскажите свое мнение по теме (предлагается фрагмент из произведения какого-либо известного автора. Например, при изучении вопросов этики речевого поведения судебного оратора можно предложить познакомиться с главой

«О нравственной свободе оратора» из книги П. С. Пороховщикова «Искусство речи на суде»); подготовьте монолог на данную тему, аргументируйте свою позицию и т. п.

Научиться последовательно излагать свои мысли с использованием вопросно-ответной формы коммуникации помогут следующие задания: 1) проанализируйте данные фрагменты допросов из книги П. С. Пороховщикова «Уголовная защита», выскажите свое мнение об эффективности коммуникации в каждом диалоге; 2) используя указанные данные (предлагаются материалы настоящего уголовного дела), сформулируйте вопросы, подготовьтесь к допросу потерпевшего; свидетеля и т. п.; 3) любое задание, в котором требуется высказать свое мнение по какому-либо вопросу.

Усвоению требований этики речевого поведения оратора и выработке привычки соблюдать этические правила способствуют такие задания: 1) прочитайте данное судебное выступление (указывается конкретная обвинительная или защитительная речь) и проанализируйте его с точки зрения этики речевого поведения соответственно обвинителя, адвоката; 2) выскажите свое мнение о речевом поведении прокурора (адвоката) в судебном процессе в каждой данной ситуации, установите, насколько оно соответствует требованиям прокурорской (адвокатской) этики и т. п.

На следующем этапе должна проводиться работа по развитию навыков построения логичной, аргументированной речи, точного и убедительного выражения своих мыслей; выступления с убедительной публичной (судебной) речью; судебного речевого этикета; эффективного коммуникативного поведения в ситуации судебного процесса.

Задание по подготовке доклада на одну из предложенных тем дает каждому студенту хорошую возможность выступить с публичной речью, проверить свои способности, развивать соответствующие умения. При правильной организации работы студентов выполнение этого задания может быть весьма эффективным в плане развития навыков публичного выступле-

ния. Преподавателю следует заранее объяснить обучающимся, как должно выглядеть выступление с подготовленным докладом: докладчику необходимо показать умение работать с аудиторией, привлекать ее внимание, убеждать, применять в связи с этим различные ораторские приемы, выступление должно соответствовать всем требованиям, предъявляемым к публичной речи в логическом, психологическом и этическом аспектах. Приветствуется применение подготовленной докладчиком презентации. Всем студентам группы дается задание не просто внимательно выслушать докладчика, но и обязательно задать вопрос по теме доклада.

Проводимые на занятиях дискуссии по различным темам позволяют включить обучающихся в процесс обсуждения спорного вопроса, проблемы и оценить их умение аргументировать собственную точку зрения. С другой стороны, участники дискуссии развивают умение четко и ясно формулировать свои мысли, смело высказывать свою позицию и отстаивать ее. На занятиях по дисциплине «Юридическая риторика» могут быть проведены дискуссии на следующие темы: Убеждение и воздействие в публичной речи (с опорой на рассказ А. П. Чехова «Случай из судебной практики»); Соотношение долга и совести в профессиональной деятельности адвоката (по речи В. Д. Спасовича в защиту Кронеберга) и др.

Для развития навыков важно давать такие задания, которые предполагают неоднократный повтор одних и тех же действий. Так, проведение ролевой игры «Судебные прения» дает возможность каждому студенту выступить со своим вариантом судебной речи, прослушать варианты речей, подготовленных по тому же сюжету другими студентами, принять участие в анализе каждого прослушанного выступления, высказывая свои замечания и мысленно соотнося услышанное со своим подготовленным выступлением.

Следует отметить еще одно важное преимущество проведения занятия в форме ролевой игры – такая форма занятия позволяет

создавать ситуации, максимально близкие к условиям реального общения. Студенты получают возможность испытать себя в роли прокурора или адвоката в уголовном суде, представителя истца или ответчика в гражданском суде.

Перед проведением ролевой игры «Судебные прения» каждый студент получает задание подготовить судебную речь (обвинительную или защитительную) по уголовному делу по данному преподавателем сюжету либо подготовить речь представителя истца или ответчика по данным сведениям по гражданскому делу. Ролевая игра может быть проведена и на основе посещения судебного процесса по уголовному или гражданскому делу и прослушивания соответствующих речей. В этом случае студенты к занятию готовят свой вариант речи (обвинительной или защитительной, представителя истца или ответчика) по тому делу, на рассмотрении которого они присутствовали, а ролевая игра начинается с обсуждения посещения судебного заседания).

На занятии прослушиваются подготовленные студентами судебные выступления и обсуждаются (анализируются) по предложенному преподавателем плану:

1. Композиция судебной речи (выделите вступление, основную часть, заключение; определите основные микротемы; укажите последовательность их расположения в речи).

2. Логический аспект судебной речи (укажите способы доказательства, используемые оратором; как представлены основные логические аргументы (ссылка на закон, факт, определение), а также языковые средства, создающие логичность речи (специальные средства связи; авторские ремарки; вопросительные конструкции; период); используются ли законы логики: закон тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания).

3. Психологический аспект речи (какие средства выразительности использованы оратором, какова их роль в речи; есть ли топоры).

4. Отражение в речи этической стороны судебных прений.

5. Техника речи оратора (темп речи, интонации, паузы; жесты, мимика, позы, телодвижения и др.).

6. Что понравилось в прослушанной речи? Что не понравилось? Какая из речей произвела более сильное впечатление и почему?

В конце занятия оценивается работа каждого выступившего с судебной речью и с ее анализом. При этом преподаватель указывает как положительные стороны, так и недостатки в каждом выступлении. Делаются выводы о специфике обвинительной и защитительной речи; об общем и различном в них; об особенностях речи представителя истца и представителя ответчика.

Студенты смогут лучше подготовиться к ролевой игре, если предшествующее занятие будет посвящено анализу судебных выступлений известных российских юристов. Анализ проводится по данному выше плану, исключается лишь обсуждение техники речи судебного оратора.

Следует отметить, что часов, отведенных на изучение дисциплины «Юридическая риторика (Судебное красноречие)», недостаточно для доведения полученных коммуникативных умений до уровня навыков. Ведь навык – это «действие, сформированное путем повторения, характеризующееся высокой степенью освоения» [11, с. 220]. Такую возможность повторения и, следовательно, развития и совершенствования полученных умений предоставляет весь комплекс дисциплин, изучаемых в вузе. Иными словами, мы призываем всех преподавателей, не только преподавателей-словесников, уделять особое внимание на каждом практическом занятии отработке студентами коммуникативных умений. Заметим, что это не требует от преподавателей особых усилий и времени. Как известно, многие студенты предпочитают отвечать на семинарских, практических занятиях по заранее подготовленным текстам, попросту говоря, читают их. Преподавателю следует добиваться устного ответа, то есть осмысленного говорения, а не чтения. Для этого следует, во-первых, поставить перед студентами уже на первом семинарском занятии условие отвечать устно, а не читать,

и последовательно, на каждом занятии требовать соблюдения данного условия; во-вторых, задавать отвечающим вопросы по теме, тем самым активизировать их мыслительную деятельность и направлять их работу по подготовке к занятию на глубокое осмысление материала и запоминание его. Подчеркнем, что лишь при целенаправленной деятельности всех преподавателей вуза (не только преподавателей-словесников) возможна качественная коммуникативная подготовка будущих юристов.

Таким образом, владение навыками публичного выступления является важным компонентом коммуникативной подготовки юриста, в значительной мере способству-

ющим успешности его профессиональной деятельности. Очевидна необходимость разработки эффективной методики обучения студентов юридических вузов публичному выступлению. Такая методика может быть создана на основе практических наработок преподавателей, имеющих успешный опыт обучения ораторскому мастерству. Обучение навыкам публичной речи должно осуществляться на протяжении всех лет учебы в вузе последовательно, от простого к сложному, от теории к практике. В целом коммуникативная подготовка будущих юристов представляет собой сложный процесс, требующий совместных усилий всех преподавателей вуза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голованова И. И. Методика публичного выступления: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 110 с.
2. Баишева З. В. Развитие коммуникативной компетентности будущего юриста в процессе обучения в вузе // *Дневник науки*. 2020. № 5. С. 39.
3. Кирова Г. Ф. О формировании коммуникативной компетенции будущих юрист // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2015. № 2 (177). С. 63–71.
4. Климова О. В. Коммуникативная компетенция как ядро профессиональной деятельности юриста // *Вестник ЮУрГУ*. 2008. № 13. С. 98–102.
5. Усманова Е. Ф. Коммуникативная подготовка в современном юридическом образовании // *Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам XLII международной научно-практической конференции*. № 10 (41). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 49–54.
6. Храмцова А. Б. Формирование коммуникативной компетентности студентов – будущих юристов в процессе профессиональной подготовки: автореферат дис. ... канд. пед. н. Самара, 2009. 20 с.
7. Абрамова Н. А., Никулина И. А. Риторика для юристов: учебное пособие для бакалавров. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019. 305 с.
8. Зюкина З. С. Навыки публичного выступления юриста // *Профессиональные навыки юриста: учебник и практикум для вузов* / М. В. Немыгина [и др.]; под редакцией М. В. Немытиной. М.: Издательство «Юрайт», 2023. С. 106–119.
9. Зюкина З. С. Некоторые проблемы формирования навыков публичного выступления юриста // *Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2016. № 4. С. 166–171.
10. Публичная речь для юристов: конспект лекций по спецкурсу (для студентов юридического факультета) / сост. Т. С. Глушкова. Омск: Омский государственный университет, 2010. 48 с.
11. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998. 554 с.

REFERENCES

1. Golovanova I. I. *Methods of public speaking: a textbook*. Kazan: Center of Innovative Technologies, 2009. 110 p. (In Russ.)
2. Baisheva Z. V. *Development of a future lawyer's communicative competence in the process of studying at the university* // *Diary of Science*. 2020. No. 5. P. 39. (In Russ.)
3. Kirova G. F. *On the formation of the communicative competence of future lawyers* // *Bulletin of Orenburg State University*. 2015. No. 2 (177). P. 63–71. (In Russ.)

4. Klimova O. V. Communicative competence as the core of a lawyer's professional activity // Bulletin of SUSU. 2008. No. 13. P. 98–102. (In Russ.)
5. Usmanova E. F. Communicative training in modern legal education // Questions of modern jurisprudence: collection of articles based on the materials of the XLII International Scientific and Practical Conference. No. 10 (41). Novosibirsk: SibAK Publishing House, 2014. P. 49–54. (In Russ.)
6. Khramtsova A. B. Formation of communicative competence of students – future lawyers in the process of professional training: abstract dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences. Samara, 2009. 20 p. (In Russ.)
7. Abramova N. A., Nikulina I. A. Rhetoric for lawyers: a textbook for bachelors. Moscow: Publishing Center of the O. E. Kutafin University (MGUA), 2019. 305 p. (In Russ.)
8. Zyukina Z. S. Public speaking skills of a lawyer // Professional skills of a lawyer: textbook and workshop for universities / M. V. Nemytina [et al.]; edited by M. V. Nemytina. M.: Publishing House "Yurayt", 2023. P. 106–119. (In Russ.)
9. Zyukina Z. S. Some problems of formation of public speaking skills of a lawyer // Bulletin of the RUDN. Series Russian and Foreign languages and methods of their teaching. 2016. No. 4. P. 166–171. (In Russ.)
10. Public speech for lawyers: Summary of lectures on a special course (for students of Law Faculty) / comp. T. S. Glushkova. Omsk: Omsk State University, 2010. 48 p. (In Russ.)
11. Golovin S. Yu. Dictionary of a practical psychologist. M.: AST, Harvest, 1998. 554 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

З. В. Баишева, доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

Z. V. Baisheva, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК: 372.881.111.1

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ С УЧЕТОМ ПРИНЦИПА ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ

Валентина Викторовна Гузикова¹, Валерия Евгеньевна Нестерова²,
^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия
¹ guzikovav@mail.ru, ² karaelan@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос об оптимизации процесса обучения чтению профессионально-ориентированных текстов по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность посредством интеграции элементов проблемного обучения в традиционную методiku преподавания иностранных языков. Использование креативных технологий обеспечивает развитие творческих способностей будущих специалистов, что особенно важно в связи с ростом доли умственного труда и творческих решений во всех сферах профессиональной деятельности. Решение проблемных речевых ситуаций в процессе обучения чтению поможет сформировать навыки и умения самостоятельного поиска знаний, языковой готовности к коммуникации на иностранном языке в ситуациях реального общения. Реализация личностной ориентации общения в процессе решения проблемных заданий позволит обучающимся открыто выражать и отстаивать свое мнение, высказывать предположения и строить догадки с опорой как на контекст, так и на индивидуальный опыт. Авторы рассмотрели некоторые приемы реализации данного подхода на практических занятиях по иностранному языку в образовательной организации системы МВД России. Делается вывод о том, что целенаправленное применение методики при работе с аутентичными профессионально-ориентированными текстами с учетом принципа проблемного обучения на практических занятиях по иностранному языку приводит к развитию всех языковых аспектов.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный текст, иностранный язык, проблемное обучение, интеграция, мозговой штурм, поисковое чтение, ознакомительное чтение, просмотровое чтение, изучающее чтение.

Для цитирования: Гузикова В. В., Нестерова В. Е. Формирование навыков чтения текстов по специальности с учетом принципа проблемного обучения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 137–144.

Original article

FORMATION OF READING SKILLS IN THE SPECIALTY TAKING INTO ACCOUNT THE PRINCIPLE OF PROBLEM-BASED LEARNING

Valentina V. Guzikova¹, Valeria E. Nesterova²,
^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia
¹ guzikovav@mail.ru, ² karaelan@mail.ru

Abstract. The article highlights the issue of the optimization process of training professionally oriented texts' reading in the specialty 38.05.01 Economic security by integration elements of the problem-based teaching in the traditional methodology of foreign languages teaching. The use of creative technologies ensures the development of the creative abilities of future specialists, which is especially important due to the growing share of intellectual labor and creative solutions in all areas of professional activity. Solving problematic speech situations in the process of learning to read will help to form skills and abilities of independent search for knowledge, language readiness for communication in a foreign language in situations of real communication. The implementation of personal orientation of communication in the process of solving problem tasks

© Гузикова В. В., Нестерова В. Е., 2023

will allow students to openly express and defend their opinions, make assumptions and make guesses based on both context and for individual experience. The authors presented and described some techniques for implementing this approach in foreign language practical classes in the educational institution of the Ministry of the Interior. It is concluded that the purposeful application of the methodology when working with authentic professionally oriented texts, taking into account the principle of problem-based learning in practical classes in a foreign language, leads to the development of all linguistic aspects.

Keywords. professionally oriented text, foreign language, problem-based learning, integration, brainstorming, scanning reading, extensive reading, skimming reading, intensive reading.

For citation: Guzikova V. V., Nesterova V. E. Formation of reading skills in the specialty taking into account the principle of problem-based learning // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 137–144.

Разработка методических приемов и комплекса практических заданий, направленных на обучение английскому языку студентов экономических специальностей, представляет цель настоящей научной статьи. Объектом исследования является иноязычный процесс в условиях неязыкового вуза. Предметом исследования выступает процесс интеграции иноязычных профессионально-ориентированных текстов в образовательную практику с целью повышения эффективности обучения иностранному языку обучающихся по специальностям экономического цикла в образовательной организации системы МВД России.

Методами исследования послужили анализ и синтез научных источников по заявленной проблематике, а также англоязычных профессионально-ориентированных текстов; реализация эффективных приемов использования профессионально-ориентированной информации в образовательном процессе при обучении иностранному языку в лингвистическом вузе.

Теоретическими основами изучения аспектов применения профессионально-ориентированных текстов с учетом проблемного обучения иностранным языкам послужили труды как отечественных, так и зарубежных ученых и методистов (А. М. Матюшкин, С. Л. Рубинштейн, М. И. Махмутов, Т. В. Кудрявцев, И. Я. Лернер, П. И. Образцов, О. Ю. Иванова, Е. Н. Францева, Дж. С. Армстронг, Х. Барроуз, Д. Боконич, Х. Эгидиус и др).

Практическая значимость работы состоит в возможностях применения результатов, отраженных в данной статье, в учебных,

учебно-методических и учебно-практических пособиях, которые могут быть использованы на практических занятиях по иностранному языку с обучающимися-экономистами.

Коммуникативная направленность является ведущим принципом при обучении любому иностранному языку, а коммуникативная компетентность признана одной из важнейших качественных характеристик личности, позволяющей реализовать ее потребности в социальном признании, уважении, самоактуализации и помогающей успешному процессу социализации личности [1, с. 108]. В связи с этим на практических занятиях рекомендуется моделировать проблемные ситуации, которые могут быть решены с помощью осуществления речевого взаимодействия с учетом познавательно-коммуникативных потребностей студентов. Кроме того, проблемно-поисковая организация практических занятий позволит повысить мотивацию к изучению дисциплины и развить прогнозирующие, когнитивные и креативные способности обучающихся [2, с. 34].

Одной из первостепенных задач в неязыковых вузах является обучение профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке, которое отвечает информативным потребностям обучающихся и позволяет получить дополнительные знания по специальности, необходимые для высокопрофессионального специалиста.

Профессионально-ориентированное обучение означает подготовку, основанную на потребностях обучающихся в изучении иностранного языка, продиктованных особенно-

стями будущей профессии или специальности. Она предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях.

Суть профессионально-ориентированного обучения иностранному языку заключается в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности. Иностранный язык в данном случае выступает средством повышения профессиональной компетентности и личностно-профессионального развития обучающихся неязыковых специальностей и является необходимым условием успешной профессиональной деятельности специалиста [3, с. 50].

Значительный вклад в развитие теории профессионально-ориентированного обучения иностранному языку внес М. В. Ляховицкий. Он дал обоснование принципу профессиональной направленности учебного материала при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Автор исходил из того, что изучение иностранного языка должно быть не самоцелью, а средством для достижения цели повышения уровня образования, эрудиции в рамках своей специальности. Учет специфики ключевых специальностей, по мнению данного методиста, должен проходить по ряду соответствующих направлений. Среди них можно выделить следующие пункты: работа со специальными текстами; изучение специальных тем для развития устной речи; изучение словаря-минимума по конкретной специальности; создание учебных пособий для совершенствования грамматического и лексического материала для обучающихся [4, с. 76].

Проблемное обучение (PBL) определяется Говардом Барроузом, американским врачом и медицинским педагогом (1996), как метод обучения, который включает в

себя обучение, ориентированное на студента, в небольших группах под руководством наставника или «эксперта» вместо преподавания с использованием традиционных лекций. Роль преподавателя состоит в том, чтобы направлять обучающихся к самостоятельному поиску ответов, а не просто давать правильный ответ [5, с. 9]. В ходе руководства преподаватель будет стимулировать когнитивный процесс обучения студентов и навыки решения проблем с помощью самостоятельного обучения (SDL), также известного как аутодидактика. Аутодидактизм, который является обычным явлением в высших учебных заведениях, – это идея о том, что преподавателю не нужно планировать личное время обучающихся. Ожидается, что студенты смогут организовать свою жизнь, учебу и самообразование таким образом, чтобы подготовить их к выбранной профессии [6, с. 5].

Тем не менее преподаватель должен составить учебную программу / план в соответствии с конкретным методом семи шагов, которому рекомендуется следовать при работе с проблемным обучением. Согласно Dejan Bokonjic (2009) и Henry Egidius (1999), эти семь «шагов» заключаются в следующем:

1. Объяснение терминов. Сначала группа участвующих обучающихся рисует на доске в аудитории таблицу, состоящую из четырех столбцов: факты в тексте, проблема, гипотезы о причине и следствии и цели обучения. Затем обучающимся представляется текст с проблемой, которую необходимо выявить и решить, а также разъясняется неизвестная терминология. После этого факты, представленные в тексте, перечисляются в колонке «факты в тексте» на доске.

2. Определение проблемы. Второй шаг состоит из группового обсуждения того, в чем заключается проблема и какие методы можно использовать для поиска решения. Выявленная проблема затем записывается в колонке «проблема» на доске.

3. Мозговой штурм. Проводится еще одно групповое обсуждение, в ходе которого обучающиеся используют свои предыдущие

знания, чтобы выдвинуть идеи для различных гипотез, объясняющих проблему. На этом этапе всем обучающимся предлагается высказать свое мнение, и все идеи оцениваются и принимаются к сведению.

4. Структурирование и гипотеза. Выполняется обзор шагов 2 и 3 и даются различные возможные объяснения проблемы, что в конечном итоге приводит к одной окончательной структурированной гипотезе, которая затем записывается в колонке «гипотезы о причине и следствии».

5. Цели обучения. Когда гипотеза выбрана и сформулирована, обучающиеся должны договориться о достижимых и понятных целях обучения для выполнения задания. Эти цели будут являться необходимыми знаниями, которые обучающиеся должны приобрести, прежде чем они смогут продолжить работу со своей гипотезой. Эти цели обучения записаны в колонке «цели обучения» на доске.

6. Поиск информации. Поиск информации осуществляется индивидуально и с акцентом на цели взаимного обучения. Это даст обучающимся более глубокие знания о проблеме, над которой они работают. Минимальное время для этого исследования составляет два дня, но предпочтительно может продолжаться и дольше, поскольку обучающимся предоставляется возможность найти свои собственные ресурсы, и им может потребоваться дополнительное время для изучения их достоверности.

7. Обобщение. На заключительном этапе члены группы делятся результатами своей работы, индивидуальными находками, включая структуры, функции, причины и т. д., друг с другом. С помощью этой новой информации они анализируют заявленную проблему и, безусловно, приходят к пониманию и решению выявленной проблемы.

8. Обратная связь. Обратная связь пре-

доставляется как от обучающихся, так и от преподавателя, относительно их индивидуального и группового процесса, организации задания и руководства преподавателя. Это сделано с целью улучшения рабочего процесса в целом¹ [7, с. 5–7].

Рассмотрим примеры проблемных задач, способствующих формированию и развитию навыков ознакомительного, поискового, просмотрового, изучающего типов чтения по дисциплине «Иностранный язык» по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность. Так, по теме «История экономических учений. Основные проблемы экономики» на дотекстовом этапе с целью активизации фоновых знаний и побуждения интереса к базовому тексту «The History of Economic Thought» [8] можно предложить обучающимся выполнить следующее задание: Match the picture with the name of a famous economist (рис. 1).

На текстовом этапе работы по теме можно попросить обучающихся объяснить следующие утверждения и привести свои примеры, подтверждающие или опровергающие данные положения: Explain the following statements giving your own examples.

– Various economists saw economics as the ways to make the state strong.

– Laissez-faire government policy is more desirable than government intervention in the economy.

– Raising prices in response to high demand is a type of theft.

– A free-market economy is a natural system based upon freedom and property.

На послетекстовом этапе с целью развития умений и навыков устной и письменной речи актуальным может стать проблемное задание с использованием интеллектуальной карты (Mind Map), например, Comment the scheme in 3–5 sentences (рис. 2)² [10].

В качестве задания на самоподготовку

¹ Bokonjic, D., Mimica, M., Pranjic, N., Filipovic, V., Cosovic, S., Bosse, H.-M., et al. (2009). Problem Based Learning. (B. M. M, Producer) Retrieved April 25, 2023 // Manual of Teaching and Learning in Medicine: сайт. URL: <http://www.bhmed-emanual.org/> (дата обращения: 25.04.2023).

² Neoclassical Economics Theory: сайт. URL: <https://www.wallstreetmojo.com/neoclassical-economics-theory/> (дата обращения: 20.04.2023).

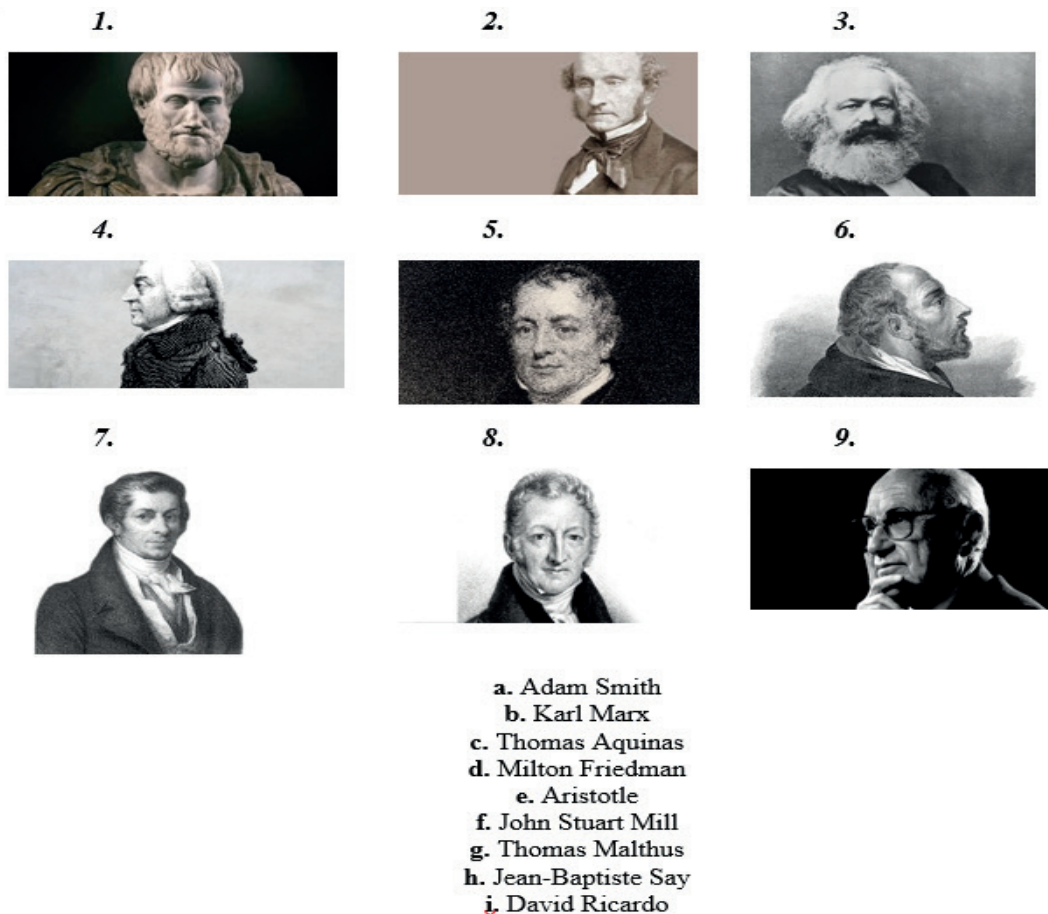

Рис. 1. Famous economists

Neoclassical Economics Theory

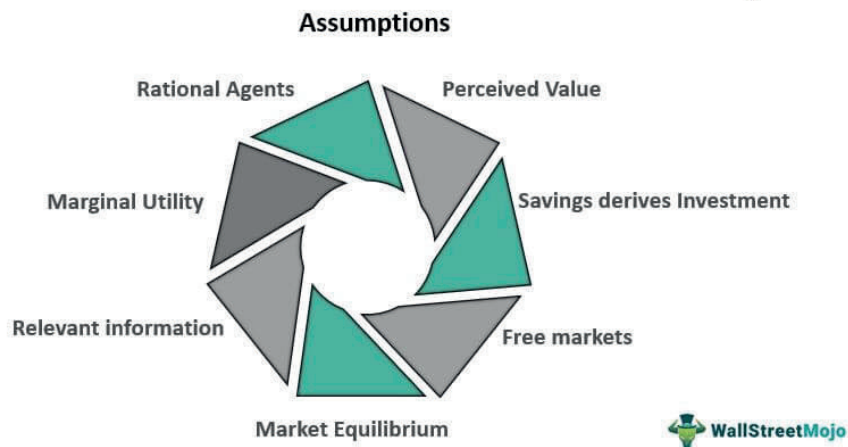

Рис. 2. Neoclassical Economics Theory

можно предложить обучающимся выполнить поисковое задание: Find the information about the outstanding economists and fill in the table (таблица 1).

На заключительном этапе изучения темы в качестве контроля усвоения коммуникативных знаний, умений, навыков, а также с целью

развития навыков диалогической речи рекомендуется предложить обучающимся индивидуальную ситуацию, по которой они должны составить диалог (парная работа), например:

– Imagine that you are at the International conference devoted to the history of economic thought. Say whether you support the idea that

Таблица 1 – Поисковое задание
Find the information about the outstanding economists and fill in the table

Name	Years of life	Country	Basic works	Main ideas
Adam Smith				
David Ricardo				
John Maynard Keynes				
Alfred Marshall				
Thomas Robert Malthus				
Irving Fisher				
Karl Marx				

various economists see the subject of economics in different way.

– Imagine that you are a famous American economist who supports the idea that it is a moral obligation of businesses to sell goods at a just price. In what way would you explain your position?

– Discuss the issue if laissez-faire government policy is more desirable than government intervention in the economy. Prove your point.

– Tell your groupmates about consumer's wants and needs.

В процессе работы над текстом «Economics as a science» [1, с. 8–9] на предтекстовом этапе можно предложить курсантам ответить на ряд вопросов, связанных с общими экономическими концептами, с целью формирования и развития умений и навыков переноса и применения жизненного опыта обучающихся в образовательных ситуациях, например:

1. What is economics / economy? 2. What economic issues are you interested in? Why? 3. Is economics important nowadays? 4. Can you name economics a science? Why? 5. What are

the biggest economic problems in your country? 6. What was the last thing you read or heard about economics? 7. What is the relationship between the economy and education? 8. Do you think economic aid and economic sanctions work? 9. What do you understand by the term 'environmental economics'? 10. What is the effect of economics on society?

В качестве проверки понимания прочитанного рекомендуется выполнить задание на подбор дефиниций к основным экономическим понятиям (таблица 2).

После выполнения задания, представленного выше, целесообразным представляется составление диалога по заданной ситуации, например: *A student comes to a teacher of English asking him for explanation about some confusing economical terms.*

По теме «Мировая экономика. ВТО» предтекстовым этапом может выступить задание:

Explain the statement: *Strong dollar policies promote the importation of goods and services from abroad, and foreign investment in our domestic enterprises.*

После просмотра и перевода видео

Таблица 2 – Задание на подбор дефиниций к основным экономическим понятиям

1. Economy	a) save money by spending it very carefully and not buying
2. Economics	b) spending money or using something in a careful way that avoids waste
3. Economic	c) an expert in economics
4. Economical	d) individuals and organizations that engage in production, exchange, specialization, and consumption
5. Economic agents	e) the study of how a society organizes its scarce resources to meet the unlimited needs of people or the society
6. Economist	f) the economic system of a country as a whole
7. Economize	g) 'connected with the economy of a country or an area, or with the money that a society or an individual has

«Simple Keyensian model: Exports, imports and the circular flow»¹ обучающимся можно предложить составить в парах диалог по предложенному образцу:

Sofia: What do you think about China exports next year?

Andrew: I speculate that Hong Kong will be our prominent competitor, and the competition in the world market will be fiercer than now. What about you? What is your idea on this?

Sofia: I'm sorry. I don't know much about it.

Технологии обучения иностранному языку, используемые в настоящее время в неязыковых образовательных организациях системы высшего образования, главным образом, ориентированы на личность обучающегося, на его активное участие в саморазвитии, получении качественных знаний, профессиональных навыков, в том числе навыков коллективной работы и творческого решения конкретных задач проблемного характера. На сегодняшний день эффективно применяются креативные технологии активного обучения (Ю. В. Алферов, С. Брумфит, Г. Н. Китайгородская, Е. Н. Маслыко, Е. И. Пассов, В. В. Петрусинский, Г. В. Рогова и др.).

Использование креативных технологий обеспечивает развитие творческих способностей будущих специалистов, что особенно важно в связи с ростом доли умственного труда и творческих решений во всех сферах профессиональной деятельности. Лидерами становятся активные методы работы с учебным материалом в группе. В соответствии с этим меняется вид деятельности и роли как

преподавателя, так и обучающихся, которые выступают полноценными субъектами деятельности в решении профессиональных задач, получая необходимую помощь и поддержку от преподавателя.

Проведенный анализ научных и научно-методических источников показал, что термин «профессионально ориентированное обучение» используется для обозначения процесса преподавания иностранного языка в неязыковой образовательной организации, ориентированного на чтение литературы по специальности с учетом принципа проблемного обучения, изучение профессиональной лексики и терминологии, а в последнее время и на общение в сфере профессиональной деятельности.

Таким образом, выступая самостоятельным рецептивным видом речевой деятельности, направленным на восприятие и понимание письменного текста, чтение профессионально-ориентированных текстов будет способствовать развитию когнитивных процессов и речемыслительного творчества обучающихся. Решение проблемных речевых ситуаций в процессе обучения чтению поможет сформировать навыки и умения самостоятельного поиска знаний, языковой готовности к коммуникации на иностранном языке в ситуациях реального общения, а реализация личностной ориентации общения в процессе решения проблемных заданий позволит студентам открыто выражать и отстаивать свое мнение, высказывать предположения и строить догадки с опорой как на контекст, так и на индивидуальный опыт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Францева Е. Н. Технология коммуникативного обучения как средство формирования коммуникативной компетентности студентов педагогического вуза в процессе изучения иностранного языка / Е. Н. Францева, О. С. Прилепских, Е. Н. Кузнецова, А. В. Донцов, С. Г. Корлякова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Том 7. № 4. С. 108–122.
2. Габдуллина М. Г. Разработка проблемных заданий в процессе преподавания литературы на английском языке в X–XI классах // Иностранные языки в школе. 2005. № 4. С. 33–36.
3. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально ориентированное преподавание иностранного

¹ Simple Keyensian model: Exports, imports and the circular flow // Youtube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9Mdg6uWxJmg> (дата обращения: 20.04.2023).

языка на неязыковых факультетах университетов: учебно-методическое пособие / под ред. П. И. Образцова. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.

4. Ляховицкий Ю. А. Методика преподавания иностранного языка. Москва: Высшая школа, 1981. 160 с.

5. Barrows H. Problem Based Learning in Higher Education // *New Directions for Teaching and Learning*. 1996. № 68 (Winter). P. 3–12.

6. Armstrong J. S. Natural Learning in Higher Education / In H. Springer, *Encyclopedia of the Sciences of Learning* Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, 2012. P. 1–10.

7. Egidius H. *Problembaserat Lärande- en introduktion för lärare och lärande*. Stockholm: Studentlitteratur, 1999. 104 p.

8. Нестерова В. Е. Английский язык: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. 104 с.

REFERENCES

1. Frantseva E. N. Technology of communicative teaching as a means of developing the communicative competence of students of a pedagogical university in the process of learning a foreign language / E. N. Frantseva, O. S. Prilepskikh, E. N. Kuznetsova, A. V. Dontsov, S. G. Korlyakova // *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. 2017. Vol. 7. No. 4. P. 108–122. (In Russ.)

2. Gabdullina M. G. Development of problem tasks in the process of teaching literature in English in grades X–XI // *Foreign languages at school*. 2005. No. 4. P. 33–36. (In Russ.)

3. Obraztsov P. I., Ivanova O. Yu. Professionally oriented teaching of a foreign language at non-linguistic faculties of universities: educational and methodological manual / ed. P. I. Obraztsova. Orel: OSU, 2005. 114 p. (In Russ.)

4. Lyakhovitsky Yu. A. *Methods of teaching a foreign language*. Moscow: Higher School, 1981. 160 p. (In Russ.)

5. Barrows H. *Problem Based Learning in Higher Education // New Directions for Teaching and Learning*. 1996. № 68 (Winter). P. 3–12. (In Russ.)

6. Armstrong J. S. *Natural Learning in Higher Education / In H. Springer, Encyclopedia of the Sciences of Learning* Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, 2012. P. 1–10.

7. Egidius H. *Problembaserat Lärande- en introduktion för lärare och lärande*. Stockholm: Studentlitteratur, 1999. 104 p.

8. Nesterova V. E. *English: textbook*. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 104 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

В. В. Гузикова, кандидат филологических наук, доцент;

В. Е. Нестерова, без ученой степени.

Information about the authors:

V. V. Guzikova, Candidate of Philology, Associate Professor;

V. E. Nesterova, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 03.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 81'373.47

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
КОМИЧЕСКОЙ ОКРАСКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ РАЗГОВОРНОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Ольга Станиславовна Ефимова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, jefimija3@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются словообразовательные средства создания коллоквиальных существительных, имеющих шутивную окраску; рассматриваются различные типы коллоквиальных лексем: образные существительные, лексемы с одним переосмысленным компонентом, абсолютно идиоматичные лексемы, не имеющие прямого значения; представлены слова, возникшие в результате контаминации; подвергаются рассмотрению разговорные существительные, появившиеся вследствие нарушения семантической валентности.

Ключевые слова: разговорная лексика, словообразование, оценочность, комизм, переосмысление, образность.

Для цитирования: Ефимова О. С. Словообразовательные средства создания комической окраски существительных в современном разговорном немецком языке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 145–151.

Original article

**WORLD-BUILDING OF MODERN GERMAN COLLOQUIAL NOUNS
AS MEANS FOR A COMIC EFFECT ACQUIRING**

Olga S. Efimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, jefimija3@yandex.ru

Abstract. The article analyzes word-formation means of creating colloquial nouns that have a humorous connotation and considers various types of colloquial lexemes: figurative nouns, lexemes with one reinterpreted component, absolutely idiomatic lexemes that have no direct meaning. It presents the words that arose as a result of contamination and examines colloquial nouns resulting from a violation of semantic valence.

Keywords: colloquial vocabulary, word-building, evaluation, comical element, re-comprehension, figurativeness.

For citation: Efimova O. S. World-building of modern German colloquial nouns as means for a comic effect acquiring // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 145–151.

В данной статье рассматриваются особенности создания шутивных коллоквиализмов. При анализе конкретных разговорных лексем применяются как общенаучные методы анализа, синтеза, сопоставления, так и специфические методы анализа семантической сочетаемости морфем, компонентный анализ слов.

Актуальность работы заключается в том, что она находится в русле исследований лексической семантики, при этом в центре внимания оказывается рассмотрение нарушения обычного механизма выражения определенного смысла с целью создания комического эффекта. В данной работе представлен анализ словообразовательных инструментов,

© Ефимова О. С., 2023

создающих комический оттенок отдельных лексем.

Задачи работы заключаются в следующих пунктах: отбор лексических единиц с комической окраской, анализ словообразовательных средств и механизмов создания комической окраски разговорных лексем; определение тематических групп, в которых функционируют рассматриваемые коллоквиализмы.

Разговорная речь имеет свои особенности, которые проявляются на грамматическом, фонетическом, словообразовательном уровнях. Хотя при создании разговорных лексем используются те же словообразовательные модели, что и при создании нейтральных лексем, словообразовательные процессы в разговорной речи имеют свои особенности.

Большинство разговорных лексем имеет оценочную функцию, которая неотделима от номинативной. Оценочность часто связана с желанием посмеяться над каким-либо явлением, в результате этого некоторые коллоквиализмы имеют шуточный оттенок, который фиксируется словарями.

Разговорная лексика – один из разрядов словарного состава литературного языка наряду с книжной и нейтральной лексикой. Сферой ее употребления является разговорная речь, которой присущи непринужденность, оценочность, неподготовленность, спонтанность.

Разговорная речь – это одна из форм существования языка, базирующаяся на одном с ним строе, являющаяся единосистемной с литературной. Разговорная речь первична, литературная – вторична. Разговорной речью овладевают стихийно, литературной – лишь в результате особых усилий, учения. Разговорные нормы менее обязательны, более свободны, чем литературные, но они существуют, и их придерживаются. И литературная речь, и разговорный слой языка имеют единую основу, просто в разговорном сегменте нормы не столь жестки в отличие от норм литературной речи [1, с. 12].

В конкретной неформальной коммуникации с точки зрения юридического содержания люди не только обмениваются информацией, они делают это заинтересованно, их высказывания лишены нейтральности, свойственной официальной речи. Таким образом, совершенно очевидно, что в разговорной речи присутствует субъективный фактор. Это проявляется прежде всего в оценочности. На это указывает В. Д. Девкин: «Наблюдается положение, когда оценка сопровождается какой-либо «соназванный» объективный предмет (Flitter – дешевые украшения, Muckefuck – плохой кофе, Schmiere – захудалый театришко» [1, с. 18]. Эмоциональная окраска «сливается» с лексическим значением слова, при этом функция номинации неразрывно связана с выражением говорящего своей оценки к определенному явлению [2, с. 59–60].

Оценочность часто сопровождается комизмом, желанием подшутить над каким-то явлением. Комическое обозначает в широком смысле «вызывающее смех», это слово восходит к греческому *kómikos* – веселый, смешной, от *kómos* – веселая процессия ряженых на дионисийских празднествах [3, с. 384]. Согласно философии «Комическое – это эстетическая категория, отражающая несоответствие между несовершенным, отжившим, неполноценным содержанием явления или предмета и его формой, претендующей на полноценность и значимость. Обнаружение и раскрытие этого несоответствия порождает чувство комического»¹.

Механизмом действия комического является игра со смыслом. Смешное представляет собой конкретный случай комического. Комическое в философском понимании представляет собой как бы формулу выражения смешного. Эстетическая теория как часть философии рассматривает «общезначимое», общедоступное, смешное. Это типичные случаи смешного, они представлены прежде всего в конкретной социальной жизни, а в более устойчивом, рафинированном виде – в искусстве.

¹ Русская философская энциклопедия // Словари: сайт. URL: <https://rus-philosophica-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 24.01.2023).

В результате определенных словообразовательных процессов возникают разговорные лексемы, имеющие шуточный оттенок, который фиксируют словари. «Комизм субъективен. Он возникает на основе обнаружения противоречивости явления. В остроумии заложено умение находить близость между тем, что кажется на первый взгляд различным и трудно сопоставимым» [4, с. 5]

Многим разговорным шуточным номинациям свойственна образность, т. е. они содержат в себе образ, живое наглядное представление о ком-либо, о чем-либо. Для разговорной образности в этико-политическом контексте характерны грубоватость, непринужденность, смелость, преувеличение. Для выразительного описания человека, его мыслей, поступков, эмоций используются названия из мира вещей, флоры и фауны. К существительным подобного рода можно отнести: *das Kopfkino* – постоянное прокручивание чего-либо в голове, *der Ohrwurm* – навязчивая мелодия, *das Mietmaul* – юрист, *der Dreikäsehoch* – «от горшка два вершка», *das Huftgold* – жировые отложения, *der Zwergenadapter* – детское автомобильное сиденье, *der Bananenbieger* – туповатый человек. Данные сложные существительные появились в результате сложения лексем, обозначающих совершенно чуждые друг другу явления, что вызвало комический эффект.

Шуточную окраску имеют некоторые абсолютно идиоматичные лексемы, не имеющие прямого значения, которое можно «сконструировать» из отдельных составляющих: *Eselsbrücke* – мнемотехнический прием, *Ehekrüppel* – муж-подкаблучник, *Eehafen* – семейная пристань, *Ehekreuz* – тяжелая семейная жизнь; злая жена, *Couragewasser* – спиртное (для поднятия духа), *Faulfieber* – лень-матушка, ничегонеделание, *Vitamin-Ballett* – обед из очень качественных и богатых витаминами блюд, *Diätschnaps* – фруктовый сок, *Maulschuster* – зубной врач, *Hunderdiner* – принятие пищи без напитков, *Nühnerobst* – яйца.

Большая группа существительных функционирует в нейтральном слое языка

и обозначает нейтральные предметы и явления, но в разговорном сегменте получает новое значение, которое иногда сопровождается шуточной окраской, например: *Fahrgestell* – 1) шасси, 2) шутол. ноги, *Fresskorb* – 1) корзина со съестными припасами, 2) шутол. подарочная корзина с вином, сладостями, фруктами, *Fensterläden* – 1) ставни, 2) шутол. веки, 3) шутол. очки [5].

О. С. Хосаинова, М. С. Омельченко отмечают: «К шуточным разговорным лексемам относятся и сложные существительные с переосмыслением одного из компонентов, при этом один из них характеризует другой: *Segelohren* – оттопыренные уши, *Wurstfinger* – толстый палец, *Lottofee* – диктор, объявляющий выигравшие числа в лотерею, *Küchenfahrplan* – меню» [6, с. 492].

Как видно из примеров выше, разговорным композитам присуща идиоматичность, т. е. невыводимость значения всего слова из значений отдельных составляющих. Часто композиты подобного рода образуются в результате метафорического или метонимического переноса значения одного из компонентов сложного существительного: *ABC-Suppe* – суп с вермишелью в виде букв алфавита, *Känguruhsuppe* – суп из пакета, *Pony-Wurst* – колбаса низкого качества, *Käsekleid* – платье с вырезами, через которые видно нижнее белье, *Telegrammstillkleid* – короткое платье, *Fensterhose* – брюки с дырками, *Tampax-Zigarette* – сигарета с фильтром [7, с. 464].

Ниже приведены еще несколько сложных существительных, компоненты которых связаны определенными ассоциациями (метонимический перенос): *Zelluloid-Tragödie* – кинотрагедия, *Atomsaal* – кабинет физики в школе, *Schwanzprimus* – отстающий ученик (первый с конца), *Grünrock* – лесничий, *Karriereköfferchen* – молодой бизнесмен, *Kartoffelferien* – «картошка» (реалия ГДР, уборка картофеля во время осенних каникул), *Ostgote* – житель Восточной Германии.

Особым словообразовательным механизмом является контаминация, т. е. образование нового слова (нового устойчивого словосочетания) в результате скрещения

двух различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению. Лексемы подобного рода не фиксируются словарями в противоположность узуальным словам. Узуальные лексемы, как и юридические факты, которые должны подтверждаться соответствующим документом, непременно «оседают» в словарях.

Большинство контаминаций существуют в рамках определенного контекста, им присущи выразительность и шутливая окраска. Приведем несколько примеров контаминаций из книги В. Д. Девкина «Занимательная лексикология»: Diskuthek – дискуссия, deprämiert – лишенный премии, Fluchhafen – место, где много ругаются, Jod sei Dank! – Слава йоду! Horrorskop – опасный астрологический прогноз, heroinische Taten – прием героина, Leertätigkeit – безрезультатная деятельность, kratziös – вызывающий зуд, Krachbarn – вздорные соседи, Krankfurt – больница, Minisänger – бездарный певец, Sibärien – шуточное название Сибири, Schimpfonie – перепалка, Trabcedes – машина «Трабант», Viehsitte – дурные нравы» [4, с. 59–60]

К контаминациям с иронической окраской относятся, в частности, пейоративы, обозначающие дилетантов в профессиях. Таким образом подвергается осмеянию отсутствие необходимых профессиональных качеств: Jurisprutänzer – бездарный юрист, Poroet – поэт-графоман, Sanitöter – плохой санитар, Abschriftsteller – писатель-графоман, Humoritz – бездарный юморист.

Немало контаминаций появилось в Германии, когда люди из-за коронавирусной инфекции в силу объективных причин были вынуждены долгое время оставаться дома. Их возникновение связывают с причинами психологического характера и называют «... игровой словотворческой стратегией преодоления психологического кризиса в условиях пандемии» [8, с. 128]. В то время в прессе были зафиксированы, в частности, следующие существительные: Coronamur – «карантинная любовь», любовные отношения, возникшие в период ограничений во время пандемии Covid-19, Hygiäne (Hygiene

+ Hyäne) человек, который чрезмерно дезинфицирует себя, используя разные средства защиты. Неологизм Quarantini состоит из компонентов Quarantäne + Martini. Это название коктейля, который стал популярен во время пандемии Covid-19 [8, с. 128]

Комический эффект имеют слова, частотные элементы которых вступают в конфликт с базовой морфемой, в данных лексемах наблюдается нарушение семантической сочетаемости морфем. «Противоречивость может быть заложена в отмеченных комизмом словах уже в их частотных элементах полуаффиксального и близкого к нему характера, вступающих в конфликт с базовой морфемой: Edel- – с претензией на что-либо: Edelganove – мошенник, имеющий важный вид, Edelkrimi – детектив с претензией на популярность, Edelkitsch- – безвкусная вещь с претензией на дороговую; с элементом Möchtegern – считающий себя кем-либо, желающий казаться кем-либо: Möchtegernaufsteiger – спортивная команда, имеющая завышенное мнение о себе, Möchtegernkünstler – художник, воображающий слишком много о себе; с элементом Auch-: Auchkünstler – тоже называется художник, Auchpolitiker – бездарный политик» [9, с. 50].

Контраст между немецкими основами и иноязычными аффиксами или между иноязычными основами и немецкими аффиксами также вызывает комический эффект: Nobelist – столяр, Droschkist – кучер, Luftikus – ветрогон, Pffikus – пройдоха, Schwachmatikus – заморыш, Dichteritis – графомания, Benehmität – учебно-воспитательное учреждение; хорошие манеры, Knastologie studieren – сидеть в тюрьме, futschikato sein – пропадать, Bammelage – подвесок; часовой маятник.

Шутливую окраску имеют коллоквиальные заимствования Oldie – старый шлягер; представитель старшего поколения, Oldtimer – ветеран; старая модель транспортного средства, Egghead – интеллектual, Boss – начальник, Medikus – врач, Studiosus – студент, Korpus – брненное тело, тела [9, с. 50].

Некоторые суффиксы, присоединяясь к производным основам, образуют пейоративы, часть из них имеют ироничную окраску. К ним относится суффикс *-bold*: *Lügenbold* – враль, суффикс *-erei* образует пейоративные оценочные существительные с обозначением затянувшихся неприятных действий, при этом суффикс прикрепляется к глагольной основе: *Schreiberei* – писанина, канцелярщина, *Lauferei* – беготня, *Warterei* – бесконечное ожидание.

Образованные с помощью полупрефиксов разговорные существительные также могут иметь шутивную окраску: *Bierbruder* – собутыльник, *Wermutbruder* – собутыльник, *Milchbubi* – изнеженный, инфантильный молодой человек, *Bierfass* – любящий пить пиво, *Bierleiche* – мертвецки пьяный.

В настоящее время непродуктивный суффикс *-itis* демонстрирует большую продуктивность и активность. Традиционно этот суффикс входит в состав заимствований греко-латинского происхождения, существительные с этим суффиксом относятся к медицинской номенклатуре. Однако присоединяясь к основам немецких глаголов, он обозначает действие, которому придается чересчур большое значение и неоправданно долго продолжается: *Telefonitis* – привычка висеть на телефоне, *Schenkeritis* – помешанность на подарках.

Особым средством для создания комического эффекта является нетрадиционная, шутивная интерпретация аббревиатур. Аббревиатура (от лат. *abbreviatio* – сокращать) – существительное, состоящее из усеченных частей исходного и сложного слова. Образование аббревиатур – особый способ словообразования, направленный на создание более коротких (по сравнению с исходными) названий, получило распространение в основных европейских языках в XX веке.

При всей своей нейтральности сокращения их необычная расшифровка может выполнять экспрессивную функцию, в частности, если они получают необычную интерпретацию. Это явление распространено и в русском языке, например, МЧС – Моем, чистим, стираем; ЧМО – человек матери-

ально обеспечен; МГТУ (университет) – место, где ты умираешь; ЗАГС – Запомни место гибели своей; идиот – истинный друг и отличный товарищ; ЕГЭ – единый годовой экстрим.

С. В. Буренкова приводит в своей статье традиционные и шутивные расшифровки некоторых немецких аббревиатур, она подчеркивает особую роль этих шутивных интерпретаций, которая «... позволяет «замаскировать» сообщение и, благодаря этому, выразить те смыслы, которые находятся под запретом, иначе говоря, табуированы» [10, с. 14] Следующие шутивные интерпретации наглядно это демонстрируют [10, с. 12]:

АЕГ (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft). – Aus Ersatzteilen gebaut. – Стоит из запчастей.

Alles Elektronisches Gerümpel. – Полный электронный хлам.

AlteisenGesellschaft. – Общество по сбору железного лома.

BMW (Bayerische Motorenwerke) Bei Mercedes weggeschmissen. – Вышвырнутые компанией «Мерседес».

Bayerischer Mistwagen. – Баварская телега для перевозки навоза.

Besser man wandert. – Лучше пойду пешком.

FIAT (Fabbrica Italiana Automobili Torino) Fehler in allen Teilen. – Все детали с браком.

Für Idioten allgemein tauglich. – Подходит абсолютно для всех идиотов.

Fahrer im Auftrag des Todes. – Поезжай, когда жить надоело.

Таким образом, на основании изложенного в данной статье материала можно сделать вывод, что современный немецкий разговорный язык располагает определенными словообразовательными механизмами создания существительных, обладающих шутивной окраской.

В результате анализа корпуса коллоквиализмов фиксируются следующие модели образования шутивных разговорных лексем: 1) посредством объединения лексем из абсолютно разных, никак не связанных между собой областей; 2) с помощью метафоризации существительных из нейтрального слоя

лексики; 3) при образовании сложных существительных с одним переосмысленным компонентом; 4) за счет создания контаминаций окказионального характера; 5) путем присоединения иноязычного аффикса к

базовой морфеме из совершенно «чуждой» тематической группы; 6) при использовании разговорных полупрефиксов; 7) вследствие необычной интерпретации традиционных сокращений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Девкин В. Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994. С. 12–29.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2005. 448 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1596 с.
4. Девкин В. Д. Занимательная лексикология. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1998. 312 с.
5. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1998. 768 с.
6. Хосаинова О. С., Омельченко М. С. Семантические особенности лексических идиом в немецком языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2. С. 491–493.
7. Баркалова Н. В., Нагамова Н. В., Чепурина И. В. Экзоцентрические композиты на базе нарушения внутренней валентности в немецкой обиходно-разговорной речи // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 464–465.
8. Никитина О. А., Гудкова О. А. Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии Covid-19 (на материале новообразований немецкого языка) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4. С. 123–132.
9. Девкин В. Д. Лексикографический аспект комической номинации // Вестник ТГУ. 1998. Выпуск 2. С. 45–52.
10. Буренкова С. В. Обыгрывание аббревиации как способ создания комического эффекта (на материале немецкого языка) // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 11–13.

REFERENCES

1. Devkin V. D. Specifics of the dictionary of colloquial vocabulary // German-Russian dictionary of colloquial vocabulary: over 12 000 words. M.: Russian language, 1994. P. 12–29. (In Russ.)
2. Golub I. B. Stylistics of the Russian language. M.: Iris-press, 2005. 448 p. (In Russ.)
3. Literary encyclopedia of terms and concepts. M.: Intelvac, 2001. 1596 p. (In Russ.)
4. Devkin V. D. Entertaining lexicology. M.: Humanitarian Publishing Center “Vlados”, 1998. 312 p. (In Russ.)
5. Devkin V. D. German-Russian dictionary of colloquial vocabulary: over 12 000 words. M.: Russian language, 1998. 768 p. (In Russ.)
6. Khosainova O. S., Omelchenko M. S. Semantic features of lexical idioms in the German language // World of science, culture, education. 2020. No. 2. P. 491–493. (In Russ.)
7. Barkalova N. V., Nagamova N. V., Chepurina I. V. Exocentric composites based on the violation of internal valence in German everyday speech // World of science, culture, education. 2019. No. 2. P. 464–465. (In Russ.)
8. Nikitina O. A., Gudkova O. A. Contamination as a manifestation of playful word creation in the discourse about the Covid-19 pandemic (based on new formations of the German language) // Current issues of modern philology and journalism. 2020. No. 4. P. 123–132. (In Russ.)
9. Devkin V. D. Lexicographic aspect of comic nomination // Bulletin of TSU. 1998. Issue 2. P. 45–52. (In Russ.)
10. Burenkova S. V. Playing with abbreviation as a way to create a comic effect (based on the material of the German language) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. Story. Modernity. 2017. No. 4. P. 11–13. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. С. Ефимова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

O. S. Efimova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 03.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДА В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Луиза Ильфировна Овчинникова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, louisa_1990@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей интерпретации перевода правовой терминологии в юридических текстах. Анализируются особенности перевода лексических единиц, значение которых обусловлено контекстом. Материалом исследования служат русские и английские юридические термины. Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования строится на теоретическом анализе научной литературы. Делается вывод о том, что на качество интерпретации перевода юридических текстов сильное влияние оказывают лингвистические и нелингвистические экстрафакторы.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, юридический текст, приемы перевода, жанр юридического текста.

Для цитирования: Овчинникова Л. И. Особенности интерпретации перевода в юридических текстах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 152–156.

Original article

FEATURES OF INTERPRETATION OF TRANSLATION IN LEGAL TEXTS

Luiza I. Ovchinnikova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, louisa_1990@mail.ru

Abstract. The article is devoted to revealing the peculiarities of interpreting the translation of legal terminology in legal texts. The features of the translation of lexical units, the meaning of which is determined by the context, are analyzed. The research material is Russian and English legal terms. The reliability and validity of the obtained research results are based on the theoretical analysis of scientific literature. It is concluded that the quality of interpretation of the translation of legal texts is strongly influenced by linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: translation, interpretation, legal text, translation techniques, genre of legal text.

For citation: Ovchinnikova L. I. Features of interpretation of translation in legal texts // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 4 (102). P. 152–156.

Специфические особенности языка права детерминированы его тесной связью с соответствующими национальными правовыми системами. Каждое государство отличается правопорядком, сводом норм прав, номенклатурой форм и процедур судопроизводства.

Расширение международных деловых контактов России и других стран актуализирует необходимость эффективных меж-

языковых коммуникаций. Активное развитие сотрудничества в сферах торговли и экономики, а также рост трансграничных сделок между государствами, представляющими разные юрисдикции, регулируются национальными правовыми системами. По этим причинам повышается значимость юридического перевода, так как юридическая терминология является сложной сферой, требующей научного объяснения

теории и практики поиска межъязыковых соответствий. Этим объясняется актуальность исследования, проведенного в рамках данной статьи. Отдельную проблематику перед лингвистической наукой составляют вопросы определения и анализа факторов, от которых зависит качество перевода юридической терминологии на английский язык, оценки существующих и новых стратегий такого перевода посредством междисциплинарного взаимодействия с юриспруденцией [1, с. 120].

По мнению ведущих исследователей данной проблематики (К. Я. Авербух, А. Б. Бушева, С. П. Хижняк, М. Н. Володина, А. В. Подстрахова и мн. др.), повышается актуальность проблемы интерпретации текста в процессе перевода, что требует поиска новых методов лингвистических оптимизаций. Правильное применение приемов транслитераций сильно влияет на переведенный текст, что имеет особенное значение для перевода специфических текстов на правовую тематику.

Динамика развития российского правового дискурса, применение правовой терминологии, имеющей отношение к разным временным пластам, а также к исконно русской лексике и заимствованиям из зарубежных языков, история ее происхождения – все это обуславливает актуальность заявленной в статье проблемы и детерминирует потребность в дифференцированном подходе к переводу русских правовых терминов на английский язык.

Цель заключается в анализе особенностей интерпретации перевода в юридических текстах. Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования подтверждаются теоретическим анализом научной литературы.

Следует отметить, что проблематика, заявленная в статье, находится в фокусе повышенного внимания юристов, лингвистов, культурологов, переводчиков-лингвистов и историков. Установлено, что именно от умений правильно переводить иностранные тексты зависит формирование дополнительных профессиональных компетенций. Особен-

ное значение имеет юридический перевод иностранных текстов для студентов юридических и лингвистических специальностей, а также для юристов и профессиональных переводчиков, у которых нет юридического образования. Высокое качество такого перевода обеспечивается глубокими специальными знаниями, позволяющими правильно интерпретировать юридические тексты с целью максимально точной передачи смысла в процессе перевода на иностранные языки.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой юридический дискурс квалифицируется как вербально-прагматическое образование, представляющее собой один из когнитивных результатов процессов категоризации и концептуализации мира человеком [2, с. 125]. Следует отметить, что элементы юридического дискурса представлены в различных документах, таких как текст, договор, инструкция, сертификат и др., с которыми в своей работе сталкиваются юристы и переводчики юридических текстов.

В качестве примера можно проанализировать несколько словосочетаний, например, *the front man*, буквальным значением которого будет «человек, находящийся впереди», но на самом деле оно имеет значение «подставное лицо»; *to go to the Bar* (*Bar* связано с адвокатурой, профессией адвоката), *to go* как глагол становления, словосочетание приобретает значение «стать адвокатом»; *bad actor* переводится буквально как «плохой актер» вместо «закоренелый преступник».

Переводчики и юристы зачастую сталкиваются с компонентами юридического языка, обозначенными выше. Важно, чтобы в процессе перевода не нарушались соответствия оригинала и перевода между правовыми системами разных стран. По этой причине актуальным является анализ проблем теории и практики, решение которых объясняет основные особенности интерпретации перевода в юридических текстах.

Так, А. С. Киндеркнехт указывает на тот факт, что решение проблемы правильной интерпретации юридической терминологии

гии, применяемой в юридической практике, в сильной степени зависит от учета специфики конкретной национальной правовой системы. Обычно начинающие переводчики при решении этой задачи испытывают трудности. Применение для этих целей двуязычных словарей в корне не решает данную проблему, потому что тексты из разных национальных правовых систем требуют компетентности от переводчиков при использовании приемов в различных ситуациях [3, с. 123]. Преодоление этих трудностей перевода требует опоры на междисциплинарное взаимодействие с квалифицированными специалистами в области юриспруденции. Второй способ подразумевает использование большого количества аутентичных текстов документов, где присутствует подобная терминология для их сравнительного анализа. Последний подход позволяет изучить языковую среду, где используется термин, и определить, в какой степени он сочетается с другими словами.

Важно отметить наличие и иных особенностей юридических текстов, которые необходимо учитывать для задач интерпретации перевода. В данном контексте И. С. Алексеева подчеркивает, что юридический текст одновременно выполняет предписывающие и познавательные функции. Вместе со специальными терминами юридический текст содержит способы передачи информации, через которые проявляется тавтологическая когезия, при которой используется одно и то же существительное без его замены на синонимы с похожим контекстом (то есть не нарушаются нормы языка) [4, с. 108]. Это особенно необходимо, когда следует максимально прозрачно передать информацию и преодолеть субъективизм в интерпретации юридического текста. Для обеспечения объективности перевода юридических текстов рекомендуется использовать пассивные конструкции и глаголы, обозначающие действия в настоящий момент времени (в настоящем времени). Не меньшее значение имеет учет такой формы глагола, как Present Continuous, и учет таких глагольных категорий, как действительный и страдательный залоги.

Н. Д. Голев подчеркивает, что право имеет командную, директивную природу. По мнению исследователя, институт права призван принуждать общество соблюдать нормы права. Он пришел к выводу о том, что нормы языка также должны обеспечивать трансляцию функции принуждения, что будет находить выражение в волеизъявлении, отражающем позицию законодателя [5]. Ключевым средством выражения командного характера юридических текстов является изъявительное наклонение в глаголах.

Давая характеристику инвариантам юридического текста, следует учесть мнение В. Б. Исакова, отмечающего, что юридическому языку характерны надежность удобства грамматических конструкций, исключающих искажение смысла [6]. Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что номенклатура синтаксических структур, представленная в юридическом языке, зависима от конкретности и однозначности, что типично для всех юридических документов.

Другим качеством, характеризующим юридический язык, выступает эмоциональная нейтральность, которая распространяется на факты и события в нейтральных выражениях, без эмоционального давления и со скрытой юридической оценкой [5]. Таким образом, перечисленные особенности юридического языка выступают преобладающими системными признаками, которым следует уделять особое внимание при переводе. Найти отражение подобных особенностей в конкретном юридическом тексте видится возможным посредством квалифицированного переводческого анализа.

Присутствие гетерогенности в юридическом языке исследователи объясняют его возможностью сочетать в себе языки и жанры, представленные в нормативных правовых актах, в правоприменительной практике, в науке, в юридическом образовании и журналистике. С учетом этого свойства юридического языка в ходе переводческого анализа целесообразно определить принадлежность юридических текстов к конкретному жанру. Такой подход будет оказывать влияние на подбор переводческой стратегии

и придание тексту правового характера, от которых будет зависеть качество работы с юридическим текстом.

В исследовании Н. А. Мартыновой насчитывается четыре степени юридизации текста, проявляющиеся в следующем: 1) в текстах законодательства; 2) в текстах, имеющих отношение к исполнению законов; 3) в текстах, составленных лицами, имеющими юридическое образование; 4) в текстах, попавших в правовое поле в силу объективных причин. К тому же взаимодействие языковых единиц разного уровня представляет собой дополнительные проблемы при интерпретации [7, с. 121].

В работе, проведенной М. М. Муцциной, отмечается обеспечение качества перевода, а также подчеркивается значимость принадлежности юридического текста к конкретному типу и категории текста, с которым будет работать переводчик. На основе иерархии документов юридического характера исследователь выделяет многоуровневую систему поджанров юридических текстов (нормативных правовых актов, административных документов, учебной литературы). Каждому субжанру свойственны оригинальные постоянные характеристики и свойства, учет которых оказывает влияние на качество перевода [1, с. 22]. Исследователь констатирует ключевые инварианты юридического текста, которые нередко взаимоисключают друг друга [8, с. 132]. Так, если ориентироваться на познавательные потребности широкой целевой аудитории, не компетентной в вопросах юриспруденции, то во главу угла следует ставить критерии стиля изложения и понятности, которые будут преобладать над точностью перевода. В то же время перевод судебных документов, изданных в зарубежном государстве, требует высокой точности. Дополнительные трудности для переводчи-

ков создают специфические особенности отраслей права в зарубежных странах.

В заключение следует констатировать, что интерпретация перевода в юридических текстах представляет собой комплексный феномен, уделяя внимание которому переводчик обязан принимать во внимание множество факторов, учитывать задачи переводов, а также стремиться правильно и объективно передавать стиль оригинального текста и следовать обычаям языка, с которого осуществляется перевод.

Безусловно, в процессе перевода юридических текстов необходимо иметь в виду лингвистические и нелингвистические факторы, влияющие на специфику интерпретации перевода в юридических текстах. К ним следует отнести тавтологическую когезию, особенности интерпретации и употребления юридической терминологии. Такие особенности не дают возможность заменить правовые термины похожими синонимами, позволяющими передать правильный контекст. Не меньшее влияние на качество интерпретации перевода в юридических текстах оказывает степень юридизации и поджанр юридического текста, а также область права, в которой применяется текст. Указанные в выводах характерные особенности юридического текста следует учитывать при переводческом анализе. На качество интерпретации перевода в юридических текстах влияют компетентность переводчика, знание особенностей перевода юридических документов различных типов и знание правовых терминов, юридическая экспертиза, что требует совместной работы ряда специалистов.

Перспективы дальнейших исследований составляют вопросы изучения актуальных проблем интерпретации перевода юридических текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Муццинина М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 18–30.
2. Петрова Е. А. Функционирование сложноподчиненных предложений с придаточной предикативной клауземой в юридическом дискурсе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 124–131.

3. Киндеркнехт А. С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 5. С. 123–127.
4. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие. СПб: Союз, 2008. 288 с.
5. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 273 с.
6. Некрасова Т. П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: автореферат дис. ... канд. филол. наук М., 2013.
7. Мартынова Н. А. Сложности подбора эквивалентов юридических терминов при переводе // Sciences of Europe. 2016. № 10-1. С. 118–122.
8. Мушнина М. М. Об особенностях юридических текстов и юридических дефиниций // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 130–136.

REFERENCES

1. Muschinina M. M. About legal linguistics in Germany and Austria // Jurislinguistics. 2004. No. 5. P. 18–30. (In Russ.)
2. Petrova E. A. Functioning of complex sentences with subordinate predicative clauses in legal discourse // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (85). P. 124–131. (In Russ.)
3. Kinderknecht A. S. Features of the translation of legal texts // Scientific notes of the Oryol State University. 2015. No. 5. P. 123–127. (In Russ.)
4. Alekseeva I. S. Professional translator training: training manual. St. Petersburg: Soyuz, 2008. 288 p. (In Russ.)
5. Jurislinguistics-2: Russian language in its natural and legal existence: interuniversity collection of scientific papers / rep. ed. N. D. Golev. Barnaul: ASU Publishing House, 2000. 273 p. (In Russ.)
6. Nekrasova T. P. Features of the translation of legal terminology from Russian into English: abstract of thesis. ... cand. Philol. Sciences M., 2013. (In Russ.)
7. Martynova N. A. Difficulties in selecting equivalents of legal terms during translation // Sciences of Europe. 2016. No. 10-1. P. 118–122. (In Russ.)
8. Muschinina M. M. On the features of legal texts and legal definitions // Jurislinguistics. 2006. No. 7. P. 130–136. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 03.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 378.635.016:[614.812:351.749]

**ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ
НАВЫКАМ ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ**

Андрей Владимирович Васильченко¹, Александр Владимирович Самородов²
^{1,2} Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
¹avasilchenko12@mvd.ru

Аннотация. В статье актуализируются проблемы методологического характера, возникающие при обучении сотрудников органов внутренних дел навыкам оказания первой помощи в условиях боевых действий. Анализируются алгоритмы оказания первой помощи пострадавшим в мирное время и в условиях боевых действий. На основании опыта обучения навыкам оказания первой помощи сотрудников органов внутренних дел, направляемых на территории новых субъектов Российской Федерации для обеспечения законности и правопорядка, доказывается необходимость модернизации материально-технической базы, отмечается необходимость пересмотра методики преподавания.

Ключевые слова: боевая травма, первая помощь, модернизация, этапность обучения, знания, умения, навыки, ситуационные задания.

Для цитирования: Васильченко А. В., Самородов А. В. Организационно-методические аспекты обучения навыкам оказания первой помощи сотрудников полиции, направляемых для несения службы в особых условиях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 157–162.

Original article

**ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS
OF TEACHING FIRST AID SKILLS TO POLICE OFFICERS
SENT TO SERVICE IN SPECIAL CONDITIONS**

Andrey V. Vasilchenko¹, Alexander V. Samorodov²
^{1,2} Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
¹avasilchenko12@mvd.ru

Abstract. The article deals with the methodological problems that arise during the training of law enforcement officers in first aid skills in combat conditions. It analyzes the algorithms for providing first aid to victims in peacetime and in combat conditions. Based on the experience of teaching first aid skills to law enforcement officers sent to the territories of new subjects of the Russian Federation to ensure law and order, the need for modernization of the material and technical base is proved, the need for revision of teaching methods is noted.

Keywords: combat injury, first aid, modernization, stages of training, knowledge, skills, situational tasks.

For citation: Vasilchenko A. V., Samorodov A. V. Organizational and methodological aspects of teaching first aid skills to police officers sent to service in special conditions // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. (102). P. 157–162.

В 2022 году возникла острая необходимость обучения навыкам оказания первой

помощи сотрудников полиции, направляемых для несения службы в специальных

© Васильченко А. В., Самородов А. В., 2023

условиях. Выполнение сотрудниками органов внутренних дел оперативно-служебных задач в зоне специальной военной операции сопряжено с высоким риском боевой травмы.

Целью данной работы явилось формирование организационно-методических принципов обучения сотрудников органов внутренних дел навыкам оказания первой помощи в условиях специальной военной операции, для реализации которой были изучены факторы, способствующие летальному исходу боевой травмы, и способы их устранения, изучен опыт успешной подготовки участников боевых действий навыкам оказания первой помощи и факторы, ей препятствующие.

Согласно исследованиям по времени наступления летального исхода боевые травмы делятся на немедленные (в момент причинения повреждения), отсроченные (в течение первого часа) и поздние (в более отдаленные сроки) [1, с. 12]. При этом до 90 % лиц, получивших боевую травму, умирают на догоспитальном этапе (вторая группа). По мнению Р. С. Котвала, Л. Ф. Скотта, Дж. К. Джанака и др., треть смертей второй группы можно предотвратить в случае своевременной и адекватной первой помощи [2, с. 113]. Выделены причины наступления смерти в зависимости от анатомической локализации боевой травмы. Так, массивное кровотечение является основной причиной летального исхода при повреждениях любой локализации, асфиксия указывалась в качестве причины смерти при повреждении головы, шеи и грудной клетки, воздушная эмболия приводит к гибели при нарушении целостности яремных вен шеи, а пневмоторакс отмечен как основной фактор, приводящий к быстро нарастающей асфиксии при повреждении грудной клетки [3, с. 3].

Среди основных направлений оказания помощи, способствующих повышению выживаемости раненых, указываются: наложение артериального жгута, выполнение тройного приема, восстановление герметичности грудной клетки. Также отмечается необходимость обезболивания, согрева-

ния и профилактики инфицирования ран [4, с. 1351]. В качестве одной из основных причин гибели участников боевых действий указывается их недостаточная степень обучения навыкам первой помощи и оснащения средствами спасения [5, с. 14].

Таким образом, для оказания адекватной первой помощи участники боевых действий должны обладать устойчивыми навыками. В странах НАТО для решения подобной проблемы разработаны и утверждены курсы специальной подготовки Tactical Combat Casualty Care (далее – ТССС), включающие в себя базовую (не менее 40 часов) и дополнительную профессиональную подготовку [6, с. 144]. В России существует законодательно регламентированный алгоритм оказания первой помощи сотрудниками органов внутренних дел в обычных условиях (вне зоны боевых действий), однако официально разработанной и утвержденной программы подготовки полицейских навыкам оказания помощи раненым в боевых условиях нет.

Оказание первой помощи в условиях боевых действий имеет свою специфику. Алгоритм действий при оказании помощи раненым в корне отличается от алгоритма первой помощи вне зоны боевых действий. Это обуславливает необходимость пересмотра методики подготовки сотрудников полиции, рассматриваемых как потенциальных участников боевых действий.

Для спасения раненых в ситуации боевых действий необходимы правильная организация и отработанная тактика мероприятий по эвакуации из зоны поражения, оказания первой помощи с учетом специфики повреждений и места (зоны) нахождения пострадавшего. Основная тактика спасения участников боевых действий включает в себя следующие принципы:

1. **Безопасность:** сотрудники подразделения должны соблюдать правила безопасности для защиты не только раненых, но и самих себя.

2. **Целесообразность:** заключается в выполнении алгоритма оказания первой помощи в зависимости от зоны (красная, желтая) и области повреждения тела пострадавшего,

а также правильной технике выполнения приемов первой помощи.

3. Экипировка: для адекватного оказания первой помощи необходимо достаточное оснащение средствами спасения (жгуты/турникеты, индивидуальные перевязочные пакеты и пр.).

4. Слаженность действий: хорошая коммуникация между членами команды является одним из ключевых элементов тактики спасения. Каждый должен быть в курсе того, что происходит, и какие действия требуются в данный момент.

5. Быстрота реагирования: вся команда должна быть готова к быстрому реагированию на любую ситуацию, которая может возникнуть во время боевых действий [7, с. 604].

Данные принципы достигаются путем организации этапного обучения с достаточным для адекватного выполнения задачи количеством повторений. Регулярные тренировки помогут укрепить навыки и построить доверие между членами команды.

В сложившейся ситуации ведущее значение на уровень выживаемости раненых оказывают оснащение средствами оказания первой помощи, а также степень как индивидуальной подготовленности, так и групповой слаженности действий подразделения.

Высокий уровень владения навыками оказания первой помощи приобретает за счет оптимального и эффективного применения методов обучения. Неверное использование методики обучения, даже при условии правильной техники выполнения приемов первой помощи способствует формированию искаженного представления о тактике первой помощи, выработке искаженного алгоритма действий по ее оказанию. Разработка методики обучения навыкам первой помощи сотрудников, командированных для выполнения служебных задач в особых условиях, позволит оптимизировать освоение ими необходимых знаний, умений и навыков, выработать уверенность в себе, требуемую для эффективной и своевременно оказываемой первой помощи. Интерактивный характер проведения практических за-

ятий, использование подручных и штатных средств оказания первой помощи, отработка навыков оказания первой помощи при наиболее распространенных ситуациях помогут обучающимся успешно освоить данную профессиональную компетенцию и использовать ее в служебной деятельности.

Методика проведения практического занятия основывается на использовании интерактивных методов и форм обучения, организуется с учетом включенности в процесс познания всех обучающихся без исключения. Принципы реализации методики данного практического занятия основаны на взаимодействии, активности обучающихся, обязательной обратной связи.

Важным элементом обучения является отработка навыков использования подручных и штатных средств оказания первой помощи с применением манекенов-симуляторов, которые имитируют различные типы травм. Одним из преимуществ манекенов является то, что эти модели могут имитировать реальные боевые травмы и позволяют обучающимся отработать практические навыки по оказанию первой помощи в разных ситуациях (остановка кровотечения, устранение асфиксии и пневмоторакса, наложение повязок, иммобилизация, подготовка к транспортировке и пр.).

Учебные занятия по основам оказания первой помощи предусматривают проведение лекций и практических занятий. Главной задачей занятий лекционного типа является овладение обучающимися знаниями алгоритмов оказания первой помощи в типичных ситуациях.

При проведении практических занятий необходимо освоение навыков, основанных на знаниях, полученных в ходе лекции. Занятия данного типа целесообразно разделить на аудиторные и полевые.

При реализации аудиторных занятий важно добиваться того, чтобы каждый обучающийся самостоятельно отработал все изучаемые приемы с количеством повторений, необходимым для их технически правильного в требуемом для реальной ситуации темпе. Отработку техники и последователь-

ности выполнения приемов целесообразно осуществлять в три этапа.

На первом этапе преподаватель демонстрирует технику выполнения приемов первой помощи в соответствии с зональными алгоритмами, изложенными на лекционном занятии. Демонстрация сопровождается подробными разъяснениями о целесообразности техники выполнения и важности последовательности приемов первой помощи. Осознание того, для чего и в какой последовательности выполняются приемы первой помощи, способствует активизации внимания и улучшению усвоения учебного материала обучающимися. Важным компонентом является демонстрация последовательности приемов без спешки, с акцентом на правильное их выполнение, распространенные ошибки обучающихся, последствия нарушения техники и алгоритма оказания первой помощи. Во избежание рассеивания внимания следует ответить на вопросы, которые могут возникнуть у обучающихся на данном этапе.

На втором этапе преподаватель реализует алгоритм оказания первой помощи по командам участников учебной группы. Все обучающиеся должны быть вовлечены в процесс обучения. Задачами данного этапа являются активное запоминание каждым из обучающихся техники выполнения приемов первой помощи и последовательности их применения, управление мыслительной деятельностью обучающихся. Каждый из обучающихся поочередно озвучивает преподавателю команду по реализации алгоритма оказания помощи пострадавшему в рекомендованной на первом этапе последовательности. Важно учесть, что в случае если обучающийся произносит команду, не входящую в требуемый алгоритм действий, либо нарушает очередность алгоритма, преподаватель не выполняет названное действие. Особое внимание необходимо уделить тому, чтобы уточняющими вопросами подвести обучающегося к самостоятельному произнесению команды правильного действия. При этом необходимо следить за отсутствием подсказок со стороны других обучающихся.

На третьем этапе обучающиеся самостоятельно реализуют алгоритмы оказания первой помощи. Задачами данного этапа являются отработка техники выполнения приемов первой помощи, выработка идеомоторного автоматизма реализации зонального алгоритма оказания помощи пострадавшим.

На данном этапе каждый из обучающихся демонстрирует приемы первой помощи. В случае, если обучающийся допускает ошибку, необходимо указать на нее и потребовать выполнять данный прием до тех пор, пока не будет достигнута правильная техника его исполнения в требуемой зональным алгоритмом последовательности.

Практические занятия, реализуемые в полевых условиях, являются обязательной составляющей обучения. Их целью является отработка обучающимися навыков по оказанию первой помощи в смоделированной ситуации, приближенной к реальной, наиболее вероятной к возникновению в ходе служебной деятельности. При выполнении задания группой обучающихся целесообразно дополнительное применение факторов, вызывающих стресс: затруднение видимости, искусственная кровь и пр. Занятие завершается анализом действий подразделения: после выполнения задания преподаватель совместно с обучающимися осуществляет разбор действий каждого участника и подразделения в целом, чтобы определить, что было сделано правильно, а что нуждается в улучшении.

Рассматривая организационно-методические основы обучения сотрудников, направляемых в зону специальной военной операции, необходимо отметить факторы, негативно влияющие на эффективность обучения. Среди них самыми распространенными проблемами являются: малое количество часов, выделяемых для тактической медицины, недостаточный уровень оснащения манекенами и средствами оказания первой помощи в условиях боевых действий.

Таким образом, при организации обучения сотрудников органов внутренних дел, направляемых в зону специальной военной операции, навыкам оказания первой помо-

щи раненым в условиях боевых действий целесообразно использовать подход, основанный на современных принципах курса специальной подготовки ТССС, в ходе которой осуществляется теоретическое изучение тактики и техники оказания первой помощи, применения медицинских изделий и лекарственных средств (жгуты, турникеты, воздуховоды, индивидуальные перевязочные пакеты и эластичные бинды, гемостатические средства для тампонады ран, обезболивающие и антибактериальные средства) в красной и желтой зонах, подготовительных мероприятий для эвакуации в зеленую зону, этапное освоение практических навыков оказания первой помощи и алгоритма зонального оказания помощи в условиях аудитории с использованием манекенов и

с последующей отработкой слаженности действий подразделения при выполнении учебных заданий в полевых условиях, имитирующих ситуации наиболее распространенных боевых травм (ранения конечностей и таза, сопряженные с различными видами кровотечений, повреждения области лица с нарушением проходимости дыхательных путей, проникающие ранения грудной клетки с пневмотораксом).

Использование вышеуказанных организационно-методических принципов обучения тактике и навыкам оказания первой помощи раненым в боевых действиях позволит улучшить качество обучения, способствовать снижению летальности от боевой травмы, повышению эффективности выполнения оперативно-служебных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Джеффри Т., Котвал Х. С., Котвал Р. С., Сантос-Лазата А. Р., Мартин М. Дж., Стокингер З. Т. Пересмотр политики золотого часа при травмах, полученных на поле боя // Журнал травматологии и неотложной хирургии. 2017. Том 84. С. 11–18.
2. Котвал Р. С., Скотт Л. Ф., Джанак Дж. К., Тарпи Б. В., Ховард Дж. Т., Эдвард Л., Батлер Ф. К., Шакелфорд С., Гурни Дж. М., Жолт Т. Влияние времени догоспитальной транспортировки, тяжести травмы и переливания крови на выживаемость при военных потерях США в Ираке // Журнал травматологии и неотложной хирургии. 2018. Том 85. С. 112–121.
3. Нам Дж. Дж., Маклерой Р. Д., Фишер А. Д. В одиночестве и иногда без страха: военный взгляд на передовую реанимацию с контролем повреждений на современном поле боя // Текущие отчеты о травмах. 2019. С. 1–10.
4. Котвал Р. С., Монтгомери Х. Р., Котвал Б. М. Устранение предотвратимой смерти на поле боя // Архив хирургии. 2022. № 146. С. 1350–1358.
5. Боравкова О. В., Лукьянов Ю. А. Тактическая медицина в боевой подготовке // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. 2022. № 2 (56). С. 13–19.
6. Дрю Б., Монтгомери Х. Р., Батлер Ф. К. Тактика оказания первой помощи пострадавшим в бою (ТССС). Руководство для медицинского персонала // Спецоперация. Медицина. 2020. Том 20. № 4. С. 144–151.
7. Котвал Р. С., Штаудт А. М., Мазуховски Э. Л., Гурни Дж. М., Шакелфорд С., Батлер Ф. К., Стокингер З. Т., Холкомб Дж. Б., Нессен С. К., Манн-Салинас Э. А. Исследование базы данных двух передовых хирургических групп вооруженных сил США о боевой смертности в Афганистане // Журнал травматологии и неотложной хирургии. 2018. Том 85. С. 603–612.

REFERENCES

1. Jeffrey T., Kotwal H. S., Kotwal R. S., Santos-Lazada A. R., Martin M. J., Stockinger Z. T. Reexamination of a Battlefield Trauma Golden Hour Policy // Journal of Trauma and Acute Care Surgery. 2017. Vol. 84. P. 11–18. (In Russ.)
2. Kotwal R. S., Scott L. F., Janak J. C., Tarpey B. W., Howard J. T., Edward L., Butler F. K., Shackelford S., Gurney J. M., Zsolt T. The effect of prehospital transport time, injury severity, and blood transfusion on survival

of US military casualties in Iraq // Journal of Trauma and Acute Care Surgery. 2018. Vol. 85. P. 112–121. (In Russ.)

3. Nam J. J., McLeroy R. D., Fisher A. D. Alone and Sometimes Unafraid: Military Perspective on Forward Damage Control Resuscitation on the Modern Battlefield. J. Current Trauma Reports. 2019. P. 1–10. (In Russ.)

4. Kotwal R. S., Montgomery H. R., Kotwal B. M. Eliminating Preventable Death on the Battlefield // Archives of Surgery. 2022. Vol. 146. P. 1350–1358. (In Russ.)

5. Borovkova O. V., Lukyanov Yu. A. Tactical medicine in combat training // Regional aspects of management, economics and law of the North-Western Federal District of Russia. 2022. Vol. 2 (56). P. 13–19. (In Russ.)

6. Drew B., Montgomery H. R., Butler F. K. Jr. Tactical Combat Casualty Care (TCCC) Guidelines for Medical Personnel // Special operation. Medicine. 2020. Vol. 20. No. 4. P. 144–151. (In Russ.)

7. Kotwal R. S., Staudt A. M., Mazuchowski E. L., Gurney J. M., Shackelford S., Butler F. K., Stockinger Z. T., Holcomb J. B., Nessen S. C., Mann-Salinas E. A. US military Role 2 forward surgical team database study of combat mortality in Afghanistan // Journal of Trauma and Acute Care Surgery. 2018. Vol. 85. P. 603–612. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. В. Васильченко, кандидат медицинских наук, доцент;

А. В. Самородов, доктор медицинских наук, доцент.

Information about the authors:

A. V. Vasilchenko, Candidate of Medicine, Associate Professor;

A. V. Samorodov, Doctor of Medicine, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 378.635.08:796-027.22(470)

**КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ РАБОТНИКАМИ В СФЕРЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ**

Юрий Владимирович Иващенко¹, Дарья Валерьевна Кузьменко², Вадим Олегович Ким³

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

^{2,3} Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ Krap11_94@mail.ru, ² rostvop8@mail.ru, ³ vkim39@mvd.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблемам кадрового обеспечения образовательных организаций МВД России педагогическими работниками в сфере профессионально-прикладной физической подготовки. Выделены критерии оценки поступающих на службу кандидатов, влияющие на эффективность учебно-воспитательного процесса личного состава, отмечена необходимость совершенствования профессионального обучения, а также варианты оптимизации при приеме на службу сотрудников для замещения должностей, организующих и осуществляющих физическую подготовку в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: физическая подготовка, профессиональная подготовка, образовательный процесс, кадровое обеспечение, педагогические работники.

Для цитирования: Иващенко Ю. В., Кузьменко Д. В., Ким В. О. Критерии и проблемы кадрового обеспечения образовательных организаций МВД России в сфере профессионально-прикладной физической подготовки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 163–169.

Original article

**CRITERIA AND PROBLEMS OF STAFFING EDUCATIONAL
ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF RUSSIA WITH PEDAGOGICAL WORKERS IN THE FIELD
OF VOCATIONAL AND APPLIED PHYSICAL TRAINING**

Yuri V. Ivashchenko¹, Daria V. Kuzmenko², Vadim O. Kim³

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia,

^{2,3} Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ Krap11_94@mail.ru, ² rostvop8@mail.ru, ³ vkim39@mvd.ru

Abstract. The study is devoted to the problems of staffing educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia with teachers in the field of professionally applied physical training. The criteria for assessing candidates entering the service that affect the effectiveness of the educational process of personnel are highlighted, the need to improve vocational training is noted, as well as optimization options for hiring employees to fill positions that organize and carry out physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: physical training, vocational training, educational process, staffing, teaching staff.

For citation: Ivashchenko Yu. V., Kuzmenko D. V., Kim V. O. Criteria and problems of staffing educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of vocational and applied physical training // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 163–169.

© Иващенко Ю. В., Кузьменко Д. В., Ким В. О., 2023

В настоящее время сотрудники органов внутренних дел выполняют сложные задачи, применяют специфические инструменты, средства и методы для службы в особых условиях. Наличие внешних и внутренних факторов, влияющих на безопасность страны¹ и общества в целом, обуславливает необходимость строгой координации действий силовых ведомств, их эффективного взаимодействия, создания условий для устранения некомплекта в подразделениях МВД России. Вышеизложенное доказывает актуальность совершенствования кадровой политики, ее значительного обновления, реорганизации системы подготовки кадров для органов внутренних дел.

Одним из основных показателей профессиональной подготовки сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации является юридическая (правовая) грамотность. Применение полученных в процессе обучения умений и навыков в области юриспруденции позволяет реализовывать поставленные задачи по охране правопорядка, обеспечивать национальную безопасность государства и должно интегрироваться с достойным уровнем огневой, тактико-специальной, общей и специальной прикладной физической подготовки согласно нормативным требованиям.

Замещение некоторых должностей в органах внутренних дел требует наличия у сотрудников особых узконаправленных компетенций, а качественное выполнение служебных обязанностей возможно только при наличии профильного высшего образования, соответствующего деятельности. Институт наставничества, а также система взаимозаменяемости и преемственности таких сотрудников в настоящее время требуют поиска новых средств и методов обучения, позволяющих формировать глубокие теоретические знания и устойчивые практические навыки в избранной сфере, исключая формальные подходы к реализации передачи опыта вновь принятым на службу в органы внутренних дел.

К вышеописанным должностным категориям можно отнести:

- сотрудников отделов (отделений, групп) профессиональной подготовки управлений МВД России на различных уровнях;
- штатных и внештатных инструкторов (инспекторов) по профессиональной служебной и физической подготовке территориальных подразделений МВД России;
- профессорско-преподавательский состав кафедр физической и огневой (тактико-специальной) подготовки образовательных организаций системы МВД России.

В предыдущих исследованиях нами проведен анализ комплектования и подготовки сотрудников, обязанностью которых в том числе является проведение занятий по профессиональной служебной и физической подготовке территориальных подразделений МВД России (инструкторов по профессиональной служебной и физической подготовке), обобщен передовой опыт обучения данных сотрудников при реализации программы повышения квалификации.

В настоящее время актуальным представляется рассмотрение вопроса подготовки кадров высшей квалификации для прохождения службы в образовательных организациях высшего образования МВД России.

Формирование профессиональных компетенций (правомерного и эффективного применения физической силы и специальных средств) у обучающихся образовательных организаций МВД России в значительной мере зависит от качества профессиональной деятельности педагогического работника, реализующего дисциплину (учебную дисциплину) «Физическая подготовка». По мнению А. А. Тхагалегова, комплектование вышеуказанными специалистами происходит по принципу занятости спортом, не отрегулирован вопрос квалификационных требований, предъявляемых к педагогическим кадрам по физической подготовке [1].

¹ Текст выступления Министра внутренних дел генерала полиции В. А. Колокольцева в Государственной Думе в рамках «правительственного часа» // Сетевое издание «МВД МЕДИА»: сайт. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministry-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-v/> (дата обращения: 24.04.2023).

Деятельность педагогического работника, в первую очередь, основана на выполнении им должностной инструкции, исходя из которой основными видами работы являются учебная, методическая, научно-исследовательская. На личный состав кафедры физической подготовки в образовательных организациях МВД России возложено в том числе выполнение обязанностей, связанных с организацией спортивной и тренировочной работы, подготовка сборных команд по служебно-прикладным видам спорта. При этом второстепенный характер такой деятельности не исключает дискуссии.

Квалифицированные спортсмены, имеющие спортивные разряды и звания (не ниже кандидата в мастера спорта), зачастую обладают приоритетом при отборе кандидатов для прохождения службы в качестве педагогических работников на кафедре физической подготовки. Согласно статистике, озвученной на XXII внеочередной Всероссийской конференции Общественно-государственного объединения «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо», в настоящее время в органах внутренних дел свыше 2500 сотрудников имеют спортивные звания¹. Отметим, что определить оптимальное количество сотрудников, проходящих службу в МВД России и имеющих спортивные звания, необходимых для выполнения конкретных задач, в настоящее время не представляется возможным, а само определение не является однозначным.

Согласимся с Н. С. Секретарюк, которая в своем исследовании отметила индивидуализацию профессиональной подготовки преподавателей, являющуюся важнейшим путем ее совершенствования и предполагающую активную целенаправленную работу как должностных лиц различных звеньев по созданию специфических учебно-материальных условий, так и самих преподавателей, стремящихся к неформальному, основанному на индивидуальных особенностях, ов-

ладению «секретами» педагогической деятельности [2], а также поддержим мнение большинства ученых, конкретизирующих необходимость индивидуализации профессионально-педагогической подготовки инструкторов (преподавателей) в области огневой и физической подготовки сотрудника органов внутренних дел. Т. С. Купавцев, А. В. Малиновский, Д. В. Юркин, представляя результаты исследования, отметили, что важнейшими требованиями, предъявляемыми к индивидуализации профессионально-педагогической подготовки инструкторов (преподавателей) огневой и физической подготовки, являются: многогранность; систематичность; конкретность и целеустремленность; действенность; единство коллективных и индивидуальных форм подготовки и т. д. [3].

При организации образовательного процесса в ведомственных вузах, особенно при реализации прикладных и профильных дисциплин (учебных дисциплин), в настоящее время привлекаются к учебным занятиям действующие сотрудники, а также ветераны ОВД, оказывающие как практическую помощь по формированию профессиональных компетенций у обучающихся, так и методическую помощь педагогическому работнику. Зачастую молодым преподавателям представляется сложным процесс овладения знаниями в области служебно-прикладной физической подготовки, ввиду трудоемкости материала по курсу и ограниченного количества времени для ознакомления с ним, вследствие чего возникают проблемы, связанные с разработкой методики преподавания по темам. Следует отметить, что адаптацию педагогического работника, ранее обучавшегося в ведомственной образовательной организации (в должности курсанта), благодаря преемственности (передаче знаний со стороны более опытного коллеги), условно возможно определить как удовлетворительную, вариативно наиболее приемлемую для построения будущих ассоциативных траекторий об-

¹ Текст выступления Министра внутренних дел генерала полиции В. А. Колокольцева на внеочередной всероссийской конференции Общества «Динамо» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/37554590> (дата обращения: 25.04.2023).

разовательного процесса в педагогической деятельности. Несмотря на это, отсутствие педагогического образования в сфере физической культуры и спорта может являться основанием для отказа при рассмотрении сотрудника на замещение должности педагогического работника кафедры в пользу кандидата, получившего соответствующее профильное педагогическое образование.

Отсутствие опыта практической деятельности (применения физической силы и специальных средств) в реальных условиях выполнения служебных задач (задержания, конвоирование и т. д.) у педагогических работников, являющихся профессиональными спортсменами и имеющих соответствующие спортивные звания и достижения, влияет на организацию и проведение учебных занятий по специальным темам, связанным с тактикой применения боевых приемов борьбы и оказанием сотрудниками взаимопомощи в типичных ситуациях оперативно-служебной деятельности, а именно на консолидацию основных и специфических элементов, необходимых для полноценного формирования запланированных компетенций. Происходит это в связи с получением вышеуказанными педагогическими работниками собственных умений и навыков в условиях, кардинально противоположных тем, которые создаются при выполнении служебных обязанностей. Своеобразная сущность вышеописанного антипода заключается, во-первых, в хаотичности, зачастую большей жестокости, непредсказуемости действий оппонента (правонарушителя, преступника) в условиях, складывающихся в момент осуществления служебной деятельности сотрудником полиции (например, в рамках охраны общественного порядка при проведении массовых общественных мероприятий), напротив же, профессиональные спортсмены аккумулируют свои знания, умения и навыки в условиях строгой дисциплины, соблюдения правил и требований, формального или реального уважения со стороны оппонента; во-вторых, возможных последствиях и абсолютно разным уровне ответственности за предпринятые действия. При этом необходимо кон-

статировать, что вероятность достижения и демонстрации максимальных результатов обучающимися образовательных организаций МВД России в спортивной (состязательной) деятельности выше при внедрении в образовательный процесс технических и тактических комбинаций, «манер», заимствованных из качественной тренировочной технологии, сформированной у лиц, имеющих профилирующее педагогическое образование в сфере профессионального спорта, а также личные достижения в конкретном виде спорта.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить основные (общие и частные) критерии, сформированные и используемые в настоящее время для оценки кандидатов, претендующих на должности профессорско-преподавательского состава кафедры физической подготовки:

- физическое и психическое здоровье: отсутствие у кандидата заболеваний и психических отклонений, препятствующих прохождению службы в органах внутренних дел;
- занятость спортом, наличие спортивной квалификации, возможность представлять образовательную организацию в спортивных состязаниях: данный критерий предполагает наличие у кандидата высокой спортивной квалификации, наличие достижений, а также способности на хорошем уровне выступать в соревнованиях по служебно-прикладным видам спорта на протяжении значительного периода времени;
- профильное образование: наличие у кандидата педагогического образования, а именно в области физической культуры и спорта, компетенций по ведению как учебной, так и тренировочной деятельности;
- ученая степень: наличие ученой степени не является обязательным критерием для всех должностей, однако приоритетным при отборе;
- практический опыт работы в силовых структурах, участие в боевых действиях, проведении специальных операций: наличие навыков применения физической силы, специальных средств при исполнении служебных обязанностей в практической деятельности правоохранительных органов;

– способность к саморазвитию, «многофункциональность»: наличие способности быстрой адаптации в условиях многоаспектной педагогической деятельности, в том числе навыков научно-исследовательской работы;

– иные критерии (связанные с реализацией различных образовательных программ, корпоративных традиций и т. д.).

Аккумуляция одновременно всех вышеперечисленных критериев в одном кандидате является скорее исключением, чем правилом, и восполняется наработанной в вузах системой замещения, согласно номенклатурам должностей и утвержденному штатному расписанию в образовательной организации, однако не исключает попыток оптимизации в исследованиях ученых.

Е. Е. Витютнев в своей работе раскрывает актуальность вопроса, связанного с созданием факультетов для подготовки специалистов по физической подготовке для ОВД в образовательных организациях по физической культуре и спорту, а для действующих специалистов в этой области – организации курсов повышения квалификации при кафедрах физической подготовки головных образовательных организаций системы МВД России, и, цитируя В. А. Золотенко [4], отмечает, что одним из результативных способов повышения педагогической компетенции преподавателей по физической подготовке является стажировка в практических органах с целью ознакомления с опытом применения физической силы, специальных средств и дальнейшее использование этого опыта в образовательном процессе курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России [5]. На сегодняшний день не создан рациональный системный механизм обновления образовательных программ по данному направлению, отсутствуют общие работоспособные, результативные формы и способы их реализации.

Интересными представляются взгляды ученых и специалистов, поддерживающих тенденцию отечественной модернизации системы высшего образования, создание в ней новых направлений подготовки (в том числе выделение узких специализаций), а

также внедрение и реализацию синтезированных образовательных программ. Так, Н. В. Астафьевым в 2010 году предложено реализовывать обучение специалистов в области служебно-боевой подготовки органов внутренних дел в рамках отдельной специальности высшего профессионального образования, а именно 050506.65 Правоохранительная деятельность с дополнительной специальностью (например, специальность 032100.62 Физическая культура) [6]. Е. Е. Витютневым в 2018 году также в качестве примера предложено подготовку преподавателей по физической подготовке осуществлять в рамках специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, узкая специализация «Профессионально-прикладная физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел», им отмечено, что уровень профессиональной подготовленности специалистов, прошедших обучение по этой узкой специализации, был бы идентичен уровню профессиональной компетентности, необходимому профессорско-преподавательскому составу кафедр физической подготовки образовательных организаций МВД России и инструкторам по физической подготовке практических ОВД [5]. На наш взгляд, данный подход представляется интересным и обоснованным в настоящее время в рамках научной дискуссии и внедрения в практическую деятельность. Формируя подобную образовательную программу, следует руководствоваться принципом интеграции теоретической и практической подготовки (служебной практики), в том числе с использованием целевого обучения и сетевой формы. Образовательный процесс по такой программе может быть организован как в образовательных организациях МВД России, так и в не ведомственных вузах с привлечением действующих сотрудников органов внутренних дел (в законодательстве Российской Федерации закреплено право ведения педагогической деятельности), ветеранов. Например, в образовательных организациях, осуществляющих подготовку выпускников по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое

образование, возможно дополнить профиль «Физическая культура» профилем «Физическая культура и спорт/служебно-прикладная физическая подготовка».

Среди предложений по оптимизации подготовки кадров выделяют также актуализацию приемов и средств обучения при реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, дающих право на осуществление педагогической деятельности в сфере профессионально-прикладного физического воспитания. Реализацию данных программ целесообразно осуществлять на основе сочетания традиционной контактной и сетевой формы с привлечением территориальных подразделений МВД России, а также частично в форме стажировки.

Неоднократно в рамках конференций обсуждался вопрос о внутрикафедральном делении личного состава кафедры на педагогических работников, реализующих образовательный процесс по темам общей физической подготовки, по разделу служебно-прикладной физической подготовки, совершенствующих спортивное мастерство обучающихся. Такое деление позволяет комплектовать подразделения по узким направлениям, что значительно увеличивает количество соответствующих первостепенным критериям для отбора кандидатов. Несмотря на то, что единого подхода к такому явлению в ведомственных вузах не сформировано, зачастую оно встречается при закреплении педагогических работников за соответствующими темами. Исходя из этого, следует, что закрепление педагогического работника за конкретной темой учебного занятия предполагает способность педагога сформировать у обучающегося конкретную(ые) компетенцию(ии), запланированную(ые) в рабочей программе по дисциплине. Вышеизложенное демонстрирует возможность, а в некоторых случаях необходимость при выборе кандидата на должность педагогического работника основываться на анализе кадрового потенциала кафедры и обеспеченности трудовыми единицами каждой из реализуемых по отдельной теме компетенции (например,

критериями «формирование компетенции обеспечено трудовыми единицами в полном объеме», «формирование компетенции обеспечено в рамках замещения трудовой единицы», «формирование компетенции в настоящее время не обеспечено»). При этом основные критерии отбора, перечисленные ранее, могут варьироваться определением их существенности и несущественности, что значительно оптимизирует отбор кандидатов, снизит и рационализирует нагрузку на профессорско-преподавательский состав.

Согласимся, что так же, как и в естественнонаучном понимании выбор не может быть обоснован априори, как отметил М. Б. Эпендиев, лишь наблюдение за объектом на следующем уровне масштабов может подтвердить или опровергнуть сделанный выбор [7].

Результатом реализации образовательных программ высшего образования в ведомственных вузах является формирование высококвалифицированного специалиста, способного проходить службу в органах внутренних дел и качественно выполняющего, возложенные на него задачи. Гарантией такого результата является грамотная, динамичная относительно внутри и внешне государственной ситуации кадровая политика. Критерии комплектования кафедры физической подготовки в образовательных организациях МВД России педагогическими работниками демонстрируют высокий уровень требований, предъявляемых к кандидатам для замещения указанных должностей, многоаспектность деятельности. Решение проблемных вопросов в этой сфере является актуальным и обоснованным. При отборе кандидатов следует учитывать, что любая система эффективно функционирует только при рациональном и умеренном возложении задач на каждый составляющий ее элемент, перераспределение обязанностей вакантных должностей на имеющиеся трудовые единицы должно носить исключительно кратковременный, непостоянный характер, так как превышающая установленные пределы индивидуальная нагрузка оказывает прямое воздействие на результативность общей коллективной деятельности. В связи с чем ру-

ководителям кафедр с сотрудниками кадровых подразделений необходимо проводить совместную аналитическую работу относительно установления наличия и достаточности педагогических работников для формирования каждой отдельной компетенции, закрепленной за кафедрой, выделять суще-

ственные и несущественные критерии в каждом индивидуальном случае для отбора из числа представленных кандидатур на должность, тем самым способствовать созданию комфортной среды для всех участников образовательного процесса, достижению поставленных целей, высокой результативности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тхагалегов А. А. К вопросу о профессиональной подготовке инструкторско-педагогических кадров по физической подготовке для системы МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 269–271.
2. Секретарюк Н.С., Совершенствование структуры педагогической деятельности преподавателей вуза: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2004.
3. Купавцев Т. С., Малиновский А. В., Юркин Д. В. Развитие профессионально-педагогической компетентности инструкторов огневой и физической подготовки в МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-3. С. 90–97.
4. Золотенко В. А. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в образовательных учреждениях МВД России: дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2011.
5. Витютнев Е. Е. Проблемы профессиональной подготовки преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39). С. 83–86.
6. Астафьев Н. В. Высшее профессиональное образование и послевузовское образование сотрудников, обеспечивающих служебно-боевую подготовку органов внутренних дел // Право и образование. 2010. № 4. С. 57–76.
7. Эпендиев М.Б. Теоретические основы физики. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2018. 472 с.

REFERENCES

1. Thagalegov A. A. On the issue of professional training of instructors and teaching staff in physical training for the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Education. The science. Scientific personnel. 2022. No. 1. P. 269–271. (In Russ.)
2. Sekretaryuk N.S., Improving the structure of teaching activities of university teachers: abstract of thesis. ...cand. ped. Sci. Orenburg, 2004. (In Russ.)
3. Kupavtsev T. S., Malinovsky A. V., Yurkin D. V. Development of professional and pedagogical competence of fire and physical training instructors in the Ministry of Internal Affairs of Russia // Problems of modern pedagogical education. 2017. No. 56-3. P. 90–97. (In Russ.)
4. Zolotenko V. A. Improving professionally applied physical training of cadets in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: dis. ...cand. ped. Sci. St. Petersburg, 2011. (In Russ.)
5. Vityutnev E. E. Problems of professional training of teachers of physical training of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (39). P. 83–86. (In Russ.)
6. Astafiev N.V. Higher professional education and postgraduate education of employees providing service and combat training for internal affairs bodies // Law and Education. 2010. No. 4. P. 57–76. (In Russ.)
7. Ependiev M.B. Theoretical foundations of physics. Ed. 2nd, add. and processed M.-Izhevsk: Institute of Computer Research, 2018. 472 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПИСЬМО КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ В АДЬЮНКТУРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Марина Римантасовна Илакавичус
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, marinaorlova_99@inbox.ru

Аннотация. Умение быть автором академического текста рассматривается сегодня как базовая составляющая исследовательской компетентности. Соискателю научной степени необходимо знать нормы научного стиля, владеть приемами реализации рамки рассуждения, аргументации. Ему также важно понимать, что такое научная коммуникация и научный дискурс. Базовые знания о тексте осваиваются россиянами в школьном курсе русского языка, опыт авторской работы формируется в студенческие годы. Многие адъюнкты становятся соискателями в достаточно зрелом возрасте, при работе над диссертацией они нуждаются в системной актуализации или формировании основ академической грамотности. В связи с этим развитие академической грамотности представляется важным направлением работы адъюнктуры образовательных организаций МВД России. В статье описаны проблемы области академического письма, требующие разрешения в образовательном процессе. Предлагается сопровождение адъюнктов педагогическими работниками всех реализуемых дисциплин на систематической основе. Описаны содержание и методические акценты этапов данной поддержки.

Ключевые слова: академическое письмо, академическая грамотность, обучение в адъюнктуре, образовательные организации МВД России, образование взрослых, андрагогическое сопровождение

Для цитирования: Илакавичус М. Р. Академическое письмо как актуальное направление подготовки в адъюнктуре образовательных организаций МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 170–176.

Original article

ACADEMIC WRITING AS A CURRENT DIRECTION OF TRAINING AT THE POSTGRADUATE COURSES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Marina R. Ilakavichus
Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint-Petersburg, Russia, marinaorlova_99@inbox.ru

Abstract. The ability to be the author of an academic text is considered today as a basic component of research competence. The applicant for a scientific degree needs to know the norms of the scientific style, to master the methods of implementing the framework of reasoning, argumentation. It is also important for him to understand what scientific communication and scientific discourse are. Basic knowledge about the text is mastered by Russians in the school course of the Russian language, the experience of the author's work is formed in the student years. Many graduate students become applicants as quite mature people; when working on a dissertation, they need systemic updating or the formation of the foundations of academic literacy. Therefore, the development of academic literacy seems to be an important area of work for the postgraduate work of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article describes the problems in the field of academic writing that need to be resolved in the educational process. It is proposed to support graduate students, teachers of all implemented disciplines on a systematic basis. The content and methodological accents of the stages of this support are described.

Keywords: academic writing, academic literacy, postgraduate education, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, adult education, andragogical support

For citation: Ilakavicius M. R. Academic writing as a current direction of training at the postgraduate courses of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. (102). P. 170–176.

Сотрудник МВД России, поступивший в адъюнктуру, сталкивается с множеством вызовов, ответить на которые сложно в быстро текущее время работы над диссертацией. Недостаточная подготовленность данной категории обучающихся является предметом размышлений специалистов высшей школы [1; 2; 3]. В перечне ожидаемых базовых умений адъюнктов обычно указывается академическая грамотность. Ее структуру И. Б. Короткина представляет тремя аспектами: «операциональным, связанным с развитием языковых систем, методов, инструментов и технологий написания и интерпретации текстов; культурным, означающим использование операциональных компетенций в аутентичном социальном или профессиональном контексте и участие в различных социальных дискурсах; критическим, охватывающим способы трансформации и активного воспроизведения существующих дискурсивных практик и требующим развития способности оценивать и подвергать критическому переосмыслению ресурсы, посредством которых эти практики осуществляются» [4, с. 115]. Академическая грамотность формируется/развивается в обучающей работе в области академического письма, результатом которой является «во-первых, умение порождать собственные оригинальные мысли и обосновывать их посредством логики и аргументации, а, во-вторых, умение структурировать письменную работу как единое целое, правильно оформляя и систематизируя как гипотетический, так и фактический материал» [5, с. 25]. Первоначально академическое письмо в российской практике высшей школы преследовало цель обучить студентов нормам академической коммуникации на английском языке для успешных зарубежных публикаций. Однако вскоре пришло осознание дефицита основ акаде-

мической грамотности в родном языке, его негативное влияние на результат научной работы аспирантов.

Сегодня вряд ли конструктивно считать академическую грамотность априори имеющейся в наличии у обучающегося в адъюнктуре, потому что он имеет высшее образование. Среднестатистический российский студент оснащен школьной базой работы с текстом. Она формируется программой русского языка, в рамках раздела «Русская речь» которой изучаются типы и стили речи. Кроме того, молодое поколение адъюнктов имеет опыт участия в ЕГЭ по русскому языку, при подготовке к которому интенсивно осваиваются основные знания и умения в области текстovedения и текстопорождения. Упомянем только то, что уровень владения родной речью молодых россиян вызывает у общества озабоченность; высказывается мнение, что курс русского языка с 8 по 11 класс фактически можно рассматривать как «натаскивание» на удовлетворительный результат итоговых экзаменов [6]. Представителям более зрелых поколений еще сложнее, поскольку их школьный и вузовский активный опыт в данной области на момент поступления в адъюнктуру отстоит на значительный промежуток времени, а из стилей речи в силу ежедневной служебной практики более понятен официально-деловой стиль. По этой причине в большем количестве случаев при организации обучения в адъюнктуре реалистичнее говорить не о развитии академической грамотности, а о ее формировании, понимая, что такое направление образования, как академическое письмо фактически находится в нашей стране на начальном этапе становления. В связи с этим в Санкт-Петербургском университете МВД России с 2023 г. дан старт реализации программы «Основы академического письма в области методологии и технологии профессиональ-

ного образования», готовится к публикации соответствующее учебное пособие.

Обучение в адъюнктуре является в большей степени практикой самообразования, поэтому видится необходимой организация андрагогического сопровождения (сопровождения с опорой на теорию образования взрослых) со стороны всего педагогического состава образовательной организации, реализующего программы в адъюнктуре. Для этого нужно выработать согласованную стратегию. Я предлагаю один из вариантов решения данной задачи прежде всего для целевой аудитории адъюнктов, выбравших педагогические специальности. Научная статья является базовым жанром, с которым работают обучающиеся, поэтому в его рамках методически логично было бы развивать академическую грамотность.

Основываясь на указанной выше структуре академической грамотности, коротко охарактеризуем проблемы реализации направления академического письма, на преодоление которых будет направлено андрагогическое сопровождение адъюнктов.

Первый блок проблем связан с освоением ими ценностных оснований академической коммуникации, определяющих жесткость норм научного стиля. Его требования к тексту должны быть актуализированы в самом начале. Указанная жесткость норм объясняется прагматической установкой академического письма, которое призвано прежде всего информировать научное сообщество о новом знании, результатах актуального исследования. Информация должна быть изложена ясно, логично, с использованием терминов, сокращающих изложение, указывающих на методологические ориентиры. Таким образом автор включается в научный дискурс определенной предметной области, который существовал и до его изысканий. Акцентируем внимание на содержании в тексте нового знания, результатов актуальных исследований, владении предметной терминологией.

Второй блок проблем связан со спецификой педагогики – гуманитарной науки, практики и даже искусства. Адъюнкты, вы-

бравшие педагогические специальности, могут не обладать полноценным педагогическим опытом, соответствующим базовым образованием. Для большего понимания этого аспекта используем метафору. Представим себе, что существует диалоговая площадка, на которой собираются эксперты, они дискутируют по самым разным вопросам. В их число входят не только ныне живущие специалисты, но и корифеи иных эпох. В случае с педагогическим дискурсом это и Платон, и Сократ, и фактически большинство философов, поскольку, по мысли С. И. Гессена, педагогика – практическая философия. Там же – известные педагоги, общественные деятели. При каких условиях начинающий исследователь позволит себе включиться в дискуссию? Этот вопрос я задаю адъюнктам-педагогам. Взрослые люди без особого труда отвечают, что нужно представлять себе историю педагогики и образования, обладать определенным уровнем начитанности, что-то знать на память, включая терминологический аппарат. И это база построения содержания, без которой нельзя включаться в дискуссию, поэтому чтение, стратегии активного чтения – базис, построению которого тоже надо учить.

В мировой практике существуют разные подходы к разрешению указанных проблем, хотя они относятся прежде всего к студенческому этапу. Все подходы предполагают обязательный семинар академического письма для первокурсников, а также наличие специального структурного подразделения в образовательной организации – центра письма, оказывающего помощь как студентам, так и преподавателям. Далее стратегии разнятся. Можно предлагать обучающимся помощь тьютора, который работает над соблюдением норм научного стиля, не касаясь содержания, совершенствование которого – фокус взаимодействия обучающегося и научного руководителя диплома. В другом варианте «письменная компетенция является ключевой и весь процесс обучения строится на базе активного задействования письменной речевой деятельности для освоения и активизации новых знаний. Подобного рода

практика позволяет внедрить компонент письма в структуру любой преподаваемой дисциплины. При этом письмо является тем видом деятельности, который позволяет осмысливать, анализировать и критически представлять полученную информацию» [7, с. 186]. Еще один вариант – «усиление» ресурсов образовательной программы специалистом по академическому письму в конкретной дисциплине. Его задача – сопровождение развития способов мышления, сообразного определенному научному знанию, в нашем случае – педагогике.

В условиях образовательных организаций МВД России видится реалистичным второй вариант, когда преподаватели каждой дисциплины уделяют внимание развитию академической грамотности адъюнктов. Такая работа сложна, она сущностно андрагогическая и требует как методической, так и общенаучной подготовки. Предложим свое видение сопровождения адъюнктов в данном направлении как цепь этапов. Выделение этапов позволяет указать ведущие ориентиры образовательного процесса, в педагогической реальности работа над научным текстом совмещает все виды деятельности.

1 этап. Акцент: просветительство, нацеленное на освоение трех постулатов: «научная коммуникация – преимущественно сообщение нового результата исследования», «откажитесь от плагиата», «скажем «нет» публикациям ради публикации».

В лингвистической литературе встречается термин «текстопорождение». Метафорически представляется горшочек из немецкой сказки. Стоит пожелать начинающим научным работникам не уподобляться разбушевавшемуся горшочку, который затопил кашей целый город. Академический текст должен основываться на результатах исследования, иначе автор обесценивает научную истину. Не хотелось бы быть автором статьи, после прочтения которой читатель скажет бы: «потратил время зря; это ни о чем».

Как и в любой общественной сфере, в науке мы можем встретить явление имитации. Это второй «смертный грех» научного работника после плагиата. «Имитация – подражание в широком смысле, подделка, иногда с целью выдать за настоящее»¹. Сразу отметим: имитация в любых ее вариантах в научной деятельности не приемлема. По точному определению Р. Л. Лившица, «имитация науки – воспроизведение внешних признаков исследования при непонимании элементарных принципов научного познания или намеренном отступлении от них» [8, с. 83]. Эрзац-научные тексты множат сущности, не продвигая ни на шаг реальную науку, они фактически обманывают научное сообщество, крадут драгоценное время читателя. Это аксиоматика академического письма.

2 этап. Акцент: практика оперирования доказательствами в основной рамке рассуждения (тезис – доказательство – вывод).

Работа над научной статьей является оптимальной учебной ситуацией для развития умения выстраивать доказательства. Ее структуру начинающие исследователи постигают путем знакомства с требованиями рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (т. н. перечень ВАК РФ). Сегодня большинство из них предлагают план текста, принятый за рубежом и освоенный отечественными научными работниками, публиковавшимися в журналах перечней изданий Web of Science и Scopus. Он представляет собой последовательность из постановки проблемы, описания степени ее разработанности, методов исследования, результатов исследования, их обсуждения, выводов и благодарностей. Данная структура в большей степени пригодна для естественных наук, в области образования – психологии и социологии. Она предполагает наличие нового результата исследования, то есть наличие исследования в

¹ ENCE Имитация// dic.academic.ru URL: <https://yandex.ru/search/?text=Имитация%2F%2F+dic.academic.ru&lr=2&clid=2270456> (дата обращения: 12.08.2023)

принципе, а не размышлений о чем-либо. Однако именно в этой логике сегодня работают и авторы текстов по педагогике, в которой развивается направление «доказательной педагогики» (пример такого подхода – публикации издания Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Вопросы образования»). Оно во многом явилось ответом на обвинения в ненаучности отечественных педагогических публикаций, нередко презентующих разного рода мнения.

Провозглашение личного мнения – частая ошибка начинающих исследователей. Научный стиль требует: тезис подлежит аргументации. Вывод без аргументации остается частным мнением, что исключает его автора из научного дискурса. «В идеале, – отмечает Г. А. Брутян, – стратегическая задача аргументации – убеждающее воздействие – достигается за счет достоверности аргументов, их непротиворечивости, достаточности и последовательности их представления» [9, с. 83]. Недостаток фактологии, аргументов, незнание основ теории аргументации нередко компенсируются излишней экспрессивностью, эмоциональностью, перемежающейся с цитатами из «великих». Между тем начинать надо с формулировки идеи текста, за которой следует оформление тезиса, а затем и построение его аргументации. Представление читателям основной мысли и ее доказательство определяет композицию, именно поэтому, знаем мы со школьной скамьи, обобщенная структура текста такова: введение, основная часть и заключение.

3 этап. Акцент: работа над целостностью текста в ориентации на диалог в научном сообществе.

Включение в научный дискурс, как мы уже указывали, – включение в научный диалог. Целостность текста обеспечивается научной позицией автора, что крайне важно в педагогике – древнейшей практике реализации философских воззрений. Главный вопрос начала текстовой работы – что я хочу сказать важного. Старт замысла – уяснение проблемы (одной, а не всей совокупности существующих), которая будет освящена в

нем, понимание, что данная проблема интересна сообществу. Проблемы в гуманитарной сфере неразрывно связаны с противоречиями. Выявление противоречий – сложная задача, они не лежат на поверхности, варианты их разрешения, как правило, и являются содержанием текста. Надо ли говорить, что автор академического текста должен быть начитан в области, о которой собирается рассуждать. Он также должен отдавать себе отчет, что именно будет презентовать: анализ явления или процесса, сравнение разных подходов к ним, их исследованию и т. п., описание своего варианта решения проблемы. Это логическая ось текста, на которую будут нанизываться авторские аргументы, доказательства, фактический материал. Она обеспечивает целостность.

Не забудем о таком аспекте авторской работы над научным текстом, как «интересное чтение». Он может восприниматься как спорный, однако в области педагогики – общественной практики – о нем не стоит забывать. Вопросами образования сегодня интересуется все гражданское общество, а не только специалисты. Если статья интересна широкому кругу читателей – это верный знак высокого владения ее автором академическим письмом.

Таким образом, адъюнкту необходимо систематически выполнять текстовые задания при освоении разных дисциплин. Педагогическому коллективу следует придерживаться общезначимых рамок оценивания устных и письменных работ, определенных требованиями научного стиля, рассуждения как типа речи. Каков тезис? Каковы аргументы? Как их привели? И на этом основании – какова Ваша научная позиция?

В заключение снова вернемся к андрагогической специфике обучения/развития академической грамотности. Все мы когда-то начинали, редко у кого все сразу получалось. Андрагогическая позиция в адъюнктуре должна включать в себя это понимание. Взрослому не в меньшей степени, чем ребенку нужна поддержка, советы, шаги помощи, но ему сложно просить о них. Без систематической работы над освоением ос-

новых законов логики и их реализации в текстах невозможно развить академическую грамотность. Эта работа должна совмещаться с активным чтением качественных научных статей и монографий авторитетных авторов, мастеров слова. Таких, в частности, в профессиональной педагогике великое множество: С. Я. Батышев, А. М. Новиков, С. Г. Вершловский, О. Е. Лебедев, В. В. Сериков и многие другие. Читать их следует с карандашом (реальным или виртуальным), выявляя ход мысли, проемы построения аргументов, их связи с выводами. Нередко именно знакомство с такими работами дает толчок для вдохновения, позволяет выйти на

важные проблемы – а это путь к диалоговой позиции, к включению в научный дискурс, то есть шаг в развитии академической грамотности.

Таким образом, следует не только признать значимость области академического письма для подготовки диссертационных исследований в образовательных организациях МВД России, но и определиться с моделью реализации андрагогического сопровождения формирования/развития академической грамотности обучающихся, подготовкой преподавательского состава к выполнению данной задачи в рамках всех дисциплин, реализуемых в адъюнктуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров С. Н. Современные проблемы адъюнктуры университета МВД России и возможные пути их решения // *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*. 2016. № 1. С. 103–108.
2. Бавсун М. В., Миронкина О. Н., Сидорова И. В. Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в условиях перехода на федеральные государственные требования // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2022. № 3 (95). С. 152–160.
3. Филимонов О. В. Образовательная социализация адъюнктов в Академии управления МВД России: проблемы и пути решения // *Психология и право*. 2018. Том 8. № 3. С. 48–59.
4. Короткина И. Б. Оценка академического и научного текста в трех измерениях академической грамотности // *Ценности и смыслы*. 2017. № 6 (52). С. 109–126.
5. Короткина И. Б. Академическое письмо: учебно-методическое пособие для руководителей школ и специалистов образования. LAP Lambert, 2015. 138 с.
6. Здорикова Ю. Н. Речевая культура современного студенчества: необходимость исследования академической речи молодежи // *Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки*. 2013. Т. 4 № 2. С. 108–111.
7. Смирнова Н. В., Щемелева И. Ю. Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму // *Вестник СПбГУ. Серия 9*. 2015. Вып. 1. С. 185–197.
8. Лившиц Р. Л. Формы имитации науки // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2015. № 4. С. 80–86.
9. Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. 299 с.

REFERENCES

1. Tikhomirov S. N. Modern problems of postgraduate studies at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia and possible solutions // *International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activity*. 2016. No. 1. P. 103–108. (In Russ.)
2. Bavsun M. V., Mironkina O. N., Sidorova I. V. Problems of training scientific and scientific-pedagogical personnel in postgraduate school (adjuncture) in the conditions of transition to federal state requirements // *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 3 (95). P. 152–160. (In Russ.)
3. Filimonov O. V. Educational socialization of adjuncts at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and solutions // *Psychology and Law*. 2018. Volume 8. No. 3. P. 48–59. (In Russ.)
4. Korotkina I. B. Evaluation of academic and scientific text in three dimensions of academic literacy // *Values and meanings*. 2017. No. 6 (52). P. 109–126. (In Russ.)

5. Korotkina I. B. Academic writing: a teaching aid for school leaders and education specialists. LAP Lambert, 2015. 138 p. (In Russ.)

6. Zdorikova Yu. N. Speech culture of modern students: the need to study the academic speech of youth // News of higher educational institutions. Series: humanities. 2013. Vol. 4 No. 2. P. 108–111. (In Russ.)

7. Smirnova N. V., Shemeleva I. Yu. The role of writing in a modern university: analysis of foreign practice of teaching academic writing // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. 2015. Issue 1. P. 185–197. (In Russ.)

8. Livshits R. L. Forms of imitation of science//Intellect. Innovation. Investments. 2015. No. 4. P. 80–86. (In Russ.)

9. Brutyan G. A. Essay on the theory of argumentation. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Armenia, 1992. 299 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

М. Р. Илакавичус, доктор педагогических наук.

Information about the author:

M. R. Ilakavicius, Doctor of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья
УДК 378.1

ИННОВАЦИОННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Любовь Васильевна Ковтуненко¹, Михаил Сергеевич Гузеев²

¹ Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

^{1,2} Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

¹ kovtunenkov@mail.ru, orcid.org/0000-0002-5113-1735

² mguzeev@bk.ru, orcid.org/0000-0002-8787-1495

Аннотация. В статье представлен анализ понятий «инновация» и «новация», рассмотрены различные взгляды ученых на педагогическую инновацию, систематизирована нормативная база внедрения инноваций в образовательную практику. Авторами проведен опрос преподавателей и будущих педагогов на предмет отношения их к инновационной практике в образовательных организациях высшего образования, на основании которого предложены способы устранения противоречий в организации внедрения инноваций в образовании, акцентированы роли педагогического коллектива и руководителей разного уровня в развитии инновационной политики в образовании, показаны стратегические направления инновационных изменений в вузах.

Ключевые слова: новация, инновация, педагогическая инноватика, образовательная политика, образовательная организация.

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Гузеев М. С. Инновационные императивы в отечественном образовании // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 177–183.

Original article

INNOVATIVE IMPERATIVES IN DOMESTIC EDUCATION

Lyubov V. Kovtunenکو¹, Mikhail S. Guzeev²

¹ Voronezh State University, Voronezh, Russia

^{1,2} Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

¹ kovtunenkov@mail.ru, orcid.org/0000-0002-5113-1735

² mguzeev@bk.ru, orcid.org/0000-0002-8787-1495

Abstract. The article presents an analysis of the concepts of “innovation” and “novation”, examines different views of scientists on pedagogical innovation, systematizes the regulatory framework for the introduction of innovations in educational practice. The authors conducted a survey of teachers and future teachers on their attitude to innovative practice in educational institutions of higher education, on the basis of which the ways to eliminate contradictions in the organization of innovation in education are proposed, the roles of the teaching staff and managers of different levels in the development of innovation policy in education are emphasized, strategic directions of innovative changes in universities are shown.

Keywords: novation, innovation, pedagogical innovation studies, educational policy, educational organization.

For citation: Kovtunenکو L. V., Guzeev M. S. Innovative imperatives in domestic education // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. (102). P. 177–183.

Реализуемые в нашей стране в конце XX – начале XXI века инновационные изменения в содержании и структуре позволили отечественному образованию выжить в ус-

ловиях социально-экономического кризиса путем предоставления образовательным организациям самостоятельности, когда определялись формы и направления под-

© Ковтуненко Л. В., Гузеев М. С., 2023

готовки, приоритеты в выборе методов и приемов обучения. Последствия эклектики в образовании, преимущественно оказание образовательных услуг в ущерб воспитанию и развитию личности еще не преодолены и сегодня.

Только в 2009 году приказ Министерства науки и образования Российской Федерации «Об утверждении порядка создания и развития инновационной инфраструктуры в сфере образования» определил основные направления инновационной деятельности в образовании. Среди них были установлены «разработка и апробация новых элементов содержания образования и систем воспитания, педагогических технологий, учебно-методических и учебно-лабораторных комплексов, форм, методов и средств обучения на основе применения современных образовательных технологий; новых моделей образовательных учреждений, механизмов, форм и методов управления образованием на разных уровнях и др.»¹.

Современный этап развития отечественного образования переживает очередную модернизацию, обусловленную, с одной стороны, выходом из Болонской системы, с другой, – требованиями динамичности общественных процессов, рыночной экономики, которые ставят перед педагогическим сообществом проблемы поиска механизмов, обеспечивающих эффективное внедрение различного рода инноваций в деятельность

образовательных организаций для подготовки компетентных специалистов.

Перед системой образования ставятся задачи в кратчайшие сроки обеспечить разработку и внедрение новых технологий для повышения эффективности отечественного образования. Решить эти задачи возможно при условии формирования инновационной образовательной политики нового типа и эффективной системы ее реализации. На государственном уровне регулирование инноваций определяется инвестиционной политикой государства, в частности, Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике»², Указами Президента Российской Федерации, среди значимых – «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»³, «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁴, Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года⁵, основной целью которой является «обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения, развитие потенциала молодого поколения в интересах инновационного социально ориентированного развития страны»; национальным проектом «Образование», в котором одним из основных направлений является стиму-

¹ Об утверждении порядка создания и развития инновационной инфраструктуры в сфере образования: приказ Минобрнауки Российской Федерации от 23 июня 2009 г. № 218 // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-23062009-n-218/> (дата обращения 10.09.2023).

² О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 10.09.2023).

³ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 // Официальные сетевые ресурсы Президента России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33514> (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // Официальные сетевые ресурсы Президента России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Развитие образования, до 2030 года: государственная программа Российской Федерации // Министерство просвещения Российской Федерации: сайт URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/> (дата обращения: 10.09.2023).

лирование инноваций в сфере образования; нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, таким как Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»¹ и др.

В указанных нормативных документах под инновационной понимается деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

Однако проведенный анализ показал, что законодательное обеспечение развития инноваций в Российской Федерации нуждается в постоянном обновлении и доработке. Среди причин – наличие высоких рисков в инновационной деятельности и исследованиях, которые носят творческий характер, отсутствие консолидирующего нормативного правового акта, недостаточное финансирование фундаментальных исследований долгосрочного характера и др.

В 2022 году согласно Указу Президента Российской Федерации в стране объявлено Десятилетие науки и технологий, одной из задач которого является популяризация научных достижений и имен, которыми может и должна гордиться наша страна. Кроме просветительских мероприятий, должны запускаться образовательные платформы с участием ведущих деятелей науки, проводиться конкурсы и многое другое.

В статье 20 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» указано, что «экспериментальная и инно-

вационная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации»².

Основные направления экспериментальной деятельности в образовании связаны с «разработкой, апробацией и внедрением новых образовательных программ, образовательных технологий, образовательных ресурсов, новых инструментов организационно-правового обеспечения образования»³. В целях реализации инновационных проектов и программ создается инновационная инфраструктура в системе образования, в частности инновационные площадки, кампусы, технопарки и др.

В педагогической науке сегодня имеется важный раздел – инноватика. Содержание данного раздела составляют вопросы природы педагогических инноваций, закономерностей инновационного развития в отношении субъектов образования на современном этапе. Впервые понятие «инновация» использовалось культурологами и лингвистиками в целях развития науки, данный феномен применяли для трансфера элементов разных культур друг в друга.

Понятие «педагогическая инноватика» синонимично таким терминам, как «инновация», «нововведение», «инновационная деятельность», «педагогическое новшество». Данное понятие используется для обозначения новых форм организации образовательной деятельности и изменений в образовательной практике, определения профессиональных действий педагога, вы-

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/72216664/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146342/e9a1a62c2e07799e8554e53cdd8c212fa2afffeb/ (дата обращения: 10.09.2023).

³ Там же.

ходящих за привычные формы обучения и воспитания; методы, приемы, технологии, средства, отличные от традиционных; новые результаты образовательного процесса.

Педагогический словарь представляет следующее определение рассматриваемого понятия: «Педагогическая инновация – это целенаправленное изменение, вносящее в образовательную среду стабильные элементы (новшества), улучшающие характеристики отдельных частей, компонентов и самой образовательной системы в целом» [1, с. 42].

Существующая в научной литературе неоднозначность определения рассматриваемого понятия ведет к значительным расхождениям в его толковании. В основу разногласий толкования положено разное видение исследователями сущности нововведений. Некоторые ученые (Р. А. Фатхундинов, Н. Р. Юсуфбекова и др.) считают инновацией лишь то, что кардинально влияет на изменение результата, т. е. новизна фигурирует как абсолютно новое. При этом отмечается, что новация должна обладать инновационным потенциалом – способностью обеспечивать в течение длительного времени полезный результат от своего использования.

Другие исследователи (В. С. Лазарев, Б. П. Мартиросян, В. А. Сластенин) относят к инновациям даже незначительные новшества. При этом практически все исследователи сходятся во мнении, что если нововведением не обеспечивается полезный эффект, то оно является псевдонововведением.

Анализ позиций исследователей во взгляде на инновации позволил нам занять позицию, согласно которой мы считаем инновацией и процесс, и результат, суть которых состоит в создании или воспроизведении нового. Однако следует различать понятия «новация» и «инновация». Инновация по сравнению с новацией – более широкое понятие, означающее процесс, новация же – только предмет инновации, рассмотрение которого составляют идеи, методики, технологии, программы.

Следует также отметить, что понятие новизны носит конкретно-исторический и

личностный характер. Являясь чем-то новым для одного педагога, для другого этот педагогический продукт является нормой, общепринятой практикой. Субъективная оценка новизны характеризует уровень компетентности педагога, является показателем его стремления к развитию, творческому отношению к профессиональной деятельности.

Педагогическая инновация как целенаправленное изменение должна вносить в образовательную среду стабильные новшества, которые будут способствовать улучшению системы образования в целом и ее отдельных характеристик. Особое значение внедрения инноваций и инновационных проектов в образование заключается в прогрессивном изменении качества обучения, воспитания и развития всех субъектов образовательного процесса.

Обоснование эффективности и освоение педагогических новшеств в педагогической деятельности осуществляется во взаимосвязи с личностными характеристиками обучающихся, мотивацией на реализацию и уровнем компетентности педагогов, обладающих навыками применения педагогического инструментария.

Основными направлениями инновационной педагогической деятельности представляются следующие: реализация концептуальных достижений науки и техники в педагогическую практику; внедрение информационно-образовательных технологий; учебно-методическое обеспечение инноваций в обучении; анализ инновационного опыта и разработка авторских подходов к обучению.

Использование инноваций в образовании призвано повысить эффективность педагогической системы. Однако увлекаясь разного рода инновациями, важно не забывать о научном подходе к инновациям. Инновация сегодня – новая ценность.

Одной из существенных характеристик педагогической инноватики является новизна педагогического средства, которая служит главным критерием в оценке новизны педагогического исследе-

дования. Согласно идеям В. А. Сластенина, Л. С. Подымовой, «критериями оценки педагогических инноваций являются, прежде всего, новизна, оптимальность, высокая результативность, возможности творческого применения инновации в массовом опыте» [2, с. 107].

Г. К. Селевко относил к инновационным учебным заведениям те, чья деятельность построена на «оригинальных (авторских) идеях и технологиях и представляет собой новую образовательную практику, учебное заведение, где наличествует концептуальность учебно-воспитательного процесса, сознательное использование [в авторских моделях] философских, психологических, социально-педагогических и других научных оснований; системность и комплексность учебно-воспитательного процесса; социально-педагогическая целесообразность (соответствие целей образования социальному заказу); присутствие признаков или результатов, определяющих реальность и эффективность авторской школы» [3, с. 251].

В практике образовательных организаций сегодня недостаточно применяются педагогические новшества, вызвано это различными причинами. В связи с чем нами проведен опрос среди педагогов образовательных организаций высшего образования ряда регионов и студентов-будущих педагогов на предмет их подготовки к внедрению педагогических инноваций в образовательную практику.

Участникам опроса были заданы следующие вопросы:

Как вы оцениваете личностную подготовку к внедрению педагогических инноваций в профессиональную деятельность?

Имеются ли технические возможности в вашей образовательной организации для внедрения инноваций? Как вы их оцениваете?

Существуют ли организационные проблемы в прохождении экспертизы и апробации инноваций?

Испытываете ли вы лично потребность в повышении компетенции в области разра-

ботки и использования инновационных технологий?

Какие инновационные технологии вы используете в образовательном процессе?

Как руководство образовательной организации способствует внедрению инноваций в образовательную практику?

Анализ полученных результатов показал, что будущие педагоги более мотивированы на инновации и их внедрение в образовательную практику (86,0 %) в отличие от преподавателей, возрастная категория которых выходит за границы 60+ (34,0 %). Все участники опроса (66,0 %) отметили недостаточную активность руководства во внедрении инноваций, слабую техническую оснащенность, дефицит ресурсов, в основном это компьютеры, проекторы, интерактивные доски. В целом респонденты отмечали несоответствие образовательных организаций требованиям инновационных процессов и технологических достижений. В образовательной практике педагоги используют презентации, электронную почту и социальные сети для рефлексивного взаимодействия (67,0 %), незначительная часть педагогов использует создание чат-ботов (10,0 %). Недостаток профессиональной компетентности, тревожность педагогов, связанные с реорганизацией, отмечали как будущие педагоги (63,0 %), так и действующие (74,0 %), неконструктивные позиции администрации (пассивность, оппозиция) определили 54,0 % участников опроса.

Согласно требованиям ФГОС в каждой образовательной организации создана электронная образовательная среда, что способствовало вовлечению преподавателей зрелого и более старшего возраста в обучение работе в данной среде. Сегодня они оценивают это как положительный опыт и ресурс, облегчающий взаимодействие с обучающимися.

Для устранения противоречий в организации внедрения инноваций в образовании следует внести изменения в управленческую систему, в содержание образования, в программу подготовки и повышения квали-

фикации педагогов, в технологии организации образовательного процесса.

Источники для подобных инновационных изменений следует искать как внутри образовательной организации, стимулируя педагогический коллектив, так и в инновационной государственной политике, улучшении материально-технического обеспечения образовательных организаций.

Современное российское образование, безусловно, носит инновационный характер, который проявляется в личностно-ориентированном развитии обучающихся, построении индивидуальной траектории их развития для раскрытия личностного потенциала, в гуманизации и гуманитаризации содержания образования, в повышении эффективности управления и создании условий для профессиональной и личностной самореализации педагогов, раскрытия их творческих способностей, в обеспечении информационными средствами обучения и другими программными продуктами.

Хотелось бы отметить, что внедрение инноваций в образовательную практику – не самоцель педагогов или следование современным трендам, а насущная потреб-

ность, основной целью которой является улучшение достижений обучающихся как в учебной деятельности, так и в личностном развитии.

Многое зависит от стремления руководителей системы образования и лидеров-руководителей образовательных организаций к новому, к поиску источников изменений и ресурсов для их реализации, к преодолению возможных на этом пути преград.

Достижение обозначенной цели возможно путем совместных усилий государства, общества, педагогического коллектива образовательной организации и личного вклада каждого педагога в работу по всем направлениям.

Стратегическое направление в инновационных изменениях в вузах видится в направлении увеличения проводимых прикладных научных исследований, создании научно-образовательных комплексов, экспериментальных площадок, занимающихся вопросами оптимизации процесса инновационных изменений, интеграции науки и образования, дифференциации, индивидуализации, интерактивности обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Педагогический словарь / В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, Т. А. Строкова. М., 2008. 352 с.
2. Слостенин В. А. Педагогика: Инновационная деятельность. Москва: Магистр, 1997. 223 с.
3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. Москва: Народное образование, 1998. 256 с.
4. Алексеева М. В., Ковтуненко Л. В. Готовность к инновационной деятельности будущих педагогов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 3. С. 14–17.
5. Загвязинский В. И., Строкова В. А. Педагогическая инноватика: проблемы стратегии и тактики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. 176 с.

REFERENCES

1. Pedagogical dictionary / V. I. Zagvyazinsky, A. F. Zakirova, T. A. Strokova. M., 2008. 352 p. (In Russ.)
2. Slastenin V. A. Pedagogy: Innovative activity. Moscow: Magister, 1997. 223 p. (In Russ.)
3. Selevko G. K. Modern educational technologies: textbook. Moscow: Public Education, 1998. 256 p. (In Russ.)
4. Alekseeva M. V., Kovtunencko L. V. Readiness for innovative activity of future teachers // Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education. 2022. No. 3. P. 14–17. (In Russ.)
5. Zagvyazinsky V. I., Strokova V. A. Pedagogical innovation: problems of strategy and tactics. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2011. 176 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Л. В. Ковтуненко, доктор педагогических наук, доцент;

М. С. Гузеев, кандидат педагогических наук.

Information about the authors:

L. V. Kovtunenکو, Doctor of Pedagogy, Associate Professor;

M. S. Guzeev, Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: rio_cyi@mvd.gov.ru.

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом

тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является анонимным («двойное слепое рецензирование»).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

**Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА